

ISSN 2077-4877

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 24

В 2 частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2025

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по политическим, философским и экономическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Р е к о м е н д о в а н о
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 27 декабря 2024 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Служа*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьёв*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ю. Л. Баньковская

Белорусский государственный университет, Минск

Yu. L. Bankouskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 101.8:316.3

СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

NETWORK CULTURE AS A PHENOMENON OF MODERN SOCIAL REALITY

Сетевая культура предопределяет специфику существования человека в современном информационном континууме. Дематериализованный, глобальный, анонимный, мультимедийный характер сетевой коммуникации приводит к выстраиванию новой формы социальных взаимоотношений людей. Сетевая культура становится нормативным регулятором, воздействующим на стабильность развития общества. Выявление позитивных и негативных аспектов информатизации и сетевизации социальной реальности является необходимым условием гармонизации отношений между социальными группами и обеспечения безопасности развития личности и государства.

Ключевые слова: сети; сетевая культура; сетевая этика; информация; коммуникация.

Network culture determines the specifics of human existence in the modern information continuum. The dematerialized, global, anonymous, multimedia nature of network communication leads to the building of a new form of social relationships between people. Network culture becomes a normative regulator that affects the stability of society's development. The identification of positive and negative aspects of informatization and networkization of social reality is a necessary condition for the harmonization of relations between social groups and communities, ensuring the security of the development of the individual and the state.

Keywords: networks; network culture; network ethics; information; communication.

Развитие информационно-коммуникационных технологий содействовало внедрению сетей во все сферы жизнедеятельности людей. Следствием их распространения становится необходимость модификации социальных ценностей и норм. Поскольку Интернет стал инструментом творческого самовыражения представителей разных социальных групп, его пространство объединило в себе не только научно-технические и технологические аспекты, но и культурные достижения общества. Таким образом, актуализирует значимость прояснения специфики сетевой культуры.

Современная реальность характеризуется тем, что постепенно происходят кардинальные изменения в пространстве коммуникативного взаимодействия.

¹ Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ Г24-072 по теме «Сетевая война как современный вызов национальной безопасности».

ствия людей. Сетевая культура представляет собой совокупность ценностей, норм, практик, традиций и установок, сформировавшихся в символическом пространстве сети и ориентированном на деятельность людей по созиданию и изменению культурных артефактов. Она включает в себя множество духовных явлений, воздействующих на образ мышления, поведения и мировоззрения людей, возникших в процессе создания, трансляции и получения информации, ее интерпретации и понимания. Е. А. Бердник трактует данный феномен как «информационно-коммуникативную систему, связывающую воедино все элементы сети посредством разделяемых всеми нематериальных (символических) форм культуры (ценностей, норм, правил, установок, идей, языка и др.) и обеспечивающую тем самым целостность и самовоспроизводимость сети» [1, с. 53]. Под влиянием всеобъемлющих изменений в разных сферах социальной жизнедеятельности людей происходит формирование новых социальных ценностей и норм. Сетевая культура представляет собой сложный социальный феномен, образовавшийся в результате развития информационно-коммуникационных технологий. Являясь формой отображения новых процессов, осуществляемых в социальной реальности, она богата своими смысловыми коннотациями. Необходимость в ее исследовании обусловлена расширяющимся пространством ее потребления. Все большее количество людей используют интернет-технологии. Отсутствие знаний о понимании специфики сетевого пространства приводит к возникновению множества преступлений, совершаемых при помощи использования информационных сетей.

Быстрые изменения, происходящие в пространстве техники и технологий, требуют от людей адаптации и понимания новых инструментов. Сетевая культура динамично развивается и проникает во все сферы человеческой жизнедеятельности. Она обуславливает особенности поведения и мышления современного человека, создавая особое пространство его существования, обучения и взаимодействия с социальным окружением. Ее влияние приводит и к изменению культурного мира людей. Традиционные моральные устои, заложенные в представлениях предшествующих поколений, как никогда ранее оказались затронуты ее распространением. С целью понимания специфики сетевой культуры необходимо исследовать поведение человека в Интернете, культурные продукты, для распространения которых некоторые организации используют сетевые технологии. Мероприятия, информация о которых представлена в сети, ориентированы на раскрытие общих тенденций, предопределяющих необходимость в формировании измененной модели социокультурного взаимодействия множества людей.

Механизм трансляции социокультурных ценностей и норм сетевой культуры качественно отличается от способов передачи традиционных культурных феноменов. Данное обстоятельство обусловлено прежде всего тем фактом, что сетевые технологии обеспечивают быстрое распространение информации. Сеть представляет собой «технический феномен новых

коммуникационных технологий, морфология которых связана с представлением об информации как знании, порождающем конструктивные изменения системы... То есть понятие информации, ее способность к трансляции (коммуникации), включая помимо спонтанных информационных обменов их целенаправленную транспортировку в нужном направлении, является необходимым атрибутом системы» [2, с. 53–54]. Скорость распространения информации, глобальность территориального охвата и мультимедийность распространения информации посредством сети Интернет повышает восприимчивость традиционной культуры к изменениям в пространстве социальной реальности. Возникая из недр уже сформированной и устоявшейся системы социальных ценностей и норм, сетевая культура трансформирует сложившиеся ценностно-нормативные стандарты, формирует особый образ мира, который может отличаться от реальности. «Интернет – это глобальный коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [3, с. 15]. Сформировавшиеся концепции, обычаи, новые модели поведения и привычки приводят к изменению ментальности человека. Сети стирают пространственные границы, создавая условия для коммуникации между представителями разных государств. Тем самым происходит обогащение сетевой культуры новыми смыслами, ценностями и символами.

Сетевая реальность увеличивает обособленность людей друг от друга. Это особое пространство многовариантной полифункциональной коммуникации, сформированное в качественно новых технологических условиях, задающих иную форму когнитивной и поведенческой деятельности. Традиционный мир с его моделью социального устройства заменяется анонимной аудиторией. Появляется особое представление о свободе, предоставляющей как дополнительные возможности для самовыражения, так и продуцирующей ситуацию отсутствия ответственности за свои поступки и действия в сети. «Размывание реальных ролей и статусов, уничтожение пространственных барьеров и географических границ, наконец, деконструирование самих субъектов взаимодействия» [4, с. 110] характеризует современное социальное пространство.

В сети формируются условия для взаимодействия между представителями разных этнических общностей. Все они привносят в сетевое пространство свои ценности, нормы, убеждения, представления и тем самым обогащают ее содержание. Их динамичность, гибкость и открытость обуславливают изменчивость социальных норм и ценностей, которые трансформируют социальное пространство. Открытость сети предопределяет специфику ее формирования. Она предоставляет широкие возможности для каждого человека принять участие в сетевой деятельности. Это обеспечивает как возможность ее свободного развития, так и ее разнообразия, на основании которого устанавливается и поддерживается национальная идентичность в сетевой среде. Ю. Хабермас полагает, что открытость осу-

ществляется благодаря «установлению широких, многомерных связей коммуникации» [5, с. 21]. При этом духовный мир человека в сети становится фрагментированным, что приводит к тому, что происходит рассеивание смыслов в огромном информационном пространстве. «Особенностью информационного общества... является то, что количество информации достигло такого объема, что ни один здоровый человек не способен не то что осваивать этот объем, а даже более-менее в нем ориентироваться» [6, с. 79–80]. Это также приводит к возникновению проблемы восприятия субъектом его социокультурной идентичности, смешению им феноменов реального и виртуального, утрате собственной индивидуальности в виртуальном пространстве. Степень цифровой зависимости возрастает каждый день. Люди и вещи постепенно становятся символами, замещающими реальные образы. Следовательно, обостряется проблема понимания человеком своей идентичности.

Сетевая культура оказывает коннотативное воздействие на человека, его систему ценностей и норм. Под влиянием различных факторов, таких как знания и способность к онлайн-общению, будут формироваться различные способности к осуществлению дискурса. Коммуникация стала неотъемлемой частью построения сетевой культуры. Сети формируют новый способ распространения идей, выражения мнений и передачи информации, самовыражения и общения. Они создают особую реальность, формирующую новые возможности для творчества, обмена опытом и знаниями. Кросскультурное взаимодействие в сети способствует межкультурному диалогу представителей разных обществ. Оно как взаимообогащает сетевую культуру, так и обостряет проблему этнических конфликтов.

Сетевая культура предопределяет специфику социального развития общества, процесс его модернизации и глобализации. Это всеобъемлющее социальное явление. Разнообразная система ценностей и норм облегчает большинству сетевых пользователей получение социального признания. Понимание своей социокультурной идентичности и принадлежности позволяет избежать одиночества, обрести поддержку, ослабить уровень социального давления.

Взаимосвязи и установки различных стран, этнических групп также являются важной составляющей сетевой культуры. Тесно переплетаясь между собой, она формирует сложный социальный ландшафт. На процесс ее функционирования будут оказывать влияние традиции разных народов и государств, которые внедряются в сетевое пространство. Ненадлежащее осуществление человеком своих прав нарушает и ущемляет права других людей. Транслируемый в сети контент должен соответствовать культурным принципам и законам государства, быть сформированным в соответствии с этическими стандартами.

Исследование сетевой культуры включает вопросы безопасности, конфиденциальности и этики в Интернете. Формирование сетевой этики стано-

вится одной из приоритетных задач социального развития, направленного на его стабилизацию в ситуации обострения противоречий. Следовательно, особую ценность приобретает создание общественного пространства с универсальными ценностями и взаимосвязями. «Сложившиеся в современном обществе противоречия в сфере применения ИКТ обусловили возникновение норм новой этики, которая имеет разные направления: информационная этика (исследует моральные проблемы, появляющиеся в связи с развитием и применением информационных технологий); компьютерная этика (вопрос о правильном и неправильном использовании информации в информационном обществе); киберэтика (философская область этики, относящаяся к компьютерам, охватывающая поведение пользователей, то, на что запрограммированы компьютеры, и каким образом это влияет на отдельных людей и общество в целом)» [7, с. 65]. Сетевая культура формируется в результате вовлечения людей в информационный процесс. Это феномен, образовавшийся благодаря уникальному коммуникативному взаимодействию людей в киберпространстве. Необходимо повысить интернет-грамотность пользователей сети, способствовать развитию рационального мышления, ориентированного на критическое осмысление ситуации, сформировать навыки критического оценивания контента.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что результатом быстрого развития информационно-коммуникационных технологий становится формирование сетевой культуры, создающей новый образ жизни, ценностные суждения, ориентации, этику современных людей. Ее уникальность проявляется в том, что она может оказывать как позитивное влияние на продвижение нравственных идеалов и традиций, развитие личности и создание нового социокультурного пространства, процесс внедрения инновационных методов управления для достижения компромиссного решения в конфликтной ситуации, создание новых представлений о добре и красоте, соответствующих интересам больших социальных общностей, разоблачение деструктивных тенденций развития общества, так и негативное воздействие, заключающееся в применении сетевых технологий для распространения конфликтов, нанесения ущерба другим государствам, разжигания социальной розни, организации огромного давления на общественное мнение. Значение сетевой культуры заключается в том, что она способствует культурному обмену и взаимопониманию между народами, создает условия для общения и взаимодействия представителей разных этнических групп, формирует возможности для творчества, креативности и самовыражения, ориентирована на изменение традиционных норм и ценностей, формирование новых этических стандартов. Создавая новые правила и модели поведения, она приводит к трансформации традиционных представлений людей о морали и социальной ответственности.

Список использованных источников

1. Бердник, Е. А. Сетевая культура как объект социологического анализа / Е. А. Бердник // SOCIOПРОСТІР: Междисциплинар. сб. науч. работ по социологии и соц. работе. – 2011. – № 1. – С. 51–55.
2. Игнатов, М. А. Сетевая парадигма (философская рефлексия) / М. А. Игнатов // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 17, вып. 41. – С. 49–55.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе: [пер. с англ.] / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 327 с.
4. Булычев, И. И. О базисных логико-философских константах коммуникации / И. И. Булычев, А. Н. Кирушин // Философия и общество. – 2011. – № 4. – С. 97–116.
5. Хабермас, Ю. После 11 сентября / Ю. Хабермас // Расколотый Запад: [пер. с нем.]. – Москва, 2008. – [Гл.] 1. – С. 9–29.
6. Коровин, В. М. Третья мировая сетевая война / В. М. Коровин. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2014. – 349 с.
7. Измагурова, В. Л. Этические аспекты влияния интернет-общения на развитие сознания / В. Л. Измагурова // Коммунология. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 59–70.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

П. А. Барахвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск

P. A. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 1:304.5

ГИБРИДИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ ПРИ ОБЪЕДИНЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ РАЗЛИЧНОГО ТИПА (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ)

THE HYBRIDIZATION OF RELIGIOUS INSTITUTIONS UNDER UNIFICATION OF SOCIAL SYSTEMS OF DIFFERENT TYPES (THE CASE OF THE RZECZ POSPOLITA)

Показано, что при объединении социальных систем с различными видами институциональных матриц (ИМ) и формировании в рамках новой общественной системы равно-великих по числу приверженцев конфессий возможно возникновение кризиса религиозной сферы. Механизм его преодоления является «подстройка» религиозных институтов конфессий (путем гибридизации – придания им отдельных новых характеристик) к типу, комплементарному в ИМ новой общественной системы. В Речи Посполитой гибридизации подверглись православные религиозные институты; ее примерами являются православные церковные братства и братское движение, а также униатская церковь.

Ключевые слова: общественная система; институты; институциональная матрица; религия; христианство.

It is shown that when social systems with different types of institutional matrices (IM) are combined and confessions of equal numbers of adherents are formed within the framework of a new social system, a crisis in the religious sphere may arise. The mechanism for overcoming it is the "adjustment" of religious institutions of confessions (by hybridization – giving them some new characteristics) to the type complementary in the IM of the new social system. In the Rzecz Pospolita, Orthodox religious institutions were subjected to hybridization; its examples are the Orthodox church brotherhoods and the fraternal movement, as well as the Uniate Church.

Keywords: social system; institutions; institutional matrix; religion; Christianity.

Наблюдаемые в различных странах в последние десятилетия кардинальные изменения в экономической, политической и социокультурной сферах, а также несоответствие результатов этих изменений возлагаемым на них надеждам актуализировали исследования проблемы формирования и эволюции общественных систем (ОС). Среди ряда подходов к ее решению представляет интерес институциональный подход, объектом изучения которого являются институты, понимаемые в самом широком смысле – как «правила игры, определяющие направленность социальных действий» [1]. Их сложная система регулирует функционирование как общественной системы в целом, так и ее *взаимозависимых* подсистем – экономической, политической и социокультурной [2]. В институциональной структуре выделяются *базовые* институты двух основных типов – редистрибутивные и рыночные, представляющие собой «глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ» [3, с. 56]. Среди базовых редистрибутивных институтов выделяют: общественную собственность, редистрибуцию (аккумуляция – согласование – распределение с задействованием центра) как институт обмена; централизованное политическое устройство, иерархическую властную вертикаль; коммунитарное мировоззрение. Базовые рыночные институты включают частную собственность, куплю-продажу как институт обмена; децентрализованное политическое устройство; индивидуалистское мировоззрение. Базовые институты двух типов (при обязательном условии доминирования одного из них) образуют институциональную матрицу (ИМ) [3, с. 74]. При этом институты доминантного типа определяют социальную идентичность конкретного общества и особенности его развития, а комплементарные институты обеспечивают устойчивость институциональной матрицы, смягчают кризисные ситуации, когда доминантные институты не могут функционировать эффективно [4]. ИМ с доминированием редистрибутивных институтов относится к Х-типу, рыночных – к Y-типу. В целом в регулирующей ОС институциональной структуре преобладают институты с сущностными характеристиками доминантного типа.

Важнейшим институтом является религия – отклик человека на неизведанное, древнейшая форма освоения окружающего мира. По мнению К. Г. Юнга, религия лежит в основе процесса психологической индивиду-

ации личности [5], объединяющей два диалектически связанных тренда: имманентно присущее человеку самоосознание через противопоставление социуму (выделение «Я» из «Мы») и поиск своего места в этом социуме, отражающий стремление человека оставаться его частью. Наличие этих трендов свидетельствует о дуализме института религии, который в определенной степени согласуется как с доминирующими, так и комплементарными базовыми институтами, что обуславливает возможность его репрезентации в институциональных формах¹, обладающих сущностными характеристиками институтов альтернативных типов.

Ранее автором на примере христианства показано [4], что в странах, где на стадии завершённой конфессионализации² существует ярко выраженное доминирование одной конфессии, соответствующие ей религиозные институты обладают характеристиками институтов, комплементарных в ИМ, т. е. выполняют компенсаторную функцию. Однако возникает вопрос, что будет в случае, если страна поликонфессиональна, причем по числу приверженцев конфессии сопоставимы, так что попытки изолировать какую-либо из них внутри общественной системы сопряжены с угрозой существования самой системы.

В данном случае представляет интерес Речь Посполитая (РП) – государство, возникшее в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского (ВКЛ). Как свидетельствуют данные за 1618 г., из 12 млн жителей Речи Посполитой православные составляли – 5 млн, а католики – 4,5 млн [6, р. 96]. При этом к моменту объединения (1569) государственной религией Польши являлся католицизм, а в ВКЛ православная церковь доминировала по численности приверженцев, но не поддерживалась светской властью. После заключения Кревской унии принявший католичество Ягайло в привилее 1401 г. писал: «Сделавшись их единомышленниками и сообщниками в вере, мы к стати и уместно обязываемся всегда путем согласия споспешествовать развитию католического дела» [7, с. 27]. В Городельском привилее (1413) отмечалось: «Упомянутыми вольностями, привилегиями и милостями должны пользоваться и владеть только те паны и бояре литовской земли, коим предоставлены гербы и клейноды панов королевства Польского и которые исповедуют католическую веру и подчиняются римской церкви» [7, с. 31]. Таким образом, в Речи Посполитой сложились практически равновеликие по числу приверженцев конфессии, однако лишь одна из них (католицизм) поддерживалась светской властью. Целью настоящей работы является исследование проблемы трансформации религиозных институтов в таких условиях. Решение данной проблемы актуально не только с теоретической точки зрения, но и в связи с влиянием

¹ Институциональная форма – институт в узком смысле слова. Далее будем использовать для данного понятия термин «религиозный институт».

² Этап завершённой конфессионализации предполагает выделение конфессии с формированием присущих ей дискурсов, институтов и самосознания.

вследствие эффекта «социальной памяти» протекавших в Речи Посполитой социальных процессов на формирование белорусской нации, его настоящее и в определенной степени будущее.

В результате создания Речи Посполитой произошло объединение общественных систем с альтернативным типом институциональных матриц: Королевства Польского с Y-матрицей и ВКЛ с X-матрицей. Это обусловило необходимость институционального «подстраивания» друг под друга составных частей новой ОС. С целью гомогенизации ИМ, а именно установления доминирования институтов рыночного типа, имели место интенсивные трансплантации польских рыночных институтов на земли ВКЛ [8, с. 427]. Формирование для Речи Посполитой ИМ Y-типа предполагало отсутствие жестко централизованной, сильной светской власти. Православие же, зародившись в Византии с ее X-матрицей, распространилось в подобных ей странах с *сильной* властью государя и доминированием редистрибутивных институтов, где власть духовная дополняла светскую. Необходимость существования в совершенно иной институциональной среде обусловила кризис православных религиозных институтов.

Быстрому разрешению кризиса препятствовали как внешние, так и внутренние факторы. К числу первых следует отнести завоевание Константинополя в 1453 г. османами. По разрешению султана Мехмеда II в 1454 г. был избран новый патриарх, ставший во главе всего христианского *миллета*¹ и получивший вследствие этого право управления над всеми христианами Османской империи, включая сбор налогов и осуществление правосудия. Благодаря предоставленным ему правам Константинопольский патриарх получил возможность принимать решения в отношении христиан единолично, не учитывая мнения других православных патриархов. Однако такая трансформация власти, которая стала не только духовной, но и политической, хоть и ограниченной, являлась существенным нарушением православных канонов. В результате образования Речи Посполитой все ее православное население было объединено Киевской митрополией Константинопольского патриархата, однако в силу тяжелого состояния восточного христианства и кардинального изменения своего статуса Константинопольский патриарх практически не вмешивался в дела митрополии и не оказывал ей поддержку в христианском мире

К числу внутренних факторов, сдерживающих быстрое преодоление кризиса православных религиозных институтов, следует отнести отсутствие у православной церкви в качестве наследия предыдущей эпохи как экономической силы (обширные земельные владения), так политической (высшая православная иерархия не имела доступа в сенат, исключительно редко участвовала в органах местного управления [9]).

¹ *Миллет* – термин, употребляющийся в мусульманских странах и обозначающий религиозную конфессию, обладающую автономными административными учреждениями, расположенными в специально отведенных для этого местах городов.

Кроме того, усугубило кризис «право подавания», или патроната (право на раздачу церковных должностей) – институт, диффундировавший из католической Европы¹. В православии каноническим соучастником церковного управления является цезарь – император, это право не распространяется на других мирян. В РП при изменении владельца земли к новому хозяину переходило и право «подавания» в отношении церквей, находившихся на этой земле. Таким образом, воспользоваться этим правом мог не один государь, а любой землевладелец, на землях которого располагалась либо основывалась новая церковь. Крупные землевладельцы имели возможность определять, церкви какой конфессии будут расположены на их территории и кто в них будет священнослужителем. «Переход во второй половине XVI века представителей многих православных княжеских и шляхетских родов в другую веру (протестантизм или католичество) обусловил массовое закрытие православных церквей или обращение их в костелы и кирхи» [12, с. 296, 316]. При этом у представителей церковной иерархии не было юридических прав воспротивиться таким действиям. Назначение на церковные должности стало объектом купли-продажи – сделки, совершаемой соискателем и патроном: например, известна история львовского епископа М. Тучапского, которому получение епископства обошлось в 500 волов [12, с. 142]. Участие митрополита в процедуре избрания нового епископа в XVI в. было формальным. Право «подавания» привело к многочисленным нарушениям канонов со стороны православного духовенства, особенно приходского, снижению уровня его образованности и, как следствие, авторитета.

Дальнейшему развитию кризиса способствовала дисфункциональность системы управления, в частности, крайне редкий созыв поместных соборов (они созывались в 1509, 1540, возможно, в 1514, 1541 и 1558 гг., в течение следующих 30 лет их не было).

Одним из механизмов преодоления кризиса является гибридизация религиозных институтов [13]. Возможны два вида «импульсов» к изменениям: «снизу» (извне по отношению к властной системе) и «сверху» (из системы власти). К числу таких институтов, предложенных «снизу», следует отнести церковные братства, которые создавались *по инициативе городского православного населения* РП. Объединения мирян («медовые братства», приходские общины) существовали и ранее и продолжали существовать в Речи Посполитой. Главным отличием церковных братств от других типов союзов являлись принципиально новые цели деятельности, в частности: проблемы религиозного просвещения, для чего предполагалось основание школ, типографий; написание и распространение богословских текстов. Для последнего авторы, вероятно, использовали католические пособия по

¹ Подобные факты (как, например, торговля бискупскими кафедрами) зафиксированы в Речи Посполитой вначале в католической церкви [10])

риторике и апологетике (что было недоступно в Московском государстве) [14, с. 436–437].

Важная задача церковных братств – установление контроля мирян за деятельностью церковных иерархов Киевской митрополии и осуществление «коллективного патроната» [15]. Особенностью церковных братств является их стремление к реформированию церкви, чему способствовала ставропигия¹. Об этом свидетельствует сохранившаяся инструкция, данная виленским братским послам на собор 1594 г. [16]. В документе указан ряд недостатков православной церкви (неэффективная система управления, использование священнослужителями церковного имущества в личных целях, нарушения при получении сана) и предложена программа преобразований, в том числе: учредить братства повсеместно (в каждом повете), полностью передав им право осуществления образовательно-просветительской деятельности (создания школ и типографий); превратить церковные братства в самостоятельную силу, выведя их из-под контроля местной церковной иерархии; запретить союзы, созданные епископами; юридически закрепить права и обязанности соборов и митрополита. В качестве непосредственных исполнителей преобразований называются, помимо церковных иерархов, светские лица (братчики), общее же руководство сохраняется за епископатом. Предложенная программа реформ предполагала кардинальные изменения религиозного института, в частности отказ от принципа главенства епископа в епархии, который был закреплен многочисленными постановлениями соборов, в том числе вселенских, и в соответствии с нормами православной церкви не подлежал отмене.

Конечной целью братств являлось коллективное (а не индивидуальное) спасение. Братчики полагали, что поскольку вследствие кризиса православной церкви миряне лишены *праведного* пастыря, они считают себя вправе избирать второй путь – «самостоятельный поиск закона Христова, который станет залогом их спасения» [15, с. 160]. При этом братчики не отрицали необходимость церковной иерархии и принцип пастырства. Однако в объединении они почувствовали себя ближе к спасению. Важнейший принцип, отраженный в документах братств, – это равенство (при проведении братских заседаний между руководством братства и его рядовыми членами) как наглядное проявление «братолюбия». Тем не менее в документах братств отсутствует упоминание о необходимости уравнивания материальных доходов.

Следующим новым институтом, предложенным «снизу», является братское движение, которое выражалось в координации братствами своей деятельности. Степень вовлеченности братств в это движение была различной, начиная от признания лидерства и исключительного авторитета ставропиги-

¹ Статус ставропигиального братства, предоставленный ряду церковных братств, например львовскому, предполагал их независимость от местной епархиальной власти и подчиненность непосредственно патриарху или синоду.

ального львовского (Успенского) братства до принятия необходимости выработки единых принципов деятельности. Особенности братского движения были отсутствие единого стандартного устава и, в целом, несмотря на координацию, самостоятельность отдельных союзов. Братское движение было признано на поместных соборах Киевской митрополии и получило право на контроль над издательской и просветительской деятельностью в епархии, «причем на соборе 1594 г. они открыто заявили о своих претензиях на лидерство в Киевской митрополии» [15, 146]. Осуществление этих планов привело бы к кардинальному изменению православной ветви духовной власти в Речи Посполитой – укреплению в ней элементов реди-трибутивности.

Институт церковных братств и братского движения – попытка формирования гибридной православной ветви духовной власти в РП, в которой церковная иерархия «укреплена», «достроена» *руководимым ставропигиальным братством* мощным общественным движением, контролирующим церковь и осуществляющим над ней коллективный патронат. Такая сконструированная ветвь духовной власти, взаимодействие между элементами которой в силу ее гибридного характера осуществляется не только вертикально, но и горизонтально, должна была выполнять компенсаторную функцию в общественной системе РП с институциональной матрицей рыночного типа, характеризующейся отсутствием централизованной светской власти. Появление церковных братств и братского движения – уникальное для православия явление его реди-трибутивизации (наделение православной церкви сущностными реди-трибутивными характеристиками – иерархичным построением снизу доверху и возможностью функционирования автономно от светской власти).

Растущая популярность церковных братств и их активность, предлагаемый план радикальных реформ подтолкнули православных епископов к заключению унии с католической церковью. Униатская церковь – новый религиозный институт гибридного типа, предложенный «сверху» и поддержанный на законодательном уровне светскими властями: униатская церковь следует православным обрядам и практикам, но признает власть Папы Римского. Отличительная особенность униатской церкви – создание отсутствующих в православии монашеских орденов. Следует отметить, что в католической церкви их существует множество, при этом «импульс» к созданию, как правило, шел «снизу», от католических святых. Так, например, Бенедикт Нурсийский являлся основателем бенедиктинцев, блаженный Гвидон – госпитальеров, святой Доминик – доминиканцев, святой Ромуальд – камальдулов, Франциск Ассизский – францисканцев. «Импульс» к созданию *единственного* за трехсотлетнюю историю униатской церкви базилианского ордена шел «сверху». Подобный факт единственности образованного ордена, причем названного в честь Василия Великого, не являвшегося уроженцем Речи Посполитой, особенности устава ордена базили-

анцев (практически не отличавшегося от устава православного монастыря) свидетельствуют об искусственном происхождении униатства, инициировании и внедрении его «сверху». С течением времени базилианский орден занял лидирующее место у униатов: митрополит не имел права предлагать на утверждение королю кандидатуру на должность епископа без предварительного одобрения главы ордена; имения многих соборных храмов перешли в ведение базилиан.

Примечательно, что в униатской церкви церковные братства подчинялись церковной иерархии, ликвидировалось право светского патроната над духовной жизнью, устанавливался епископский надзор за школами и печатанием книг. Восстановленная иерархическая структура униатской церкви без участия мирян соответствовала комплементарным институтам в ИМ Речи Посполитой.

Рассмотренные выше примеры трансформации религиозных институтов показывают влияние католицизма на православие. Однако существовало и обратное воздействие (хотя и меньшее в силу ограничений на участие православных и униатских религиозных институтов в политической жизни страны). К их числу можно отнести, например, распространение в Речи Посполитой культа чудотворных икон Богоматери, характерного для православия еще со времен Византии, в масштабах, неизвестных в других странах. Среди таких икон – Черная Мадонна Ченстоховская, известная еще с XV в., но приобретающая особую славу уже во времена Речи Посполитой: ей приписывали победу над шведами во времена «Потопа».

Таким образом, в настоящей работе показано, что объединение социальных систем с различными по типу институциональными матрицами в одну религиозно неоднородную систему с равновеликими по числу приверженцев конфессиями, как это было, например, в Речи Посполитой, стимулирует развитие кризиса религиозной сферы. Механизмом его преодоления является гибридизация религиозных институтов, направленная на выстраивание ветви духовной власти по типу, необходимому для выполнения компенсаторной функции в новой общественной системе. В Речи Посполитой примером таких гибридных институтов являлись церковные братства и братское движение, а также униатская церковь.

Список использованных источников

1. *North, D. C.* Institutions / D. C. North // Journal of Economic Perspectives. – 1991. – Vol. 5, № 1. – P. 97–112.
2. *Парсонс, Т.* Социальные системы / Т. Парсонс // Личность. Культура. Общество». – 2003. – Т. 5, № 1-2. – С. 169–203.
3. *Курдина, С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С. Г. Курдина. – Санкт-Петербург: Нестор История, 2014. – 468 с.
4. *Barakhvostov, P. A.* The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix / P. A. Barakhvostov // Mir Rossii. – 2023. – Vol. 32, № 4. – P. 56–70.
5. *Jung, C. G.* Psychology and Religion. The Terry Lectures Series / C. G. Jung. – Yale Univer. Press, 1960. – 138 p.

6. *Pogonowski, I.* Poland, a Historical Atlas / I. Pogonowski. – New York: Dorset, 1988. – 322 p.

7. 1859–1889. Volumina Legum – свод законов, сеймовых постановлений, привилегий на территории Польши, Беларуси, Литвы и правобережной Украины с 1347 до 1793–1795 (на пол. яз.). Т. 1 // Онлайн-библиотека Царское Село. – URL: <http://www.book-olds.ru/BookLibrary/52000-Polskoe-Korolevstvo/1859-1889.-Volumina-Legum-svod-zakonov-seymovyyh-postanovleniy-privilegiy-na-territorii-Polshi-Belarusi-Litvyi-i-pravoberezhnoy-Ukrainyi-s-1347-do-1793%E2%80%94941795.-na-polsk-yaz.html> (дата обращения: 07.02.2025).

8. *Барахвостов, П. А.* Великое княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций / П. А. Барахвостов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С.424–432.

9. *Васюк, Г. В.* Общественно-политическая и конфессиональная обстановка в Речи Посполитой в 80–90-е гг. XVI в. / Г. В. Васюк // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – Мінск: Універсітэцкае. – 1992. – № 3. – С. 22–24.

10. *Жукович, П.* Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Жукович. – Санкт-Петербург: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. – 542 с.

11. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1871. Вып. II // Национальная электронная библиотека. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003509738/ (дата обращения: 07.02.2025).

12. *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Т. 5 / Макарий (Булгаков), митр. – Москва: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. – 560 с.

13. *Барахвостов, П. А.* Гибридизация религиозных институтов как индикатор духовно-нравственного кризиса / П. А. Барахвостов // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – Т. 4, № 4. – С. 151–163.

14. *Харлампович, К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви / К. В. Харлампович. – Казань: Тип. Император. ун-та, 1898. – 595 с. // Научное наследие России. – URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10080683> (дата обращения: 07.02.2025).

15. *Лукашова, С. С.* Миряне и Церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI века / С. С. Лукашова. – Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2006. – 320 с.

16. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – Киев: Унив. тип., 1859–1911. – Загл. части томов: Архив Юго-Западной России, издаваемой Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 1, т. 10: [Акты, относящиеся к истории Галицко-русской православной церкви (1423–1714 гг.)]. – 1904. – [4], 28, 967 с. // Государственная публичная историческая библиотека России. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/1804-ch-1-t-10-akty-otnosyashiesya-k-istorii-galitsko-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-1423-1714-gg-1904#mode/inspect/page/533/zoom/6> (дата обращения: 07.02.2025).

(Дата подачи: 24.02.2025 г.)

Е. В. Беляева

Белорусский государственный университет, Минск

E. V. Belyaeva

Belarusian state university, Minsk

УДК 174

МЕСТО КАТЕГОРИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКЕ

THE PLACE OF THE CATEGORY OF RESPONSIBILITY IN CONTEMPORARY APPLIED ETHICS

В статье показано, что категория ответственности занимает центральное место в современной прикладной этике. Это обусловлено спецификой тех проблем, которые она решает в современном обществе риска. На примере экологической этики, корпоративной этики и этики искусственного интеллекта показано, что ответственность выступает как позитивное проявление индивидуальной и коллективной субъектности, носит коммуникативный, распределенный, проспективный, прагматический характер.

Ключевые слова: ответственность; этика ответственности; прикладная этика; экологическая этика; корпоративная этика; этика искусственного интеллекта

This article is devoted to demonstrating that the category of responsibility occupies a central place in contemporary applied ethics, which is determined by the specificity of the problems that it solves in a modern risk society. Using the example of environmental ethics, corporate ethics and the ethics of artificial intelligence, it is shown that responsibility is a positive manifestation of individual and collective subjectivity, it is communicative, distributed, prospective, pragmatic in nature.

Keywords: responsibility; ethics of responsibility; applied ethics; environmental ethics; corporate ethics; ethics of artificial intelligence

В современной прикладной этике категория ответственности в ее специфической трактовке занимает центральное место. Происходит переход от этики долга и этики ценностей к этике ответственности как новому типу теории морали. Причинами этого перехода являются изменение характера социальных процессов, нелинейная динамика культуры модерна, которая привела к образованию общества риска. Переориентация с постулирования норм и ценностей на ответственное поведение как ключевой моральный феномен происходит именно в прикладной этике, так как она находится на переднем крае проблем, которые возникают в нынешней техногенной цивилизации, наиболее быстро и гибко реагирует на запросы людей, занятых какой-либо социальной практикой. С. Лиото, автор книги с характерным названием «Сила этики», пишет, что «сейчас ставки для этического принятия решений выше, чем когда-либо» [1, с. 11], «каждый день мы имеем дело со сложными ситуациями, отдаленные последствия которых непредсказуемы» [1, с. 13], поэтому именно «на передовой линии этики» в ситуации неопределенности возникает потребность в ответственном выборе человека.

«Прикладная этика изобилует дилеммами, когда один долг противоречит другому, и ответственность человека не может не проявиться в выборе различных возможностей: одного из двух вариантов или более», – отмечает А. А. Сычёв в монографии «Этика экологической ответственности» [2, с. 53]. Не менее конфликтным оказывается столкновение различных ценностей, которые невозможно выстроить в иерархическом порядке. Поэтому этика ответственности концентрируется не столько на ценностях и нормах, на основе которых следует решать проблемы, сколько на характеристиках субъекта, который способен разрешать этически проблемные ситуации. «Фокус выбора смещается от формул долга к субъекту самого выбора и к возможностям, которые ему предоставлены» [3, с. 44].

Главной характеристикой морального субъекта оказывается ответственность, которая понимается не как следствие вины, а как выражение свободы, самой субъектности действующего лица, это не негативная ответственность перед высшей инстанцией авторитета, а позитивная ответственность за участников ситуации и ее улучшение в целом. Для иллюстрации особенностей использования категории «ответственность» из множества видов современной прикладной этики в данной статье выбраны экологическая этика, этика искусственного интеллекта и корпоративная этика [4] – существенно разные системы представлений и практик.

Субъект ответственности. Этика ответственности рассчитана на поведение в хрупком, рисковом, негарантированном мире, в текучей современности, полной опасностей как для субъекта морали, так и для объекта его нравственного отношения. Бытие, в котором она становится необходимой, – это бытие-событие, конкретная ситуация, не имеющая универсального решения и вызывающая к личному участию субъекта в ее разрешении, потому что в нее вовлечены живые существа, подверженные смерти.

Конституирующим моментом этики ответственности является ее понимание субъекта морали, *того, кто* является не только исполнителем морали, но ее причиной. Традиционные нравственные практики апеллировали если не к божественному, то к другому внечеловеческому источнику морали, теперь же подбор норм и обоснование ценностей является исключительно человеческой задачей. Корпоративная этика была создана бизнесменами, осознавшими свою общественную миссию, и постоянно изменяется в соответствии с задачами управления организацией. Этику искусственного интеллекта активно разрабатывают заинтересованные лица по мере того, как обнаруживаются различные антигуманные последствия его применения. Ценности экологической этики производятся человеческими сообществами, и за понимание природы экологических проблем идет нешуточная политическая и моральная борьба. Ввиду изменений климата индивиды и коллективные субъекты изменяют свои нравственные практики, исходя из ответственности перед грядущими поколениями. В то же время противники этих представлений также апеллируют к системе ценностей, в центре кото-

рых находится благо ныне живущих людей, которые не могут рассматриваться как расходный материал для будущего. Так, люди и их сообщества берут на себя ответственность за определение того, что является моральным, и за работу с последствиями своих решений.

Коллективные субъекты моральной ответственности. Особенностью прикладной этики является то, что ее субъекты – это зачастую не индивиды, а коллективные субъекты моральной ответственности, так как проблемы, которые она призвана решить, не могут быть преодолены исключительно индивидуальными усилиями с опорой на морально-психологический механизм совести. Проблемы этики искусственного интеллекта, корпоративной социальной ответственности, экологические проблемы затрагивают различные уровни общественной жизни, на каждом из которых необходимо использовать этику при принятии решений. Для этого существуют документы международных организаций, содержащие руководящие этические принципы, документы, регламентирующие деятельность национальных учреждений, компаний, общественных организаций, которые также содержат этические компоненты. «Ответственность, – пишет А. А. Сычёв об экологической этике, – не может быть сконцентрирована на индивидуальном уровне, а этика вынуждена искать новые модели концептуализации ответственности» [2, с. 61].

Вменение коллективной моральной ответственности происходит через механизмы общественного мнения, властного давления, внутренней самоорганизации компании. Общественное мнение, формируемое СМИ, оказывает существенное воздействие на экологическое поведение субъектов хозяйствования. Еще больший эффект приносит формирование законодательства, опирающегося на ценности экологической этики. Преодоление моральных проблем, возникающих при использовании искусственного интеллекта, также предполагает законы, инструкции и регламенты, создаваемые во всех областях, где он применяется.

В то же время в этической теории признание коллективного субъекта ответственности остается проблематичным [5]. Анализируя теоретическую полемику по этому вопросу, А. В. Платонова пишет: «Очевидно, необходимы формы ответственности, где бы эксплицировалась специфика коллективных субъектов и индивидуальной ответственности в рамках коллективной деятельности или социального бытия, что позволило бы преодолеть сложившиеся противоречия между индивидуальной и коллективной ответственностью, найти основания для их согласования» [6, с. 76]. Таким основанием отчасти являются коммуникативные механизмы распределения ответственности.

Коммуникативный характер моральной ответственности. Поскольку в прикладной этике у ответственности нет трансцендентного источника, то ее содержание не является абсолютно определенным, но устанавливается в коммуникации заинтересованных участников социального процес-

са. Именно в прикладной этике в максимальной степени реализуется тезис Ю. Хабермаса о том, что «действенные нормы должны заслужить признание со стороны всех, кого они затрагивают» [7, с. 180].

Представления о благе и должном не могут быть установлены в прикладной этике без участия тех, о чьем благе и чьих обязанностях идет речь. Это особенно выражено в биомедицинской этике с ее концептами автономии пациента и информированного согласия. Что касается этики бизнеса, то «социальная ответственность бизнеса в этом аспекте может быть определена как соответствие деятельности организации ожиданиям всех заинтересованных лиц и общества в целом. Она с необходимостью включает в себя и экологическую ответственность» [2, с. 67]. В области взаимодействия с искусственным интеллектом нравственные нормы также имеют коммуникативную природу. «Этические проблемы, – пишут исследователи кейсов по ИИ, – редко можно решить ко всеобщему удовольствию, не в последнюю очередь потому, что для этого часто приходится искать баланс между конкурирующими благами» [8, с. 192]. Поэтому нравственные нормы и способы их использования должны быть встроены непосредственно в дизайн искусственных алгоритмов, но их содержание не может быть определено без общественной дискуссии о целях ИИ и его статусе. Несмотря на то, что искусственный интеллект может формулировать моральные высказывания, он не является субъектом моральной коммуникации, не несет ответственности за свое функционирование. Выяснять последствия применения ИИ должны именно люди, заботясь о том, чтобы функционирование новой технологии не нарушало права человека и его достоинство. Выяснить это на основе абстрактных нравственных принципов невозможно, необходима реальная коммуникация людей, вовлеченных в социальные действия. Поэтому любой вид прикладной этики предполагает формирование социальных институтов (деклараций, кодексов, этических комитетов), которые должны обеспечивать прояснение моральных позиций, выявлять проблемные ситуации, предлагать технологии решения проблем.

Так достигаемое в коммуникации установление нравственного консенсуса различных субъектов морали позволяет им определить меру своей ответственности.

Распределение ответственности. Содержание ответственности, ее объем и распределение устанавливаются в процессе нравственной коммуникации участников ситуации. С помощью инструментов аналитической этики, приемов логической аргументации выясняется, каковы основания для приписывания ответственности тому или другому лицу.

В этике бизнеса распределение ответственности достаточно четко регулируется корпоративными этическими кодексами и должностными инструкциями, адекватными структуре организации, уровням ее менеджмента и природе деятельности. В экологической этике индивиду рекомендуется раздельный сбор отходов, ответственное потребление, практическое уча-

ствие в сохранении растительного и животного мира. На уровне предприятия и организации экологическая ответственность сливается с социальной ответственностью бизнеса и предполагает систему природоохранных мероприятий, адекватных профилю компании: от сбора макулатуры в офисе до рекультивации земель после прокладки трубопровода. Государственные органы, в свою очередь, отвечают за подготовку адекватных законов, за взаимодействие на международной арене по экологическим проблемам. В этике искусственного интеллекта сам ИИ не признается ни субъектом морали, ни юридическим лицом, ни субъектом ответственности. Все моральные проблемы в этой области создаются людьми и должны ими же разрешаться. «Сейчас ответственность за действия и упущения со стороны продукта или сервиса ИИ и связанный с ним ущерб возлагается на людей» [8, с. 126]. «Разработка и функционирование ИИ, как правило, предполагает вклад множества индивидов, организаций, машинных компонентов, программных алгоритмов и пользователей-людей, очень часто существующих в сложных и динамических сферах» [8, с. 125]. Дополнительной проблемой является то, что зло в результате неудачного использования ИИ происходит с индивидом (дискриминация при приеме на работу, нарушение конфиденциальности, вред здоровью и самой жизни от алгоритмов в области медицины или аварии с участием автомобиля без водителя), однако ответственность за это лежит на компаниях-разработчиках программного продукта и компаниях, внедряющих этот продукт, т. е. на коллективных субъектах. Это еще больше повышает роль прикладной этики, призванной работать с нравственными проблемами системного характера.

Перспективная ответственность и ее объект. Как теоретическая этика ответственности, так и современная прикладная этика являются феноменами «общества риска» и призваны решать проблемы в условиях нестабильности, нелинейной динамики социальных процессов. В этих обстоятельствах ответственность трактуется не столько ретроспективно – как результат вины за нарушение морального закона, сколько перспективно – как обращенная в будущее деятельность, направленная на предотвращение безнравственных последствий современных практик. Как пишет А. В. Прокофьев, перспективная ответственность – «это нравственная обязанность заботы и попечения до и в ходе ее исполнения» [5, с. 30]. Если нарушителей экологического законодательства можно призвать к ответу за разрушение окружающей среды, то экологическая этика содержит такие составляющие, как «презумпция опасности» и «принцип предосторожности», ориентирует субъекта на превентивное предотвращение вреда. В корпоративной этике существуют этические комиссии, разбирающие нарушения этического кодекса организации. Однако главной целью таких структур является забота о морально-психологическом климате в коллективе, формирование таких корпоративных ценностей, которые позволяли бы решить двудеятельную задачу по увеличению прибыли и достижению общественного блага. Этика ис-

кусственного интеллекта, как уже говорилось, изначально инкорпорируется в искусственные алгоритмы. Так, целью ответственных субъектов в прикладных этиках является забота о будущем, которую они сами берут на себя в ситуациях, требующих разрешения.

В перспективной ответственности изменяется и ее объект, пространство ответственности расширяется, захватывает не только ближних, но и «дальних» людей, отдаленные последствия наших действий и их влияние на грядущие поколения [2, с. 62]. Особенно это заметно в экологической этике. Но и другие виды прикладной этики существенно расширяют свое пространство, предполагают ответственность за общественное благо, благо народов, предотвращение вреда мирозданию от любой человеческой деятельности. Следует отметить, что под влиянием биоэтики и концепции прав человека главным объектом моральной заботы в прикладных этиках становится жизнь, притом не как абстрактный феномен, а как жизнь каждого конкретного живого существа, самоценность которого следует поддерживать, а также человечность, возможная утрата которой стала осознаваться как насущная проблема.

Так перспективное сбережение живых существ становится целью ответственного субъекта морали, который только и способен его осуществить.

Соединение этики и прагматики. В отличие от фундаментальной этики, задающей высокие идеалы, противопоставляющей сущему должное, постоянно укоряющей морального субъекта за недостаточное совершенство, прикладная этика ориентирована на максимальную реализацию в социальной практике, которую она призвана регулировать. Ответственность в прикладных этиках – это не абсолютная ответственность (как в экзистенциализме), которая столь всеобъемлюща, что практически неосуществима. Здесь она распределяется между индивидуальными и коллективными субъектами различного уровня и предполагает улучшение конкретной ситуации, поиск максимально возможного в данном случае блага. В пределе наиболее нравственное решение является наиболее эффективным и наоборот: хорошо просчитанная на перспективу эффективность обеспечивает этическое решение проблемы. Ответственный моральный субъект – тот, кто способен взять ситуацию в свои руки и разрешить ее в направлении блага.

Таким образом, центральное место категории ответственности в современной прикладной этике обусловлено спецификой тех проблем, которые она регулирует в современном обществе риска. На примере экологической этики, корпоративной этики и этики искусственного интеллекта показано, что ответственность выступает как позитивное проявление индивидуальной и коллективной субъектности, носит коммуникативный, распределенный, перспективный, прагматический характер.

Список использованных источников

1. *Лиото, С.* Сила этики: Искусство делать правильный выбор в нашем сложном мире / С. Лиото. – Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2023. – 416 с.
2. *Сычёв, А. А.* Этика экологической ответственности: монография / А. А. Сычёв. – Москва: Альфа-М, 2016. – 320 с.
3. *Сычёв, А. А.* Модальности моральной ответственности / А. А. Сычёв // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. – 2015. – № 2. – С. 37–45
4. *Симхович, В. А.* Социальная ответственность современного белорусского бизнеса / В. А. Симхович, Е. А. Данилова, С. П. Романова. – Минск: [б. и.], 2012. – 125 с.
5. *Прокофьев, А. В.* О возможной реабилитации идеи коллективной ответственности / А. В. Прокофьев // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 73–85.
6. *Платонова, А. В.* Субъекты морального сознания в современном обществе: о типах коллективной ответственности / А. В. Платонова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 373. – С. 75–79.
7. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – 382 с.
8. *Шталь, Б. К.* Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем / Б. К. Шталь, Д. Шредер, Р. Родригес. – Москва: ВШЭ, 2024. – 196 с.

(Дата подачи: 24.02.2025 г.)

Д. В. Гончарова

Институт теологии имени свв. Кирилла и Мефодия,
Белорусский государственный университет, Минск

D. V. Goncharova

Saints Methodius and Cyril Institute of Theology
Belarusian State University, Minsk

УДК 261.6(476)

БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

BELARUSIAN ORTHODOX CHURCH AS INSTITUTE OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY

В статье проведен социально-философский анализ современного положения церкви в государстве; определены основные направления деятельности православной церкви Беларуси, особенности ее взаимодействия с государством и обществом; проанализированы основные документы, которыми руководствуется институт православной церкви в своей деятельности, в частности Социальная концепция РПЦ; рассматривается принцип «соборности» как фундамент социальности в православии; делается вывод о значимости статуса института православной церкви в белорусском государстве и обществе.

Ключевые слова: Белорусская православная церковь; белорусское государство; общество; социальный институт; иерархия; Социальная концепция РПЦ; «соборность».

In this article take place social-philosophical analysis of contemporary status of the church in the state; defined the main directions of the Orthodox Church of Belarus, specifics of its interaction with the state and society; were analyzed the main documents, which guide the Orthodox Church in its activities, in particular the Social Concept of ROC; the principle of «sobornost» is analyzed as a foundation of sociality in orthodoxy; the importance of the status of the institution of the Orthodox Church in the Belarusian state and society is concluded.

Keywords: Belarusian Orthodox Church; Belarusian state; society; social institution; hierarchy; Social concept of ROC, “sobornost”.

В сегодняшнее нестабильное время каждому человеку и обществу в целом очень важно иметь духовные и мировоззренческие точки опоры. С древнейших времен люди прибегали к духовным практикам для поиска ответов на фундаментальные вопросы о смысле своего существования, предназначении человека, условиях единства общества и целях его развития. Несмотря на ситуацию глобальной геополитической нестабильности и множасьшие межрелигиозные конфликты по всему миру, в Беларуси созданы благоприятные условия для духовной жизни общества, в том числе в религиозной сфере. Глава государства Александр Григорьевич Лукашенко создает условия для гармоничного духовного развития общества, поддерживает религиозный мир между традиционными конфессиями в Беларуси, заботится о процветании духовных центров в стране. Свидетельством этому являются такие встречи с духовными лидерами традиционных религий и христианских конфессий Республики Беларусь, как состоялась 10 февраля 2025 г. Александр Григорьевич подчеркнул, что «Государство неизменно занимает конструктивную позицию – и будет занимать – в вопросах, касающихся деятельности наших религиозных организаций» [1]. 25 февраля 2025 г. прошла встреча Президента с Митрополитом Вениамином, предстоятелем Белорусской православной церкви, который поблагодарил Главу государства «за особую заботу о духовных центрах Беларуси – Полоцком и Жировичском монастырях» и «проинформировал Президента о деятельности Общественного Совета по нравственности, где он является сопредседателем, и рассказал о планах его работы на будущее» [2].

Белорусская православная церковь как социальный институт и организационная структура с богатыми духовными традициями воспитания населения и большим опытом социального служения активно ведет работу по всем важным направлениям жизни белорусского общества, таким как семья и материнство, воспитание и образование, здравоохранение. Социальную значимость религиозных институтов в нашей стране подтверждает и активное вовлечение церкви в решение духовно-нравственных задач государства. Церковь принимает участие в таких важных учреждениях, как совет по нравственности, межведомственный совет по туризму, координационный совет по сотрудничеству между Министерством образования и Белорусской Православной Церковью.

Отметим основные моменты взаимоотношения церкви с общественными и государственными структурами за последний год: заседание Общественного Совета по нравственности [3], участие в общественном обсуждении проекта Кодекса Республики Беларусь о здравоохранении [4], Синодальный отдел по делам молодежи Белорусской Православной Церкви и Молодежный парламент при Национальном собрании Республики Беларусь подписали соглашение о сотрудничестве [5]. Все это является свидетельством активной работы по взаимодействию церкви и государства.

Сотрудничество с государством в образовательной сфере занимает особое место в деятельности Белорусской православной церкви. В соответствии с соглашением Министерства образования и православной церковью в Беларуси ведется активное взаимодействие с учреждениями образования. Пятилетний этап очередной программы сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью завершается в 2025 г. В этот период активно проводятся мероприятия и встречи, которые организует Синодальный отдел Белорусской Православной Церкви по сотрудничеству со светскими учреждениями образования. В частности, 27 февраля 2025 г. в центре «Ковчег» прошел I духовно-просветительский форум «Златоуст», где «собралось более 200 участников, среди которых директора школ и их заместители, педагоги ресурсных центров, учителя, психологи, социальные педагоги, классные руководители, молодые специалисты» [6]. 12 ноября 2024 г. «состоялось празднование 20-летия включения в состав БГУ Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла». Это было первое богословское учреждение образования в составе светского вуза на территории постсоветского пространства [7].

29 марта 2024 г. в духовно-просветительском центре «Ковчег» Свято-Елисаветинского монастыря города Минска состоялось выездное заседание Президиума Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь на тему «Общественно-государственное партнерство в сохранении духовно-нравственных ценностей современного общества» [8]. 14 марта 2024 г. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко посетил Минское епархиальное управление и встретился с членами Синода Белорусской Православной Церкви [9]. «Особая роль Белорусской православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» отмечается и в Законе Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» [10].

Как мы видим, взаимодействие государства и института церкви находится на высоком уровне организации и эффективности. В настоящее время особое внимание уделяется проблеме сохранения исторической памяти о том, какой великий подвиг совершил белорусский народ в годы Великой Отечественной войны. Сегодня в научных работах и СМИ уделяется внимание вопросу взаимоотношения государства и церкви в период войны,

вкладу православной церкви в победу в Великой Отечественной войне, роли церкви в укреплении духовно-нравственных ценностей и патриотизма в белорусском обществе. Проводятся конференции, издаются сборники докладов и статей по их материалам, например, Международные Кирилло-Мефодиевские чтения проводятся ежегодно совместно с Белорусским экзархатом, Христианским образовательным центром и Институтом Теологии БГУ. В 2021 г. вышел сборник «Миссия Церкви в переломные моменты истории. К 75-летию Великой победы» [11]. На кинофестивале «Радонеж» был представлен фильм 23 января 2025 г. «За паству и отечество» о подвиге священнослужителей в годы Великой Отечественной войны производства Белтелерадиокомпании в сотрудничестве с Белорусской Православной Церковью [12]. В приходе храма Воздвижения Креста Господня в Минске организован музей, посвященный подвигу советских военнопленных-узников «Шталаг-352», где прошел международный круглый стол «Геноцид советского народа: исторические и правовые аспекты» [13].

В этой связи приобретает особое значение понимание статуса института церкви в системе современных социальных отношений. Насколько институт церкви является «типичным» социальным институтом? Как соотносятся религиозная доктрина и социальная активность церкви? Какие функции церковь как институт выполняет в обществе и способна ли она в современных условиях отвечать на глобальные угрозы и вызовы? Что собой представляет организационная структура института церкви и как она трансформируется под воздействием внутренних и внешних факторов? Эти и другие вопросы составляют предметное поле социально-философского исследования института церкви.

Общество удовлетворяет свои основные потребности с помощью социальных институтов. Согласно социологу Я. Ю. Щепаньски, социальные институты регулируют действия и подавляют нежелательное поведение; они независимо от изменений в составе членов общества обеспечивают непрерывность общественной жизни. Социальные институты способствуют социальной сплоченности и предотвращают противообщественные акции [14, с. 117–118]. Как итог «социальные институты управляют человеческим поведением и стабилизируют его» [14 с. 120]. Все это применимо и к церкви как к социальному институту, однако имеющему свою специфику. Церковь упорядочивает социальную жизнь человека и регулирует ее на основе религиозной доктрины. На базе церковных приходов создаются культурно-просветительские центры, ведется социальное служение, открываются творческие мастерские. Прихожане празднуют традиционные христианские праздники, истоки которых в учении церкви и в церковном предании. Церковь хранит учение святых отцов о браке и семье, апостольское учение о нравственных ценностях христиан, «именно церковь и есть тот пункт, в котором вероучение переходит в нравоучение, христианская догматика переходит в христианскую жизнь» [15, с. XXXVI]. Этика, по мнению

Л. А. Тихомирова, имеет религиозный характер: «Наш дух, Богом в нас вложенный, чувствует свое родство с Наивысшей Силой, тянется к ней, ищет единства с ней и не способен почувствовать себя удовлетворенным жизнью иначе, как достигая действительного, или хоть кажущегося, объединения своего внутреннего мира с наивысшей силой, какую только он сумел отыскать в мире внешнем» [16, с. 53]. Смысл христианской жизни в том, чтобы исполнить закон Божий и войти в Царство Небесное. Согласно догмату о церкви, «вне церкви» это сделать невозможно: «Чтобы люди соединились в церковь, – для этого и нужно было пересоздание самой природы человеческой, зараженной грехом...» [15, с. 4].

Согласно Уставу, «Белорусская Православная Церковь является республиканским религиозным объединением, в состав которого входят православные религиозные организации Республики Беларусь, основной целью которого является совместное исповедание и распространение православной христианской веры, а также попечение о религиозно-нравственном просвещении общества» [17].

Белорусский Экзархат Московского Патриархата имеет другое название – Белорусская Православная Церковь. Это каноническое подразделение Московского Патриархата. Оно образовано решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 16 октября 1989 г. Православная церковь на территории нашей страны ведет свое начало со времен образования Полоцкой епархии в 992 г. Синоду Белорусского Экзархата принадлежит Высшая церковная законодательная, судебная и исполнительная власть. Патриарший Экзарх всея Беларуси является главой Белорусской Православной Церкви, а также Председателем ее Синода и Епархиальным архиереем Минской Епархии [17].

Эффективность деятельности церкви как общественного института, ее стабильность зависят от ее иерархии [16, с.15]. «Господь Иисус Христос послан в мир Богом Отцем. Иисус Христос послал апостолов. Апостолы установили епископство, поручив ему полное руководство церквами, которые они сами основали» [16, с. 211]. Одним из признаков, по которым церковь считает себя основанной Христом, является «апостольская преемственность», в которой можно проследить сообщение особой благодати священства, начиная от апостолов. Эта особая благодать дается каждому служащему священнику, рукоположенному епископом [16, с. 224]. Предписание о безусловном подчинении епископу родилось из опасности исказить вероучение в ранней церкви, отчего епископ воспринимался как гарантия чистоты вероучения [16, с. 228]. В церкви не должно быть превозношения клириков над мирянами, потому что Христос является источником власти, даров и Он управляет церковью [16, с. 96]. Иерархи, с одной стороны, имеют «власть апостольскую», с другой стороны, все верующие перед Богом равны. Эта «апостольская власть» дает епископам и священникам право учить и совершать таинства в православной церкви, она передается через

таинство рукоположения. Через таинства же церковные верующим сообщается божественная благодать, которая и отличает специфику института церкви от других социальных институтов [15, с. 449]. Церковь имеет «особый, новый строй жизни», в котором «организующей личностью является Божество» [16, с. 90].

Особое значение для понимания специфики православной церкви как социального и духовного института имеет феномен «соборность». «Соборность» является понятием русской философии. Идея соборности по-разному интерпретировалась русскими религиозными философами. Согласно А. С. Хомякову, это такое единство, которое основано на «божественной праведности» и «единодушной любви ко Христу», оно предполагает «свободное единство членов церкви в деле совместного понимания ими правды и свободного отыскивания пути ко спасению» [18, с. 630]. По Хомякову, церковь – это тело, главой которого является Иисус Христос. Тело это составляют свободные личности, сохраняющие свою индивидуальность и соединенные «бескорыстной и самоотверженной» любовью. С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский рассматривают соборность как «душу православия», «кафоличность», как «задачу, идеал для членов церкви» [18, с. 631]. По Л. А. Тихомирову, «идея Собора требует совокупности не только всех епископов, но вообще всех членов Церкви» [16, с. 99].

В попытке ответа на вопросы церковно-государственных отношений и общественно значимые современные проблемы в 2000 г. православная церковь выработала свою Социальную концепцию, которая основана на Священном Писании, Священном предании и богословской традиции православия. В социальной концепции говорится об основных богословских положениях, о церкви и нации, церкви и государстве, затрагиваются вопросы, касающиеся этики и права, обозначаются важные моменты о церкви и ее отношении к политике. Говорится об отношении к войне и миру, о взгляде церкви на преступность, наказание и исправление. Важное место и в церкви, и в самой концепции занимают вопросы личной, семейной и общественной нравственности. Не менее актуальными в наше время являются вопросы экологии. Отношение к природе, носящее потребительский характер, ведет к экологической катастрофе. Отдельное внимание уделяется науке, образованию, СМИ, проблемам глобализации и секуляризации. Этот документ стал авторитетным руководством для клириков и мирян церкви [19].

Таким образом, на современном этапе развития нашей страны институт православной церкви играет важную роль в белорусском обществе. Основные направления общественной активности церкви представлены в социальной, образовательной и культурной сферах. Взаимодействие церкви с государством и обществом регулируется законодательно, с помощью соглашений, программ сотрудничества, правовых основ деятельности, Устава БПЦ. Социальная концепция православной церкви является опорным до-

кументом для клириков и мирян во взаимодействии с обществом и государством. «Принцип соборности» является важнейшим духовным принципом организации деятельности института православной церкви и специфическим отличием ее от других институтов. Подчеркивая значимость института православной церкви для белорусского общества, можно привести слова Л. А. Тихомирова: «Законодательный разум не может не дорожить религиозным духом народа ввиду неразрывной связи религии с нравственностью» [16, с. 50]. Подчеркивая современную ситуацию с религиозностью в нашей стране, актуальными видятся следующие строки: «И чем меньше у государства способов порождать религиозное чувство, тем бережнее и внимательнее должно относиться к нему, когда оно, по каким бы то ни было причинам существует. Так должно поступать, если только для государства полезно существование в народе этого чувства. Важность же его для государства настолько доказана историческим опытом, что в этом никто никогда и не сомневался» [16, с. 51].

Список использованных источников

1. Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstreca-s-predstavitelami-religioznyh-konfessij> (дата обращения: 26.02.2025).
2. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/sostojalas-vstrecha-prezidenta-respubliki-belarus-s-predstojatelem-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 26.02.2025).
3. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/v-minske-sostojalos-ocherednoe-zasedanie-obshestvennogo-soveta-po-nravstvennosti> (дата обращения: 26.02.2025).
4. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/belorusskaja-pravoslavnaja-cerkov-prinimaet-uchastie-v-obsuzhdenii-proekta-kodeksa-respubliki-belarus-o-zdravoohranenii> (дата обращения: 28.02.2025).
5. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/sinodalnyj-ot-del-po-delam-molodezhi-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi-i-molodezhnyj-parlament-prinacionalnom-sobranii-respubliki-belarus-podpisali-soglasenie-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 26.02.2025).
6. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/v-minske-proshel-i-duhovno-prosvetitskij-forum-zlatoust> (дата обращения: 28.02.2025).
7. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/v-belorusskom-gosudarstvennom-universitete-sostojalos-torzhestvennoe-zasedanie-v-chest-20-letija-osnovanija-instituta-teologii-imeni-svjatyh-mefodija-i-kirilla> (дата обращения: 26.02.2025).
8. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/v-centre-kovcheg-sostojalos-vyezdnoe-zasedanie-prezidiuma-soveta-respubliki-nacionalnogo-sobranija-respubliki-belarus-na-temu-obshestvenno-gosudarstvennoe-partnerstvo-v-sohranении-duhovno-nravstvennyh-cennostej-sovremennogo-obshestva> (дата обращения: 26.02.2025).
9. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/prezident-respubliki-belarus-aleksandr-lukashenko-vstretilsja-s-chlenami-sinoda-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 26.02.2025).
10. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19202054> (дата обращения: 26.02.2025).
11. Материалы XXVI Международных Кирилло-Мефодиевских чтений «Миссия Церкви в переломные моменты истории. К 75-летию Великой Победы». Сборник докла-

дов / ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета; редкол.: С. И. Шатравский, священник Святослав Рогальский. – Минск: Христиан. образоват. центр им. святых Мефодия и Кирилла, 2021. – 302 с.

12. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://church.by/news/film-zapastvu-i-otechestvo-byt-predstavlen-na-kinofestivale-radonezh-kotoryj-prohodit-v-ramkah-mezhdunarodnyh-rozhdestvenskih-chtenij-v-moskve> (дата обращения: 26.02.2025).

13. Белорусская Православная Церковь. – Режим доступа: <http://church.by/news/po-materialam-smi-intervju-nastojatelja-prihoda-hrama-vozdvizhenija-kresta-gospodnja-gorodaminska-protiorea-olega-kuncevicha> (дата обращения: 26.02.2025).

14. Асп, Э. К. Введение в социологию / Э. К. Асп. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 248 с.

15. Троцкий, В. А. (архиеп. Иларион) Очерки из истории догмата о церкви / В. А. Троцкий. – Москва: Паломник: Изд. дом «Грааль», 1997. – XLI, 579, [6] с.

16. Тихомиров, Л. А. Личность, общество и церковь / Л. А. Тихомиров. – Минск: Белорус. Православ. Церковь, 2010. – 480 с.

17. Белорусская Православная Церковь. – URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0048/Page0055.html> (дата обращения: 26.02.2025).

18. Миненков, Г. Я. Соборность / Г. Я. Миненков // Новейший философский словарь / изд.: В. М. Скаун; сост. А. А. Грицанов. – Минск, 1998. – 896 с.

19. Церковь и мир. Основы социальной концепции: приняты на Юбилейном Архиерейском Соборе 15 авг. 2000. – Москва: Благовестник, 2000. – 192 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

А. И. Климович

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

A. I. Klimovich

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 141.319(091)(476.5)

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ Я. Ф. РОТАНА

SPECIFICITY OF J.P. ROOTHAAN'S RELIGIOUS PHILOSOPHY

Целью статьи является исследование философского наследия Я. Ф. Ротана на предмет выявления его основных сущностных характеристик. Выбор темы исследования обусловлен ролью, которую сыграл рассматриваемый религиозный деятель в становлении философии неосхоластики и в ее рамках неотомизма. Применяемые методы исследования: реконструкция, контент-анализ, компаративистский подход. Полученные выводы позволяют определить, какое место в процессе становления неосхоластической традиции занимала философия представителей Полоцкой иезуитской академии, в частности философская система Я. Ф. Ротана, а также каково ее значение в становлении неотомизма XX века.

Ключевые слова: неосхоластика; неотомизм; Полоцкая иезуитская академия; полоцкая неосхоластика; Общество Иисуса; Я. Ф. Ротан; Фома Аквинский; духовные упражнения; И. Лойола; философия иезуитов.

The aim of the article is to study the philosophical heritage of J. P. Roothaan in order to identify its main essential characteristics. The choice of the research topic is due to the role played by this religious figure in the development of Neo-Scholastic philosophy and neo-Thomism within its framework. The research methods used are reconstruction, content analysis, and comparative approach. The research results allow to determine the place occupied by the philosophy of the Polotsk Jesuit Academy representatives in the process of Neo-Scholastic tradition development, in particular, J. P. Roothaan the philosophical system's significance for the development of Neo-Thomism in the XXth century.

Keywords: Neo-Scholasticism; Neo-Thomism; Polotsk Jesuit Academy; Polotsk Neo-Scholasticism; Society of Jesus; J. P. Roothaan; Thomas Aquinas, spiritual exercises; I. Loyola; Jesuit philosophy.

Тема, выбранная объектом исследования, обладает необходимым уровнем актуальности, поскольку творческое наследие Я. Ф. Ротана – одного из видных деятелей в истории идей Беларуси, представителя традиции полоцкой неосхоластики, остается практически неисследованным. В отечественной и зарубежной истории философии оно до сих пор не получило должного осмысления ни в плане реконструкции проблемного поля философской рефлексии, ни в плане выявления ее влияния на локальные и глобальные философские процессы, связанные со становлением неосхоластической философии и в ее рамках движения неотомизма. Исследование установленных проблем позволит по-новому взглянуть на динамику философской мысли Беларуси XIX в., специфику развития в ее рамках религиозной философии, а также лучше понять интеллектуальные процессы, происходившие в западноевропейском историко-культурном пространстве XIX в.

Цель настоящего исследования – выявление специфики религиозной философии Я. Ф. Ротана посредством реконструкции и анализа его творческого наследия, что обусловлено обозначенной выше актуальностью выбранной темы.

Вопрос становления неосхоластической традиции до сих пор требует от исследователей дополнительных усилий. Классическая точка зрения, представленная в ряде работ авторов, занимающихся данной проблематикой, состоит в следующем: вплоть до конца XVIII в. схоластическая традиция характеризуется преемственностью, однако в начале XIX в. вследствие ряда исторических событий она перестала существовать. Как, например, отмечают исследователи: «Период конца XVIII – начала XIX веков образует определенный разрыв в истории схоластической философии, обусловленный масштабными историческими событиями, прежде всего Французской революцией, с одной стороны, а также мощным воздействием философии немецкого идеализма, с другой» [1, с. 121]. Согласно этой логике, схоластика агонизирует почти столетие, а в 1879 г. благодаря волюнтаризму папы Льва XIII происходит ее возрождение, импульс которому дает известная энциклика *Aeterni Patris*.

Обозначенная позиция не учитывает ряд интеллектуальных событий из истории белорусской философии, связанных с полоцким историко-

культурным пространством, а также получившей в его границах развитие традиции полоцкой неосхоластики. Ее представители осмыслили интеллектуальные вызовы, вставшие перед мыслителями религиозной философии в конце XVIII в., и сформировали комплекс идей, ставших импульсом к обновлению схоластической традиции. Одним из представителей полоцкой неосхоластики, развивавших ее идеи, был Я. Ф. Ротан – выпускник Полоцкой иезуитской академии, ставший третьим генералом Общества Иисуса после его восстановления и более известный как религиозный деятель, осуществивший перестройку ордена. Его заслуги в деле восстановления ордена были настолько велики, что Я. Ф. Ротана некоторые исследователи считают «вторым отцом» после И. Лойолы [2]. Не умаляя его заслуг в этом направлении, мы бы хотели обратиться к философской составляющей творчества Я. Ф. Ротана, чтобы показать, каким образом этот автор, принадлежащий к числу представителей полоцкой неосхоластики, повлиял на становление нового типа религиозной философии в рамках схоластической традиции.

Процесс осмысления философской проблематики в творчестве Я. Ф. Ротана начался еще в непосредственно полоцкий период его биографии. В журнале «Полоцкий ежемесячник» сохранилась статья «Размышления о столетних людях», являющаяся ответом на переводную французскую статью, помещенную в газете «Русский инвалид» [3]. Ее главной темой стал один из наиболее актуальных во все времена вопросов схоластической традиции – соотношение истин разума и Откровения, а поводом к написанию – вопрос реальности исторических свидетельств, приведенных в Библии. Однако на историческом фоне развернулась настоящая философская борьба. В тексте подвергаются критике идеи французских философов Даламбера и Д. Дидро, в частности, их известные диалоги о религии, представленные в произведении Д. Дидро «Разговор Даламбера с Дидро». Особо автором выделяются политико-философские основания французского Просвещения, приведшие, по мысли Я. Ф. Ротана, к политической и интеллектуальной катастрофе. Также в духе времени полоцкий неосхоласт противопоставляет теологию и философию в том виде, в котором они были представлены во французской философии того времени. Если философ оперирует понятиями рационального бытия, то задача теолога труднее, поскольку его проблемное поле представляют истины сверхреального бытия [3, s. 156]. Сама интеллектуальная история предстает в работе Я. Ф. Ротана как извечный спор, уходящий корнями в противопоставляемые друг другу позиции Цельсия, Порфирия, Юлиана, с одной стороны, и Августина, Оригена и Климента Александрийского – с другой. В отношении же современности Я. Ф. Ротаном французскому радикальному Просвещению противопоставляются фигуры Н.-С. Бержье, называвшего себя «просвещенным анти-философом», К.-Ф. Ноннота, наиболее острого и серьезного оппонента Вольтера, П. Герена дю Рошера, известного полемикой с французскими энциклопедистами [3, s. 167].

Очевидно, что полоцкий период прошел для Я. Ф. Ротана под влиянием идеи о противопоставлении теологического и непосредственно философского наследия. Однако перечисленные выше Н. С. Бержье, К.-Ф. Ноннот и П. Герен дю Рошер также были философами, но философами религиозного толка.

Вполне объяснимо поэтому, что очень скоро одной из тем рефлексии, увлекшей Я. Ф. Ротана, становится поиск такой философии, которая бы удовлетворяла требованиям рационального осмысления и была фундирована одновременно религиозной составляющей. Эти интеллектуальные поиски отражены в его личной корреспонденции на протяжении многих лет. Приведем здесь лишь один показательный пример. Перед нами выдержка из переписки с известным итальянским философом этого времени – Антонио Франческо Давиде Амброджо Розмини-Сербати, создателем собственной философской системы объективно-религиозного идеализма, главной целью которой была борьба со скептицизмом и атеизмом. В одном из своих писем к нему от 8 августа 1831 г. Я. Ф. Ротан, уже будучи генералом ордена, пишет о поставленной перед собой главной задаче: «Это правда, что мы заинтересованы в адаптации нашей *Ratio Studiorum* к потребностям настоящего времени» (здесь и далее перевод автора) [4, р. 469]. Среди знаковых феноменов времени упоминается и философия, которая, по мнению Я. Ф. Ротана, стала похожей на «вавилонскую башню» [4, р. 469]. Здесь речь идет скорее о многообразии концепций, отсутствии принципа системности и единства тематики, свойственных неклассической традиции философии. Пишет Я. Ф. Ротан и о той философии, которую хотел бы видеть, отмечая, что она должна быть глубоко христианской и отвечающей принципам Откровения: «На мой взгляд, философия без Откровения – это лабиринт, в котором можно заблудиться» [4, р. 469].

Чем был обусловлен такой настойчивый поиск нового пути развития философии в творчестве Я. Ф. Ротана? На наш взгляд, в этом вопросе можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, это постоянный, непрекращающийся интерес к проблеме соотношения религиозных и научных истин, ставшей камнем преткновения уже в рамках эклектической философии XVIII в. и затем получившей дальнейшее развитие в рамках соотношения философии и теологии. В дальнейшем, как известно, теология была исключена из академического плана многочисленных европейских учебных заведений. Этот феномен являлся естественным следствием секуляризации университетского образования. Однако часть учреждений образования, принадлежавшая религиозным орденам, в том числе и Обществу Иисуса, продолжала настаивать на сочетании религиозного и светского аспектов, что в первую очередь отразилось в философских поисках, в том числе и Я. Ф. Ротана как одного из сторонников такого рода педагогики.

Во-вторых, влияние также оказал общефилософский контекст времени, в которое жил и творил Я. Ф. Ротан. Интерес к спиритуалистическим тенденциям был одной из характерных черт интеллектуального ландшафта того времени. В качестве примера можно упомянуть русское спиритуалистическое движение, сформировавшееся в середине XIX в. Распространение программных установок, основанных на принципе когерентности, было, как известно, одним из элементов движения романтизма, идентифицировавшего собственную философскую составляющую как Контрпросвещение. Если в основе философии Просвещения лежал в первую очередь рационализм, с позиций которого и происходило переосмысливание классической традиции философии, то свойственный философии романтизма иррационализм побудил интеллектуалов вновь обратиться к материям, лежащим за пределами рационального познания. Таким образом, поиск новых оснований религиозной философии в рефлексии Я. Ф. Ротана был обусловлен как внутренними факторами развития религиозной философии, так и внешними причинами, связанными с общими философскими настроениями этого времени.

В-третьих, также следует упомянуть апологетическую работу, которую Я. Ф. Ротан, как и многие религиозные философы этого времени, осуществлял для возвращения утраченного схоластической метафизикой самого статуса философского знания.

Таким образом, перед Я. Ф. Ротаном стояла сложная задача. Поскольку западноевропейской философской традиции было свойственно опираться на разум, роль рационального познания должна была сохраниться. При этом оно должно было быть дополнено элементом, позволяющим сохранить сверхреальное бытие как необходимую часть религиозной философии, и определенным образом обосновать в академическом плане учебных заведений иезуитов наличие такой академической дисциплины, как теология, на необходимость исключения которой уже указали многочисленные европейские мыслители. Как отмечает Д. В. Шмонин в работе «Теология и университет», отрицательное отношение к первой было сформировано как раз во времена эпохи Просвещения в контексте мировоззренческого конфликта науки и христианской догматики [5, с. 9].

Для достижения этой цели Я. Ф. Ротан решает соединить основанную на рациональном методе познания философскую систему Фомы Аквинского и «Духовные упражнения» И. Лойолы, которые являются, как писал сам их автор, способом «испытания совести, размышления, созерцания, молитвы словесной и мысленной и других духовных действий» [6, с. 19].

Этот синтез двух достаточно разных религиозных традиций был осуществлен Я. Ф. Ротаном в работе «О правильном искусстве и знании духовного созерцания». В ней он анализирует понятие духовного созерцания, являющееся по сути альтернативой активно-деятельностной позиции разума. По мысли Я. Ф. Ротана, это новая ступень в человеческой духовности,

достижение которой невозможно без строгой подготовки и дисциплины разума [7, р. 22]. Идея духовного созерцания представляет собой не просто новое прочтение принципа гармонии веры и разума на основе соединения философии Фомы Аквинского и духовных упражнений И. Лойолы. Я. Ф. Ротан рассматривает понятие духовного созерцания именно как один из элементов познания, отмечая, что ценность его не уступает благодати [7, р. V]. Одновременно оно не трактуется в качестве некоего мистического элемента, присущего лишь избранным, каждый человек может овладеть этим знанием в процессе духовной работы, основой которой как раз и являются упражнения И. Лойолы. Однако для этого необходимо искреннее желание и подготовка разума. Тренировка последнего и есть цель философии.

Важным этапом в формировании навыка духовного созерцания является чувственная составляющая. Так, автор отмечает, что «препятствием к духовному созерцанию является рассеянность ума и небрежность в наблюдении за чувствами» [7, р. 4–5]. Противопоказанием к практике духовного созерцания также будет суетное состояние духа [7, р. 5]. Таким образом, мы можем рассматривать формирование духовного созерцания как своеобразный путь духовного совершенствования, ведущий от чувственного познания через рациональное к сверхрациональному. При этом сохраняются две важные составляющие томистской теории познания: чувства как источник опыт и опора на разум.

Понятие духовного созерцания становится также основой морально-этической философии Я. Ф. Ротана в работе «О размышлении» [8]. В ней представлена классическая для томистской философии идея двух источников познания – природного (разума) и сверхъестественного (Откровения). Для Я. Ф. Ротана созерцание в рассматриваемой работе также определяется как пространство сверхъестественного познания, где душа может приобретать знания, минуя логико-рациональные схемы [8, s. 43]. При этом автор не отвергает рациональное познание, отождествляя его, как и в предыдущей работе, с этапом размышления. Важно, что созерцание для Я. Ф. Ротана – это не некое мистическое растворение в Абсолюте, оно остается по-прежнему мыслительным процессом, требующим деятельности разума [8, s. 43], целью же его является достижение метафизических истин. Таким образом решается проблематизированный Кантом вопрос метафизических понятий, соотносящийся в предыдущий период в религиозной философии с самоочевидными истинами. Однако решается он сугубо в рамках религиозной философии. Для представителей кантианства такой вариант остается неубедительным, о чем свидетельствуют дальнейшие философские поиски, приведшие в результате к становлению трансцендентального неотолизма.

Также Я. Ф. Ротан затрагивает тему времени. В истории европейской религиозной философии представлены два основных варианта понимания этого вопроса в зависимости от совпадения бытия и существования в субъекте. Я. Ф. Ротан отмечает, что в сознании Абсолюта нет ни прошлого, ни

будущего, все существует одновременно в настоящем времени [8, s. 13]. Его идея, очевидно, опирается на взгляды Фомы Аквинского, у которого вечность, неизменность присущи именно Абсолюту, в котором бытие совпадает с существованием. Все остальное, поскольку не обладает бытием само по себе, изменяется и существует в пределах традиционного времени – прошлого-настоящего-будущего.

Антропология Я. Ф. Ротана развивается также в рамках томистской доктрины. Основополагающими характеристиками человека, оказывающими помощь в процессе созерцания (или медитации, как выражается иногда сам автор), являются подготовленные разум и свободная воля [8, s. 41]. При этом Я. Ф. Ротан обращается и к познавательным процессам, требуя работы воображения, памяти, воли.

Таким образом, проект обновления схоластической традиции Я. Ф. Ротана соединил в себе философию Фомы Аквинского с присущими ей рационализмом и гносеологическим оптимизмом и спиритуалистические тенденции в виде пути духовного созерцания, связанного с познанием истин сверхреального бытия. Несмотря на субъективность такого рода опыта, само его существование оправдывало нахождение теологии в академическом плане учебных заведений, соединявших светскую и религиозную системы обучения. Философская рефлексия Я. Ф. Ротана являлась также по сути частично одним из вариантов аристотелевского томизма, ставшего элементом развития в дальнейшем на его основе движения неосхоластики и самого неотомизма. Впоследствии и аристотелевский томизм, и возрожденная Я. Ф. Ротаном практика духовных упражнений оказали важное влияние на развитие религиозной западноевропейской философии в XX в. и не единожды становились объектом рефлексии католических философов-неотомистов. Обращение к исследованию спиритуалистического элемента, широко пропагандируемого в виде духовных упражнений в иезуитских учебных заведениях Я. Ф. Ротаном, позволяет понять, каким образом сугубо рациональный томизм в XX в. адаптировал определенные элементы мистицизма, существование которых мы можем наблюдать в творчестве таких знаковых его представителей, как, например, Б. Лонерган или К. Войтыла.

Список использованных источников

1. Кимелев, Ю. А. Неосхоластика и схоластическая традиция / Ю. А. Кимелев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. – 2023. – № 3. – С. 104–123.
2. Schmutz, J. The Historiography of pre-1773 Jesuit Philosophy: 1814–2018 / J. Schmutz // Jesuit historiography online. – URL: <https://referenceworks.brill.com/display/entries/JHO/COM-211797.xml> (date of access: 20.01.2025).
3. Roothaan, J. P. Uwaga nad uwagami o ludziach stuletnich, umieszczonemi w Nrze 123 Ruskiego Inwalida / J. P. Roothaan // Miesięcznik Połocki. – 1818. – T. 3, № 11. – S. 153–171.
4. Roothaan, J. P. Epistola CCLXXXIII Ad RP Antonium Rosmini Serbati / J. P. Roothaan // Epistolae Ioannis Phil. Roothaan Societatis Jesu praepositi generalis XXI v. 5 Epistolae ad externos pars secunda. – Romae, 1940 – P. 467–469.

5. Шмонин, Д. В. Теология и университет / Д. В. Шмонин. – Москва: МАРХИ, 2022. – 220 с.
6. Лойола, И. Духовные упражнения. Духовный дневник / И. Лойола. – Москва: Ин-т теологии, философии и истории Святого Фомы, 2006. – 376 с.
7. Roothaan, J. P. Über die rechte Art und Weise, die geistliche Betrachtung zu betreiben / J. P. Roothaan. – Regensburg: Nationale Verlagsanstalt, 1897. – 187 p.
8. Roothaan J. P. O rozmyślaniu. Nauka praktyczna / J. P. Roothaan. – Warszawa, 1864. – 611 p.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

О. В. Курбачёва

Белорусский государственный университет, Минск

O. V. Kurbachova

Belarusian State University, Minsk

УДК 101.1:316.347:316.647.8

РЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

REMYTHOLOGIZATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN THE POST-MODERN ERA

В статье раскрываются особенности проявления мифологического сознания на современном этапе социодинамики. Автор описывает сложности интерпретации мифа, с которыми сталкивается исследователь сегодня, фиксирует его общие содержательные характеристики и акцентирует внимание на универсальности мифологического мышления. Осуществляется попытка объяснить причины ремифологизации. Демонстрируется, в каких сферах проявляется мифологический ренессанс и каково его значение для конструирования этнокультурной идентичности на современном этапе развития.

Ключевые слова: миф; мифологическое сознание; ремифологизация; этноренессанс; нациобрендинг.

The article reveals the features of the manifestation of mythological consciousness at the present stage of sociodynamics. The author describes the difficulties of interpreting myth that researchers face today, records its general substantive characteristics and focuses on the universality of mythological thinking. The author attempts to explain the reasons for remythologization. It is demonstrated in what areas the mythological renaissance manifests itself and its significance for the construction of ethnocultural identity at the present stage of development.

Keywords: myth; mythological consciousness; remythologization; ethno-renaissance; nation-branding.

Миф представляет собой одно из самых расхожих и концептуально неоднозначных понятий в научном тезаурусе. Несмотря на репрезентативное количество публикаций по тематике, пространство современной научной мысли изобилует разносторонними и семантически разноплановыми подходами к осмыслению и пониманию сущности мифа как такового. С одной

стороны, это объясняется наличием различных дисциплинарных и методологических подходов к интерпретации: можно говорить о наличии этнографического, лингвистического, исторического, философского и других подходов. С другой стороны, семантическая размытость в понимании сущности мифа связана с тем, что нет четкой и однозначной концептуальной демаркации между такими понятиями, как миф, легенда и сказка. Безусловно, есть те реперные точки, ссылаясь на которые мы можем приблизительно разграничить миф и легенду, сказку (например, поучительный характер сказок или потенциальная историческая правдивость легенд). Вместе с тем ограниченность наших фактологических знаний и профицит мифологических образов и сюжетов не позволяет сегодня нам уверенно и однозначно дифференцировать предания, сказки и легенды от мифов. Более того, встречаются такие стойкие убеждения, в соответствии с которыми миф однозначно отождествляется с религией, и такие, в которых они резко противопоставляются. Например, в рамках мифологической школы (М. Мюллер, Н. Кун и др.) мифология отождествлялась с древней религией, а уже в соответствии с эволюционистскими взглядами (Дж. Фрэзер, Э. Тайлор и др.) мифы представляли собой примитивное мировосприятие, на которое в последующем содержательно ссылаются религиозные учения.

И наконец, третье обстоятельство, усложняющее осмысление сущности мифа на современном этапе социодинамики, — это его статус. Если на этапе становления и развития культуры и общества миф представлял собой неотъемлемую часть сознания и мировосприятия, то сегодня возникает закономерный вопрос: является ли миф реакционным грузом или востребованным и актуальным феноменом культуры? Представляет ли миф собой своеобразный культурный рудимент или это символический нарратив, который сегодня применяется в социальной практике, нациобрендинге и конструировании этнокультурной или национальной идентичности? В данной работе осуществляется попытка содержательно ответить на эти и другие вопросы через постановку и решение центральной дилеммы: свойственно ли для современного общества мифологическое мышление и в чем проявляется ремифологизация?

Сперва следует обозначить границы коннотации и определить, что свойственно для мифологического мышления в целом. Несмотря на анонсированные выше сложности в интерпретации понятия мифа, мы можем обозначить генерализированный остов мифа как такового. В большинстве исследовательских или энциклопедических работ мы находим следующее общее определение мифа — это древнее народное сказание о богах, легендарных героях, о происхождении жизни и явлений природы, в котором передаются общие представления людей о мире и месте человека в нем [1, с. 226]. Анализируя специфику мифологического мышления в целом, можно заметить, что для его носителя миф не представлял собой нечто идеализированное или сверхъестественное, а являлся частью повседневной

практики, его реальной действительностью. Это объясняется тем, что для первобытного человека не свойственна еще в полной мере способность конструировать идеализированные объекты или умение создавать абстракции. Для мифологического мышления характерны партисипативность и синкретичность: человек не выделял себя из окружающей среды – социальное и природное не обладало четкими границами. В рамках мифологического мышления человек являлся вовлеченной частью в единый социоприродный мир, который, в свою очередь, мыслился единым и нераздельным. Отсюда схожесть антропогонических мифов у различных народов как древности, так и аборигенов XX в., для которых свойственно мифологическое мышление. Например, в древнеегипетских, вавилонских, древнегреческих источниках или Книге Бытия мы обнаруживаем созвучные версии о происхождении и сотворении первого человека из праха земного или из глины, крови богов, смешанной с землей [Бытие: 2: 7–7]. Схожие интерпретации обнаруживаются и в мифах современных народов, придерживающихся мифологического типа мышления и объяснительной модели реальности: в мифах Новой Зеландии, островов Таити, австралийских аборигенов и других часто встречаются повествования о первом человеке из глины, земли и крови [2, с. 541]. Это непосредственная отсылка к синкретизму как принципу первобытного мышления: человек есть часть природы и, соответственно, может появиться только из природы как ее продолжение. При этом стоит отметить, что синкретичность мышления проявлялась не только в отсутствии бинарной оппозиции между миром человека и природы, но и между вымыслом и реальностью, потусторонним и действительным, единичным и общественным, приватным и безличным, что выражалось в таких принципах, как антропоморфизм, тотемизм, фетишизм, анимизм, ритуализм и др.

А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» пишет: «...миф есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность» [3, с. 35]. Впоследствии мифологическая синкретичность станет важной вехой для дифференциации религиозного и мифологического сознания, так как для человека, разделяющего мифологический тип мировосприятия, нет мира сверхъестественного, а мифологические образы и сущности не находились в потустороннем мире и не обладали трансцендентным характером, они являлись частью реального жизненного опыта. В рамках же религиозного сознания происходит четкая бинарная оппозиция, в соответствии с которой мир богов и духов выносятся за пределы физического естественного мира и конструируется мир идеального и сверхсущего. Например, в работе К. Леви-Стросса «Печальные тропики» можно найти соответствующий пример в описании бразильского племени «бороро» начала XX в. В рамках фиксации особенностей жизненного уклада племени французский этнолог и философ акцентирует внимание на статусе колдуна (бари): «Бари представляют отдельную категорию человеческих

существ: они не принадлежат полностью ни физической вселенной, ни социальному миру, а являются посредниками между ними» [4, с. 292]. Следуя за наблюдениями автора, мы видим, что колдуны представляли собой асоциальную личность, а грань между миром сущим и трансцендентным была нивелирована.

Важно отметить, что мифологическое мышление было свойственно для всех народов на ранней стадии их становления и развития. Мифы преимущественно выполняли этиологическую функцию и представляли собой духовно-практическую форму мировосприятия и миропонимания. Ввиду чрезвычайно необъятного разнообразия мифологических сюжетов и образов у различных народов сегодня мы можем лишь условно классифицировать мифы на тематические блоки (антропогонические, космогонические, этиологические, эсхатологические и др.). Вместе с тем стоит подчеркнуть, что большинство мифов повторялись в мифологических сюжетах разных народов, отличаясь в основном лишь локальными внешними обстоятельствами. Для примера можно привести исследования мифа о потопе, проведенные Дж. Фрэзером в его работе «Фольклор в Ветхом Завете» [5, с. 63]. Анализируя данный миф, антрополог фиксирует, что существовало около двухсот вариаций мифа о великом потопе, встречающихся в сказаниях различных народов, но преимущественно восходящих к одному древнему источнику – вавилонским сказаниям, которые, в свою очередь, были заимствованы у шумерийцев [5, с. 65]. Является ли миф, в котором повествуется о стихийно-губительных разливах, исторически достоверным или вымышленным, мы не можем утверждать, так как до сих пор по этому вопросу ведутся научные споры. Вместе с тем нельзя не отметить о сходстве сюжетной линии и наличии общих черт и характеристик существующих мифов в истории различных народов, расположенных на географически отдаленных территориях.

Возникает закономерный вопрос: что же стало с мифологией сегодня, когда доминирует научное мышление, избыточность и в определенной степени необъятность информации, а сами мифы утратили свой сакральный и объяснительный потенциал? Стоит отметить, что сегодня мы, безусловно, выходим за пределы архаической мифологии и акцентируем внимание на современном мифе как символическом нарративе, который активно используется в брендинге, искусстве и обнаруживает себя в массовом сознании [6, с. 61]

Для иллюстрации можно обратиться к сфере искусства. Отшлифованные тысячелетней историей сюжеты мифологии стали источником вдохновения для создания многих шедевров в мировой литературе, живописи, скульптуре, а также в кинематографе и гейминге. Начиная с эпохи Возрождения, в живописи которой преимущественно цитировались образы и сюжеты древнегреческой и римской мифологии, искусство во многих своих видах и жанрах коррелировало с мифологией (например, «Рождение Вене-

ры» Сандро Боттичелли, Похищение Европы» Тициан, «Пир богов» Джованни Беллини, Питер Брейгель Старший «Падение Икара» и др.). Стоит отметить, что сегодня в искусстве по-прежнему наблюдается отсылка к мифологии. Ярким примером тому служит создание ряда кассовых художественных фильмов или полнометражных анимационных мультфильмов на тематику античной или скандинавской мифологии. Так, компания Marvel Studios¹ не просто коммерциализировала скандинавскую мифологию, но и реализовала глобальный просветительский проект по популяризации мифов древних скандинавов. Кино, живопись, литература, видеоигры сегодня стали символической площадкой для визуализации и цитирования классических мифологических сюжетов и героев. Примером одного из широко воспроизводимых сюжетов в истории живописи является миф про Икара²: Караваджо, Питер Брейгель Старший, Антонис ван Дейк, В. Кандинский, М. Шагал, П. Пикассо и многие другие художники использовали миф про Икара и Дедала как сюжетную линию для своего произведения. Более того, отсылка к древнегреческому мифу сегодня активно применяется в комиксах, видеоиграх и анимациях: японский комикс Дзиро Танигути «Икар» (1996–2000гг)³, графические мемуары «Веселый дом» Э. Бекдел (2013 г.)⁴, анимационный фильм «Икар» режиссера Карло Вогеля (2022 г.)⁵ и множество других работ, с убедительностью доказывающих, что цитирование сюжетов и образов из мифологии по-прежнему востребовано и даже коммерчески выгодно.

Если обратиться к художественным произведениям, то мы также обнаружим прямое или косвенное цитирование и обращение к мифологическим артефактам, образам, событийным действиям. Например, миф про «Персея» косвенно цитируется в работах А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане» (в частности, речь про сюжетную линию, когда царевича с матерью бросили в бочке в море), В. Гауфа «Маленький Мук» (артефакт волшебные сандалии), в серии книги Дж. Роулинг «Гарри Поттер» или П. Трэверс «Мэри Поппинс» (бездонная сумка) и во многих других произведениях. То есть на данный момент мы можем зафиксировать, что древние мифы представляют собой хорошо известный и востребованный нарратив в искусстве, на базе которого надстраиваются современные сюжетные линии в контексте современных культурных кодов. Хорошо знакомые образы или действия воспроизводятся в условиях настоящего времени для массового зрителя. Однако корреляция искусства и мифологии носит скорее развлекательную,

¹ Marvel. – URL: <https://www.marvel.com> (дата обращения: 19.12.2024).

² Кун, Н. А. Дедал и Икар / Н. А. Кун // Легенды и сказания Древней Греции. – Санкт-Петербург: Азбука. – 2019. – 544с.

³ Икар // shikimori.one. – URL: <https://shikimori.one/mangas/5118-icaro>.

⁴ Pulitzer.org. – URL: <https://www.pulitzer.org/prize-winners-by-category/218>.

⁵ Icare. – URL: <https://www.unifrance.org/film/54093/icare>.

коммерческую, эстетическую и, возможно, даже познавательную функцию и, безусловно, лишена объяснительного или сакрального потенциала.

Вместе с тем сегодня мы можем наблюдать и элементы ремифологизации в общественном сознании, в рамках которой не просто возрождается интерес к мифам, но и настойчиво акцентируется сакральный характер мифологического знания. Мифологический ренессанс проявляется в таких формах социальной практики, как неошаманизм, неоязычество, эзотерика [7, с. 166]. Какова же причина повышенного интереса к оккультизму или магическому знанию, а также сакрализации мифологических ценностей на современном этапе развития общества? Несмотря на широко распространенную научную парадигму мышления или существующие традиционные религиозные системы миропредставления, мы действительно наблюдаем участвовавшие практики обращения к мифологическим образам или верованиям. Они могут проявляться косвенно или опосредованно, но, тем не менее, несмотря на нелегитимизированный статус, мы сегодня можем засвидетельствовать повышенный спрос на астрологические прогнозы, обереги, фетиши, гадание картами таро, а также мифологизацию или состаривание истории, популяризацию традиционных мифологических представлений. Возможным объяснением такой востребованности и популярности ремифологизации сегодня выступают два взаимосвязанных фактора: внешний и внутренний. Внешним фактором, потенциально активизирующим обращение к мифологическим элементам мировосприятия, может послужить кризисный этап социальной динамики, отличающийся высокой степенью нестабильности и критическим состоянием в обществе. Социальная аномия, для которой характерна дезорганизация и смещение фокуса в мировоззренческих приоритетах, может инициировать поиск стабильных и уже знакомых ориентиров, которые инкорпорированы в традиции, ритуалах и привычных образах. Повышенная тревожность на локальном уровне из-за внешних агрессивных факторов (например, потенциальной угрозы техногенной катастрофы или геополитических конфликтов), а также неуверенность в завтрашнем дне инициируют обращение к глубинным ценностям, выполняющим психологическую функцию защиты, благодаря которой приоткрывается занавес перед неизвестным и формируется хоть иллюзорная, но, тем не менее, искомая стабильность в мироощущении. Это, в свою очередь, тесно связано с внутренним фактором ремифологизации: само по себе мифологическое мышление глубоко интериоризировано в общественное сознание через фольклор, языковые системы, шаблонные паттерны поведения, стереотипное поведение и традиционные ценности. Именно поэтому мифология становится тем фундаментом, который выполняет протекционистскую функцию в период кризисного этапа социодинамики. Для этнической общности мифологическая система знаний служит символическим остовом, благодаря которому возможно поддержание сплоченности, конструирование этнокультурной идентичности. В этой связи стоит абстраги-

роваться от однозначно негативной коннотации процесса ремифологизации. Ведь в ней обнаруживается специфическое инструментальное предназначение: этномифология является частью этнокультурного наследия и поэтому может интегрировать сообщество, переживающее кризисное состояние. Так, например, этническая мифология находит свое широкое применение и в этнополитической риторике: обращение к историческому прошлому, героизация событий или субъектов истории в целях обоснования определенных событий или решений в настоящем, конструирование национальной идеи или формирование желаемого имиджа страны – всё это актуальные шаги, аккумулирующие прошлое и будущее этнической общности [6, с. 65].

Таким образом, мифы, несмотря на то что они потеряли свое сакральное значение и объяснительный потенциал, до сих пор востребованы и актуальны в массовом сознании: мы обнаруживаем элементы этномифологии в искусстве (дизайне, кинематографе, видеоиграх, живописи и т. д.), в повседневной практике (сакрализация образов и сюжетов), в нациобрендинге. Сакральные истории, в которых переплеталось вымышленное и реальное, природное и социальное, пронизывали жизнь древнего человека, но постепенно переоплотились в народные легенды, предания, которые интегрировали в себе духовное наследие прошлого и стали символическим нарративом для настоящего. Этнические мифы представляют собой не только способ прочтения прошлого, но и форму восприятия для будущего, позволяющую интегрировать общность, выполнять протекционистскую функцию и символически очерчивать этнокультурные маркеры идентичности.

Список использованных источников

1. Культуралогія: энцыклапедычны даведнік / Э. С. Дубянецкі. – Мінск: БелЭн, 2003. – 384 с.
2. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – Москва: Политиздат, 1990. – 622 с.
3. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа: дополнение к «Диалектике мифа» / А. Ф. Лосев. – Москва: Изд-во Мысль, 2001. – 559 с.
4. Леви-Стросс, К. Печальные тропики / К. Леви-Стросс; пер. с фр. В. Елисеевой, М. Шукиной. – Москва: Изд-во АСТ, 2022. – 544 с.
5. Фрэзер, Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завет / Дж. Дж. Фрэзер. – 2-е изд., испр., пер с англ. Д. Вольпина. – Москва: Политиздат, 1986. – 511 с.
6. Курбачёва, О. В. Статус и специфика этнической мифологии на современном этапе социокультурного развития: социально-философский анализ / О. В. Курбачёва // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2023. – № 2. – С. 60–66. – URL: <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-00-00>.
7. Полякова, О. А. Неошаманизм как продукт современной культуры / О. А. Полякова // Kant. – 2022. – № 2 (43). – С.165–169.

(Дата подачи: 10.02.2025 г.)

Г. А. Личевский

Белорусский государственный университет, Минск

G. A. Lichevsky

Belarusian State University, Minsk

УДК 172.16

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЕКЦИИ ФЕНОМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

SOCIO-PHILOSOPHICAL PROJECTIONS OF THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION

Статья посвящена реконструкции трех концептуальных уровней осмысления глобального проекта: экономического, идеологического и политического. Автор рассматривает их интегральное объединение как адекватный ответ на вызовы трансформирующегося мира. Аргументируется тезис о том, что проект глобализации неразрывно связан с проектом просвещения, при этом акцент делается на таких проблемах, как массовизация, технизация общества и отчуждение человека.

Ключевые слова: глобализация; Просвещение; рационализм; экология; *pax Americana*.

The article is devoted to the reconstruction of three conceptual levels of understanding a global project: economic, ideological and political. The author considers their integral unification as an adequate response to the challenges of the transforming world. The thesis is argued that the project of globalization is inextricably linked with the project of enlightenment, while the emphasis is on such problems as: massization, technization of society and alienation of man.

Keywords: globalization; Enlightenment; rationalism; ecology; *pax Americana*.

Выступив закономерным следствием развития новоевропейской рациональности, проект глобализации является первичным маркером техногенной цивилизации. Основания этому обнаруживаются в повсеместном распространении рационального способа освоения природной среды, получившим первоначальную легитимацию еще на этапе Античности. В свою очередь последующее развитие рационализма в фокусе капиталистической модели хозяйствования как ответ на запрос в адаптации человека к внешнему миру привело к окончательному утверждению глобальной социальной модели. Концентрированное выражение эта модель обрела в идеологии просвещения, краеугольным камнем которой выступает принцип *cogito*, обнаруживший свою проекцию как в философском, так и в социокультурном плане.

Однако последующее развертывание ценностной модели просвещения выявило свои негативные аспекты в динамике исторического развития, связанные как с субъективно-мировоззренческими, так и объективно-производственными характеристиками. Так, в первом случае масштабная технизация общественной среды привела к отчуждению и массовизации человека, во втором – к выхолащиванию «жизненного пространства» и экологическому кризису. В этой связи целесообразным представляется рас-

смотреть онтологические истоки глобального типа мышления, а также проанализировать его альтернативные европоцентрической идеологии просвещения уровни. Таким образом, в настоящем исследовании феномен глобализации рассматривается не только в экономическом разрезе и получает выражение в форме трех уровней: гносеологическом, критическом и геополитическом.

Первоначальные проекции глобализма как попытки примирить человека с природной реальностью получили свое становление в Древней Греции как альтернатива идеалистической парадигме платонизма – в течениях стоицизма и кинизма. Разработка этих философских проектов оказалась в значительной степени инспирирована противоречивостью политической теории Платона, которая, с одной стороны, имманентизировала политическое неравенство в аспекте социализации, во-вторых, была нацелена на удвоение самой реальности как интеллигибельной, истинной и материальной, ложной.

Соответственно, носителями «корректного» в рамках подобной картины мира мышления выступали те, кто обладал способностью умозрения, – философы, в то время как представители остальных социальных групп в лице рабов, воинов и торговцев оказывались отрешены от политической сферы. Здесь следует отметить, что категория «политики» в Античности выступала приоритетным способом философского отношения к реальности, что в конечном счете ознаменовало переход дуальной модели этой реальности в практический план. Как справедливо указывал К. Поппер, подобное удвоение привело к становлению специфической идеологической матрицы, характеризуемой вневременным характером ее идеала – государства: «Даже натуры “редкие и необычные”, приблизившиеся к совершенству, зависимы от общества и государства» [7, с. 111]. Признание верховенства государства как высшей формы политического, а значит, философского мышления в итоге ознаменовало развитие историцизма как абстрактного идеала политики.

На этом фоне неприятие политического курса платонизма со стороны киников и стоиков характеризовалось отходом от абсолютизации рационального, эйдетического мировоззрения с признанием исходной ценности человека, нежели субъекта классовой идентичности. В этом контексте перспектива общечеловеческой консолидации рассматривалась в призме космополитизма, а сам человек – как вовлеченный в природный мир организм [8, с. 61].

Немаловажно подчеркнуть, что историцистское абстрагирование государства на фоне развития рационального мышления выступало не только греческим феноменом, а, наоборот, оказалось созвучно перспективе развития мировой цивилизации в терминах осевого времени (К. Ясперс). При этом, как правомерно отметил А. В. Коротаев, осевое время как масштабный переход от мифологического мышления к рациональному выразило собой в первую очередь результат технологического развития в разных регионах земного шара – Китае, Индии и Греции, тогда как его политические

конstellляции выражают субстратную характеристику самого государства [4, с. 153]. Таким образом, рационализация природной среды, в понимании российского мыслителя, выступает исторически необходимым атрибутом социального развития, перекликающимся с технологическим и социокультурным прогрессом в форме национальных государств.

Соответственно, на данном этапе полагаем возможным зафиксировать, что отход от мифологического мировоззрения привел к возникновению исторически нового отношения к природной реальности, выраженного в ее практической переработке.

Здесь, впрочем, следует сказать, что подобная переработка осуществлялась по разным концептуальным основаниям, которые в дальнейшем выступили важнейшим критерием отличия европейского рационализма от в широком смысле азиатского. В первом случае на передний план выступила фигура Одиссея как «обманщика богов», метафорически отражающая генезис рационального субъекта с присущим ему культом индивидуализма, тогда как во втором имела место ориентация на коллективизм и соблюдение предвечного – небесного – порядка мирового устройства.

При этом, несмотря на весьма плодотворное развитие азиатского региона в течение грядущих столетий, в социально-философском разрезе большую значимость обнаружила именно европейская модель. Это связано не столько с иллюзорной ценностью европоцентризма, сколько с экспансионистскими презумпциями того типа рациональности, который получил становление под его эгидой. В то же время параллельное развитие ряда азиатских стран, как, например, Китая и Японии, несмотря на сохранение ряда мифологических черт, оказывалось не в меньшей степени сложным в сравнении с ходом развития европейской цивилизации. Так, согласно Д. Нидаму, капитализм китайского образца, получивший становление в «осевое время», был несравненно более сложным по своему устройству, чем в последующие времена европейский. Это связывается мыслителем как со спецификой географических условий Китая, так и с бюрократической моделью его государственного устройства, где оптимизация управленческой технологии выступала своеобразным гарантом суверенитета [5].

На этом фоне нельзя не отметить деструктивную компоненту сперва древнегреческого, а после новоевропейского рационализма, выражающую собой, по И. Т. Касавину, развертывание сперва пессимистически-индивидуалистической, а затем массово-практической идеологии [3, с. 25–40]. В гносеологическом аспекте этому сопутствовало развитие диалектического мышления с характерной для него абсолютизацией разума и его универсализацией, в социальном – последовательная интеграция человека в производственную среду, а в производственном – технологическая эксплуатация природных ресурсов.

Получив ценностное выражение в форме проекта Просвещения, указанные тенденции озаменовали концептуальный переход к идеологеме

европоцентризма, получившей развитие в трудах Г. В. Ф. Гегеля. Согласно мыслителю, немецкая нация как высшая форма развития европейской цивилизации выступает наследником греческого и римского рационализма, а ее духовным базисом является идея свободы как самосознания Духа на замыкающем этапе исторического развития. И поскольку рефлексия Духа в равной степени выражает собой рефлексию субъекта, на данном этапе осуществляется неправомерная политизация философии, влекущая за собой возрастание тоталитаризма [6, с. 41–42].

Радикализм Г. В. Ф. Гегеля и последующий кризис его философских построений в рамках философии иррационализма в значительной степени подтвердили ошибочность европоцентризма, что было связано как с развитием идей Дж. Вико, А. Кондорсе и А. Тюрго как пионеров цивилизационного подхода в философии истории О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского и К. Леонтьева, так и с последовательным отходом от отождествления максимы прогресса с рациональным мышлением. Так, если ранее лозунг «знание – сила» выступал важнейшим маркером Просвещения и, соответственно, «цивилизованного» состояния, то с развитием историографических исследований в XIX в. сформировалось устойчивое представление о многообразии цивилизаций в купе с их культурным своеобразием.

В этом случае важно отметить, что отход от европоцентристской модели в рамках философии истории со стороны вышеуказанных авторов на практике вовсе не привел к отходу от глобалистских презумпций европейского общества. Так, в точном соответствии с задачей повсеместного распространения идеалов рационального познания практическим следствием проекта Просвещения выступила колонизация неевропейских континентов – Америки, Африки и Азии, чему соответствовала мир-системная интеграция капитализма и его последовательный переход в империалистическую фазу.

На этом фоне становление международного капиталистического оборота привело не только к формированию специфического индустриального «региона», но также к масштабному распространению утилитарного мироощущения. Таким образом, осуществилось фактическое закабаление автохтонных культур европейской моделью мышления, что привело к их поглощению капитализмом. «Прогрессивность» подобной модели ознаменовала кризис не только в панораме социально-политического устройства, но также в фокусе экологии, когда отдельные регионы Земли вплоть до конца XX в. выступали как ресурсная база европейского и североамериканского континентов. В этом случае глобализационный проект обнаружил свое выражение сперва в фокусе противоречий советской и американской идеологических конструкций, а после – повсеместном распространении капитализма и пропорциональной ему аксиоматике неолиберализма.

В этой связи важно разграничивать несколько уровней глобализации, каждый из которых коррелирует с сверхрационалистической сущностью капитализма: во-первых, как консолидации международной экономики

и обострения ее рискогенных факторов, во-вторых, как идеологической гомогенизации, в-третьих, как стратагемы международных политических отношений.

Так, в первом случае обнаруживается, что интенсивное развитие глобальной экономики в связи с эволюцией природной материи требует возрастания сознательности со стороны человечества в отношении эко- и биосферы. Подобные идеи получили первоначальное развитие в трудах П. Тейяра де Шардена и В. Вернадского, а в последующем – Н. Федорова, В. С. Стёпина и К. Лоренца. Авторами подчеркивается необходимость в отходе от производного извлечения выгоды из природного мира, так как его первоначальное биотическое многообразие уменьшается с каждой новой вехой в развитии индустриальных технологий. В этом контексте первичной выступает задача не только формирования экологически нейтрального производства, но также налаживание международных связей в форме интерсоциальной, планетарной коммуникации (Н. Федоров), которой будет сопутствовать экстраполяция принципа разумного не-деяния применительно к природе (В.С. Стёпин).

Второй уровень осмысления глобализации выражается в экспликации идеологических противоречий капитализма, во второй половине XX века преобразующимся в модель одномерного мышления – *Rax Americana*, «американский путь». В этом случае предметом социально-философского осмысления предстает феномен массовой культуры и становление общества потребления как преемника эпохи Просвещения. Так, Г. Маркузе и Ж. Бодрийяром подчеркивается декадентский путь рациональности европейского типа, выраженный в фактическом выхолащивании критического мышления человека путем его приобщения к квазипросвещенному обществу.

В этом обнаруживается изначальный парадокс рационализма: познавая окружающий мир в понятийной форме, человек добровольно отрешается от полноты своего эстетического, то есть чувственного восприятия в угоду апробированной в социальном масштабе модели мышления. Первичным критерием истинности подобного мышления выступает точное соответствие, корреспондирование мысленного образа конкретному предмету, что отсылает к психоаналитическому расщеплению самости человека.

Соответственно, последующая диверсификация капитализма принимается отражать сверхрационалистический фетиш, облекающийся в форму массового мировоззрения и массовой же культуры. Вследствие подобной метаморфозы человек обращается в пассивно действующего актора социально-политического производства, что в конечном счете приводит к возрастанию цинического отношения к действительности (С. Жижек, П. Слотердайк). Несмотря на то что социально-критический подход выступает несколько тенденциозным и часто подвергается критике со стороны мыслителей постмарксистской и постмодернистской ориентации, несомненным представляется, что анализ культурных факторов в рамках глоба-

лизации обладает эвристическим потенциалом как обращенный непосредственно к человеку и его витальным практикам.

Третий уровень осмысления глобализации, выраженный в анализе геополитических характеристик современного мира, отсылает к коллизиям демократии европейского образца и в значительной степени обращается к цивилизационной проблематике прежних столетий. В этом контексте такими мыслителями, как З. Бжезинский, С. Хантингтон, А. Дугин и Ф. Фукуяма, земной шар интерпретируется как арена идеологического противостояния («Шахматная доска») между евразийским регионом – Хартлендом – и атлантическим (Америка, Австралия, Япония). Этот подход предстает наиболее противоречивым ввиду своей явственной идеологической ангажировки. Тем не менее, обращаясь к дескриптивным аспектам концепций вышеуказанных авторов, представляется вполне возможным рассматривать глобализационный проект как сферу противостояния неолиберальных и неоконсервативных ценностей. Значимым аспектом этого противостояния выступает близость разных регионов политическим проектам эпохи Нового Времени: либерализму, марксизму и фашизму.

Страны, где эти проекты состоялись в истории (Европа, Америка), традиционно выступают акторами атлантизма, тогда как носители альтернативного идеологического сознания, наоборот, репрезентируют евразийцев. Обращаясь к актуальным политическим тенденциям, подобную оппозицию возможно выразить как противостояние, с одной стороны, НАТО и неолиберализма, а с другой – ОСЕАН и БРИКС, концептуально опирающихся на модель «сетевой демократии» [2, с. 91].

При этом концепт *Rex Americana* и его демократические конstellации по-разному оцениваются современными мыслителями. Так, например, по мнению Ф. Фукуямы, мыслителя гегельянской направленности, он предстает позитивным сценарием международного развития, так как именно демократия знаменует реализацию свобод со стороны человека. По мнению же А. де Бенуа, родоначальника движения «новые правые», важнейшим атрибутом *Rex Americana* выступает квазигуманистический характер идеологии прав человека, которая ввиду абстрагирования юридической субъектности человека выступает препятствием для «любой политики вообще» и влечет за собой абсолютизацию проамериканского политического курса [1, с. 105].

Как итог, в рамках вышеописанных проекций глобализации правомерным представляется указать на ее «тупиковый путь» в масштабах Земного шара. Это связано как с долгосрочным засильем европоцентризма, так и с фактическим назреванием экологического кризиса – феноменов, в значительной степени обусловленных рационалистическим мышлением. Как результат, в современности все большую актуальность обнаруживает междисциплинарный подход к понимаю глобализации как триосферы, объединяющей как духовные, так и материальные характеристики глобального общества [9, с. 13–16]. В этом случае глобализация представляет собой

закономерный продукт синтеза биологической, социальной и культурной сфер как результат общесоциальной рефлексии над окружающим миром, с одной стороны, и объективными показателями качественного изменения природы – с другой.

На этом фоне продуктивной представляется разработка экологического мышления, в современности набирающая все большую популярность, а равно отход от гегемонистской модели международных социально-политических и экономических отношений, к чему прослеживаются предпосылки в рамках концепций глокализации и этноплюрализма как синтез рассмотренных выше уровней глобального мышления и их преобразование в целостный каркас космополитизма. Кроме того, важной предстает задача разработки экопозитивного мировоззрения, характеризуемого отказом от утилитарного пользования природными ресурсами.

Таким образом, отход от экспансионизма в экономике, политике и культуре выступает первичной задачей современного общества и отражает позитивный сценарий дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Список использованных источников

1. *Бенуа, А.* По ту сторону прав человека. В защиту свобод / А. Бенуа. – Москва: Ин-т социогуманитар. исслед., 2015 – 144 с.
2. *Казаков, А.* Лис Севера. Большая стратегия Владимира Путина / А. Казаков. – Санкт-Петербург: Питер, 2024. – 368 с.
3. *Касавин, И. Т.* Познание в мире традиций / И. Т. Касавин. – Москва: Наука, 1990. – 202 с.
4. *Коротаев А. В.* Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции / А. В. Коротаев. – Москва: Вост. лит., 2003. – 278 с.
5. *Нидам, Дж.* Общество и наука на востоке / Дж. Нидам // Электронное издание «Uchebana». – URL: Наука о науке. Сборник статей. – Москва, 1966. – Сборник статей – стр. 1 (uchebana5.ru) (дата обращения: 23.08.2024).
6. *Поппер, К. Р.* Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – Москва: Феникс, 1992. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.
7. *Поппер, К. Р.* Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – Москва: Феникс, 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.
8. *Санжениаков, А. А.* История моральной философии / А. А. Санжениаков. – Москва: Этич. мысль, 2021. – Т. 21. – С. 59–70.
9. *Чумаков, А. Н.* Глобализация. Контур целостного мира / А. Н. Чумаков. – Москва: Проспект, 2023. – 456 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Д. В. Майборода

Минский государственный лингвистический университет, Минск

D. V. Maiboroda

Minsk State Linguistic University, Minsk

УДК 141

АНАЛИТИЧЕСКАЯ И ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ANALYTICAL AND DIALOGICAL PHILOSOPHY

Диалогическая философия может быть представлена сутью европейской (и евразийской) философии, поскольку она лучше соответствует стандартам антропологического, лингвистического и плюралистического поворота, чем господствовавшая ранее диалектика. Влияние аналитической философии на диалогическую позволяет корректировать ее деформацию в сторону синтеза, создавая возможность проекта «диалогического центризма», который бы преодолевал недостатки крайних философских позиций.

Ключевые слова: аналитическая философия; диалогическая философия; диалогизм; европейская философия; англо-американская философия; диалектика.

Dialogical philosophy can be represented as the essence of European (and Eurasian) philosophy, since it better corresponds to the standards of the anthropological, linguistic and pluralistic turn than the previously dominant dialectic. The influence of analytical philosophy on dialogical philosophy allows for the correction of its deformation towards synthesis, creating the possibility of a project of “dialogical centrism” that would overcome the shortcomings of extreme philosophical positions.

Keywords: Analytical Philosophy; Dialogical Philosophy; Dialogism; European Philosophy; Anglo-American Philosophy; Dialectic.

Подобно тому, как аналитическая философия считается выражением сути англо-американской интеллектуальной традиции, диалогизм может рассматриваться как суть европейского и евразийского интеллектуального пространства. Безусловно, диалогическая философия – далеко не самое яркое направление в европейской философии. За это звание с большим основанием борются марксизм, иррационализм и структурализм. Но яркость – проявление экстремума, в философии – крайностей в трактовке идей. Если же ориентироваться на умеренные интерпретации концептов, то на первый план выходят диалектическая и диалогическая философия.

Аналитическая философия в период своего возникновения как раз противопоставляла себя диалектической философии. Однако современные традиции европейской мысли тоже продукт ее критики. Таков и диалогизм, хотя при этом он наследует диалектическую традицию, сглаживая ее радикализм, сближая ее с реальным жизненным опытом и адаптируя к более современным интеллектуальным тенденциям, которые можно обобщить как антропологический, лингвистический и плюралистический поворот в философии (следует уточнить последнее, поскольку это неологизм; под «плюралистическим поворотом» подразумевается уход от классического образа

единой теории философии к современному представлению о философии как сети теоретизаций, изменяющейся в соответствии с достижениями науки и изменением действительности, – важно, что эта сеть подразумевает умеренный диссонанс, что провоцирует постоянную динамику).

Чтобы представить статус диалогической философии в европейской философии аналогом аналитической философии для англо-американской, есть некоторые основания, вытекающие из понятия парадигмы. Она – не столько совокупность идей, но система образцов размышлений и презентаций их результатов в философском сообществе и в культуре в целом, то есть по большей мере – некоторый стиль. А ведь именно так и определяют аналитическую философию, – не как приверженность определенным концептуальным программам, а как определенный стиль («в широком смысле слова аналитическую философию можно трактовать как определенный стиль философского мышления» [1, с. 13]). Диалогистов нередко также легче объединять по признакам стилистики, чем по идеям. Например, если у Мартина Бубера или Михаила Михайловича Бахтина найти собственно размышления о диалоге как ключевом событии человеческого существования довольно просто, то это довольно сложно у Франца Розенцвейга или Ойгена Розенштока-Хюсси, также признанных классиков диалогизма. Зато их объединяет стремление к синтетизму и поэтике, внимательному отношению к другим мыслителям, осознанию личностной ограниченности своих взглядов, что предопределяет открытость Другому.

Многие из этих черт не специфичны для именно диалогизма, но свойственны европейскому типу философии, если не сводить его к вышеупомянутым экстремумам (которые, вместе с тем, также отчасти выражают эту специфику). Например, эти свойства легко найти в религиозной философии и академической непозитивистской традиции (в том, что можно называть «пострационализмом»). Как во многих других направлениях «континентальной» философии, и в диалогизме легко прослеживается связь между стилистикой и содержанием интерпретации идей. При этом диалогическая философия более, чем иные направления, выделяется как выразитель сути европейского мышления вследствие определенного баланса нейтральности ее понятия при четкости ее определения, что способствует большей конвенциональности (например, экзистенциализм – понятие менее нейтральное, – многие бы выступили против того, чтобы видеть в нем носителя сути европейской философии, а пострационализм – течение крайне неопределенное, сильно варьирующееся в конкретных институтах вследствие влияния профессиональных деформаций на философские обобщения, а потому сложно отчетливо обобщить европейские академические традиции, например, психологической и правовой философии).

Стоит оговориться и об оппозиции «англо-американская и европейская», так как она сильно изменила свое значение с середины XX в. Европейское интеллектуальное пространство стало испытывать определяющее

влияние англо-американской философии, особенно усилившееся в конце XX в. С другой стороны, активное включение европейских культур в англо-американскую интеллектуальную среду способствовало отходу англо-американской традиции от чистого аналитического стиля. Эта диффузия сделала разделение на англо-американскую и европейскую традиции менее четким.

Другое важное изменение, связанное с этой альтернативой, – активное включение в международное интеллектуальное и философское пространство восточных культур, а также формирование евразийских проектов. И в восточных, и в евразийских культурах проявляются тенденции синтетизма, которые в продуктивном выражении сближаются с диалогической философией. Конечно, в ряде аспектов (прежде всего в экономике, технологической и военной сферах) азиатские и евразийские культуры активнее заимствуют англофонные традиции, однако весь остальной массив культуры более характеризуется стилистикой и идеями, традиционно ассоциируемыми с европейской философией. Эта ситуация отчасти напоминает оппозицию «левые и правые» в политической сфере, она в течение XX в. также стала гораздо менее ясной. Не удивительно, что сегодня на смену внешним определениям идеологических и философских позиций приходят понятия, основанные на прямом усмотрении их сущности, поскольку и культура мышления стала сложнее, как и сама действительность, которую она осмысляет.

Конечно, логически более правильно было бы использовать простые би-наризмы с четким критерием. В частности, следовало бы разделять философию на аналитическую и синтетическую (предполагая, что их отличает преобладание определенных методов мышления), либо же на диалогическую и монологическую (считая важным критерием их разделения отношение к другому субъекту). Разумеется, философия не может строиться ни лишь на анализе и абстрагировании (тем более только языка), ни только на синтезе и обобщении. Однако преобладание того или другого существенно сказывается как на стилистике философствования, так и на содержании интерпретации идей. Также нельзя представить себе философствование ни как полную изоляцию мыслящего в своем опыте, ни как лишь сомыслие с Другим. Однако преобладание ориентации на самостоятельность или же на открытость иному ярко отражается в характере философии. Чистые аналитическая, синтетическая, монологическая и диалогическая философия – лишь идеальные типы, крайние значения шкал, позволяющие, вместе с тем, определить тот или иной опыт философии.

Но раз аналитическая и диалогическая философия – не настоящие противоположности, может ли диалогическая философия быть аналитической? Кажется, что описание диалогизма у М. Бубера этому противоречит. Он говорит: «каждое Оно граничит с другими Оно... Ты безгранично» [2, с. 17]; «Ты, не имеющий соседства и связующих звеньев... заполняет всё подне-

бесное пространство» [2, с. 19]; «я могу отделить от [Ты нечто, но тогда Ты] уже – не Ты» [2, с. 20]. Отношение Я-Ты действительно синтетично, однако сам М. Бубер признает, что пребывать в этом отношении всё время невозможно. Даже описать отношение Я-Ты не так просто. О. Розеншток-Хюсси критикует М. Бубера потому, что он фактически объективирует Ты (например, он говорит «опыт есть отдаление Ты», а не «опыт есть отдаление Тебя» [2, с. 20]). О. Розеншток-Хюсси потому называет М. Бубера «основателем ... учения о [еретической диалогической] добавке к академическому мышлению», которая по сути ничего не меняет в практике объективации действительности [3, с. 120]. Вряд ли следует быть столь же категоричным, как О. Розеншток-Хюсси, ведь тогда нужно вовсе отказаться от научного и академического мышления. Гораздо разумнее признать ограниченность радикального диалогизма.

Следует добавить, что философия М. Бубера развивается в русле иудаизма, а во всех авраамических религиях подлинный синтетичный Другой – только Бог (восприятие любого другого существа уникальным и абсолютным – это не что иное, как его обожествление, что считается тяжелым грехом). То, что отношение с другим человеком, природным существом или духовной сущностью, отступает к объективирующему отношению – не прискорбная странность, а важная составляющая подлинного существования. Подтверждение правильности такого подхода можно найти и у самого М. Бубера. Он приводит притчу, в которой Бог говорит жаждущему, чтоб Бог услышал его: «Свой слух я погрузил в глухоту смертных» [2, с. 106]. Это означает, что абсолютное Ты обнаруживается только в общении с различными людьми, природными существами и духовными сущностями.

К тому же ясно, что концепция М. Бубера, хоть и является чрезвычайно важной в диалогизме, не является единственно возможной. Более того, диалогическая философия не обязательно религиозна. Внетеистическая диалогическая философия (не следует ее путать с атеистической) также играет большое значение (например, Михаил Михайлович Бахтин, Юлия Кристева или Владимир Соломонович Библер). В их концепциях аналитика имеет важное значение именно для того, чтобы установить определенность точки зрения Другого или иного «строя разума».

Косвенно на то, что диалогическая аналитическая философия – отнюдь не противоречивое понятие, указывает то, что часто встречается противоположное сочетание – синтетическая монологическая философия. Ярким примером этого выступает гегелевская диалектика (в отличие от марксистской диалектики, которая далеко не во всех своих вариантах может быть названа вполне монологической в силу развития в реальных дискуссиях). Другие яркие примеры монологического синтетизма представляют религиозная, эзотерическая и иррационалистическая философия.

О том, что аналитическая диалогическая философия вполне возможна, свидетельствуют и тенденции самой аналитической философии. Это обна-

руживается даже в самом ее основании, поскольку Джордж Мур и Бертран Рассел не заставляли Людвиг Витгенштейна следовать их взглядам, а помогали развивать его собственные концепции, принимая его разработки даже в случаях, когда это означало необходимость признать собственные ошибки. Следует обратить внимание и на то, что это не было случайностью, но соответствовало базовой интенции аналитической философии, выраженной Б. Расселом в словах: «Привычка к тщательной [научной] правдивости, приобретенная в практике этого философского метода, может быть распространена на всю сферу человеческой деятельности, приводя, где бы она ни существовала, к уменьшению фанатизма и возрастанию способности сочувствия и взаимопонимания» [4, р. 759. – *перевод мой Д. М.*]. Важно также, что единство аналитической философии задается не столько идеями, сколько стилистикой. Тем самым аналитическая философия, по сути, представляет собой полилог различных точек зрения, а не единую монологическую теорию. Да и в целом подлинный диалог не может обойтись без разбора того, что говорится разными его участниками, – диалогизм вне аналитизма вырождается в монологизм.

Диалогизм нуждается в прививке аналитической философии, чтобы противостоять «семантическому загрязнению интеллектуального пространства», поскольку борьба с ним и есть основная цель аналитической традиции, по меткому замечанию Вольфганга Штермюллера [5, р. 20]. Влияние аналитической философии на диалогическую позволяет корректировать ее деформацию в сторону синтеза (и тем самым преобразование ее в диалектику).

Это, правда, не следует воспринимать как однозначное утверждение, что диалогическая философия должна быть аналитической. Стоит более внимательно рассмотреть вопрос о шкалах, на которых мы выделяем аналитическую и синтетическую, а также монологическую и диалогическую философию. Ясно, что эти шкалы не могут быть сведены к бинарным, на них есть промежуточные значения и некоторое среднее значение. Эта «золотая середина» может быть описана словами «философия, в которой методы анализа и синтеза применяются сбалансированно» и «философия, в которой сомыслие с Другим уравновешено с самостоятельной рефлексией». Если сопоставить эти шкалы с действительным положением дел в философии, то становится ясно, что практически все философские концепции отображаются именно в промежуточных значениях шкалы, тогда как крайние сложно даже вообразить, поскольку в этих крайних значениях философский мыслительный опыт перерастает в психопатологический. Тогда разумнее искать даже не диалогическую аналитическую философию, а некоторый центристский проект, в котором были бы соразмерны аналитизм и синтетизм, монологизм и диалогизм. Адекватность именно такого «диалогического центризма» диктуется еще и тем, что корректный синтез базируется на анализе (недостатки синтетической философии – следствие недооценки аналитических

процедур), а диалог – на выражении своего опыта в самостоятельной речи, то есть на монологе (плох не монолог, а его абсолютизация, приводящая к безразличию к Другому).

Если крайние значения философских позиций показывают свою неадекватность, а центризм – свою разумность, то почему нет ярких его прокламаций? Во-первых, это опять-таки происходит потому, что яркость характеризует экстремумы значений, то есть центризм не может быть броским по определению. В действительности центризм в философии преобладает ровно так же, как среди гигантского числа философов крайне мало ярких авторитетов со сверхцитируемостью. Во-вторых, в философии есть сильная тенденция к балансировке, но выражается она в реакции на крайние проявления. Например, аналитическая философия противостоит тотальному увлечению гегелевским синтетизмом, а диалогическая философия – монологизации интеллектуальной среды Европы (в частности, претензиями на «единственную правильность» в позитивизме и марксизме).

Аналитическая и диалогическая философия возникли достаточно давно (начало XX в.). Не исчерпали ли они свою задачу по балансировке крайностей синтетизма и монологизма? В этом, как кажется, гораздо большего результата добилась аналитическая философия, в том числе за счет того, что она приобрела значение ведущего направления современной философии. Синтетическая философия сегодня вызывает большие подозрения у самых широких групп интеллектуалов и ассоциируется скорее с эзотерикой, чем с академической традицией. В свою очередь претензия на однозначную точку зрения, которая носила бы нормативный статус в отношении всякого иного опыта, в философии и культуре вообще далеко не утрачена. Во многих случаях изменились идейные приоритеты, определяющие эти общеобязательные нормы, но не сама претензия на единственно верный взгляд. Например, под влиянием постструктурализма исключительно правильной может считаться точка зрения, что нет никакой единственно верной точки зрения в философии (очевидный парадокс, в решении которого вряд ли поможет концепция Б. Рассела).

Можно сказать, что опровержение претензии на однозначную точку зрения в эпоху постмодерна все же произошло, поскольку ортодоксией стала полифония. Однако полифония – не всегда диалог. Многоголосие может быть вполне монологичным, если никто никого не слушает или все повторяют одно и то же, просто по-разному. Диалог – не шум, а интеллектуальное со-развитие через речевое взаимодействие. В некотором смысле в условиях постмодернистской полифонии задача диалогической философии более сложна, чем при монологичности классической культуры. Легче бороться против засилья одной точки зрения, чем убеждать разных людей вести диалог – слушать и отвечать.

Итак, диалогическая философия может рассматриваться как продуктивный образ центризма в философии. Это обеспечивается тем, что она про-

тивостоит и монологизму, и хаотичному полилогу. Она также вне крайностей аналитизма и синтетизма (по крайней мере, такого, который приводит к неразличимости Я и Другого, одного высказывания от иного и пр.). Этим диалогическая философия отчасти напоминает диалектику, однако она выигрывает у диалектики в гуманистичности, меньшей императивности (поскольку в нем предполагается, что самоорганизация отношения превалирует над воспроизведением некоторых законов) и большей ориентации на речевое взаимодействие, что лучше соответствует стандартам антропологического, плюралистического и лингвистического поворота в философии.

Список использованных источников

1. Грязнов, А. Ф. Аналитическая философия / А. Ф. Грязнов; сост. и ред.: А.А. Лаврова. – Москва: Высш. шк., 2006. – 375 с. – (Классика философской мысли).
2. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. – Москва: Изд-во «Республика», 1995. – 464 с.
3. Розеншток-Хюсси, О. Бог заставляет нас говорить. / О. Розеншток-Хюсси. – Москва: «Канон+», 1997. – 288 с. – (История философии в памятниках).
4. Russell, B. History of Western Philosophy / B. Russell. – London; New York: Routledge Classics, 2004. – 778 p. – (Routledge Classics).
5. Mautner, T. The Penguin Dictionary of Philosophy / T. Mautner. – Suffolk: Penguin Books, 2000. – 641 p.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

С. Н. Мизякина

Институт бизнеса, Белорусский государственный университет,
Минск

S. N. Miziakina

School of Business of Belarusian State University, Minsk

УДК 327.88

РАЗРУШЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СЕТЕВЫХ ВОЙН¹

NATIONAL IDENTITY DESTRUCTION AS AN NETWORK WARS ELEMENT

В статье обозначены характерные черты сетевых войн. Показано, что разрушение общенациональной идентичности является одной из целей сетевой войны. Выявлены некоторые способы, с помощью которых происходит разрушение национальной идентичности в сетевой войне.

Ключевые слова: национальная идентичность; сетевое общество; сетевые войны; национальная безопасность.

¹ Статья выполнена в рамках гранта БРФФИ № Г24-072.

The article outlines the network wars characteristics. It is shown that the national identity destruction is one of the network war goals. Some methods by which the national identity destruction occurs in network war are revealed.

Keywords: national identity; network society; network wars; national security.

Идентичность есть самоопределение человека или нации, понимание своей отличности от других. Она дает ощущение гармонии с миром и самим собой, формирует одновременно чувства своей уникальности и солидарности с идеалами группы. Идентичность выступает стержнем личности и нации, позволяя сохранять целостность в постоянно изменяющейся социокультурной среде. Вот почему проблемы формирования и сохранения личностной и общенациональной идентичности являются актуальным направлением исследования и важным вектором идеологической и воспитательной работы. Очевидно также, что утрата частью общества общенациональной идентичности рано или поздно приводит к утрате суверенитета государства. Испанский социолог М. Кастельс, один из теоретиков концепции сетевого общества, в работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» подчеркивал, что в сетевом обществе вопрос о поиске своей идентичности становится фундаментально важным [1].

Сегодня кризис национальной идентичности наблюдается даже в тех государствах, национальная культура которых сформировалась уже несколько столетий назад. Так, бывший премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, говоря о проблеме адаптации мигрантов-мусульман в английском обществе, высказал мысль, что идентичность самих коренных англичан в настоящий момент «слаба и расплывчата» [2].

По мнению известного американского социолога и политолога С. Хантингтона, в последние десятилетия в разных уголках мира происходит «фрагментация национальной идентичности», на смену которой приходят идентичности субнациональные, групповые и религиозные [3, с. 36]. Данный процесс был порожден глобализацией и появлением сетевого общества. С одной стороны, приток мигрантов, их компактное расселение привели к образованию инокультурных диаспор, которые не имели необходимости и желания интегрироваться в господствующую национальную культуру. С другой стороны, рамки национальной идентичности размывает многочасовое пребывание в сетях, где формирование групп происходит по разнообразным признакам, в большинстве своем не связанным с национальной культурой и гражданско-территориальной принадлежностью. Можно поэтому утверждать, что неизбежное встраивание Республики Беларусь в мировые сетевые структуры несет определенные риски, связанные с сохранением общенациональной идентичности. Сама специфика сетевого общества создает объективные условия ее фрагментации. Вкупе с технологическими возможностями сетевых структур эти объективные предпосылки используются внешними силами для целенаправленной работы по подрыву общенациональной идентичности государств, в том

числе и Республики Беларусь, тем самым создавая угрозу национальной безопасности страны.

Цель настоящей работы – выявление аспектов сетевых войн, направленных на размывание общенациональной идентичности.

Хочется подчеркнуть, что автор статьи различает понятия национальной (связанной с народностью) и общенациональной (связанной с нацией) идентичностей. В первом случае речь идет о национальной принадлежности, базирующейся на общей психологии и ментальности, а также на преемственности кровнородственных связей (я белорус, так как мои родители белорусы). Во втором случае принадлежность к нации конституируется прежде всего на основе общего гражданства и территории проживания (я белорус, так как проживаю в Республике Беларусь и являюсь ее гражданином). Поскольку второй способ идентификации объединяет в одно целое представителей самых разных этнических групп, в рамках тематики данного исследования представляется более корректным употреблять понятия «общенациональная/общегражданская идентичность» вместо «национальная идентичность».

Именно вариант обретения идентичности через гражданство является наиболее приемлемым для жителей Республики Беларусь. Во-первых, он достаточно естественен для белорусов, у которых еще в XIX в. самоидентификация осуществлялась на основе принципа «тутэйшасці». «Тутэйшы» – тот, кто проживает на данной территории, а значит знает и принимает традиции и ценности местной общины. Государство также связывается с территорией, является социальным институтом, организующим, контролирующим и защищающим от внешних вторжений жизнь на этой расширенной территории. Поэтому идентификация себя с белорусами в силу гражданства и проживания в стране явилась естественным развитием феномена «тутэйшасці». Важно, что такая идентификация уменьшает вероятность возникновения этнических противоречий, способствует сплочению представителей самых разных этносов. Ведь общегражданская идентичность базируется на политических ценностях, связанных с признанием власти государственных структур. Ее ведущая функция – «идейно-политическое сплочение всего совокупного социума, которое именуется страной или государством» как сообществом граждан [4, с. 142].

Разрушение общенациональной идентичности может привести к развитию разных типов социальных конфликтов: этнических, идеологических, религиозных, социально-классовых. Для обществ, в которых ведущим способом общенациональной идентификации является гражданство и общая территория проживания, огромный разрушительный эффект могут иметь конфликты, связанные с раздуванием противостояния между определенными группами гражданского общества, с одной стороны, и правящими политическими элитами и (или) государственными структурами – с другой.

Поэтому не случайно Запад на протяжении последних лет предпринимает действия, направленные на разрушение белорусской общенациональной идентичности через подрыв доверия граждан к государству в целом и к отдельным государственным органам и символам в частности. Для этого активно используются информационные сети. Можно утверждать, что разрушение общенациональной/общегосударственной идентичности является одним из элементов (а также и целей) сетевой войны Запада против Республики Беларусь.

Концепция сетевой войны разрабатывается и применяется на практике Пентагоном и другими организациями США уже на протяжении нескольких десятилетий. Ее основная цель – установление и поддержание контроля во всем мире: не только над своими противниками, но и над нейтральными силами и даже союзниками. Главным способом такого контроля становятся сети.

Сетевые войны характеризуются исчезновением границы между непосредственными физическими действиями на поле боя и мирными формами конкуренции между государствами. Поэтому размывание общенациональной идентичности происходит еще до всякого физического вторжения, а при наиболее успешном для противника варианте даже исключает его необходимость. «Доминирующая идея сетевых войн заключается в непрекращающемся воздействии на человека и общество ангажированной информационно-сетевой деятельности для осуществления запрограммированного управления в глобальном масштабе» [5, с. 48]. Создаваемая с помощью сетей реальность, виртуальная по своей сути, становится подлинной для очень многих людей. Так происходит, потому что в сетевом обществе производственные связи, торговля, госуслуги, проведение досуга, коммуникация перемещаются в сети или дублируются ими. В результате люди все больше времени проводят в сетях. Имеющиеся технологии позволяют настолько визуализировать сетевое пространство, что оно вполне успешно соперничает с пространством реальным. Эта особенность сетевого общества используется в сетевых войнах, где «реальное является вторичным по отношению к виртуальному. Имидж, информация гораздо важнее реальности» [6]. Определенная расстановка акцентов в информационном сообщении, искажающая ее изначальный смысл, вырывание сообщения из реального контекста и помещение его в новый нужный контекст, создание фальсифицированных сообщений, а в последнее время еще и дипфейков – всё это способы формирования нужной картины происходящего в сетях.

Базисом сетевой войны выступают так называемые Effects-based operations: действия, результатом которых становится скрытое влияние на среду, когда участники сети делают то, чего хотят ее организаторы, но при этом не понимают, что данное поведение им навязано. Контроль и манипулирование тотальны. Сетевая война ведется постоянно, даже в мирное время, и затрагивает все проявления жизни личности и группы: мотивы, инте-

рессы, ценности, нормы, знания, действия. Отдельные личности, различные группы гражданского общества в сетевой войне превращаются в винтики большой машины, лишаются критичности и самостоятельности мышления. Теряется и онтологическая укорененность в реальной жизни каналов идентичности, в том числе и общенациональной. Она заменяется быстро сменяющимися поверхностными множественными идентичностями, приобретаемыми в социальных сетях.

Ареной сетевых войн становится гражданское общество. А ведь именно оно является одним из важнейших субъектов формирования у личности чувства общенациональной идентичности. Работа по разрушению общенациональной идентичности проводится через подключение к сетям искусственно созданных и финансируемых через различные иностранные фонды и программы общественных организаций, которые необходимы для осуществления завуалированной подрывной деятельности. С одной стороны, такая деятельность не имеет ничего противозаконного, не связана с политикой, организации создаются ради благих целей типа защиты птиц, развития образования или помощи предпринимателям. Но в то же время все эти организации, финансируемые иностранными государствами, подспудно формируют у ее членов иной тип идентичности. В нужный момент они подключаются к другим сетевым ресурсам, которые имеют целью смену политической власти в стране. Хочется подчеркнуть, что участники таких общественных организаций часто не понимают, что стали объектом манипулирования. Искренние действия увеличивают эффективность их использования и затрудняют борьбу с организациями, которые используют подобные структуры в своей подрывной деятельности.

Понимание данных процессов отражено в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной 25 апреля 2024 г. В ней внутренним источником угроз национальной безопасности нашей страны назван «недостаточный уровень развития субъектов гражданского общества, отвечающего национальным интересам, а также его взаимодействия с государственными институтами по ключевым вопросам жизнедеятельности Республики Беларусь» [7]. Фактически перед страной сегодня стоит задача построения гражданского общества, члены которого хорошо понимали бы специфику сетевого общества и сетевых войн и могли бы активно противостоять манипулятивным техникам.

Задача разрушения общенациональной идентичности реализуется через внедрение космополитического сознания, формирование у наибольшего числа граждан представления о себе как «гражданине мира». Такое мировоззрение характеризуют следующие установки: «Я хочу жить в той стране, где смогу наилучшим образом раскрыть свои способности или, еще проще, где мне больше платят, где жизнь более комфортна». «Я не хочу воевать за то, чтобы чиновники продолжали оставаться у власти, поэтому в случае угрозы начала военных действий и призыва на военную службу

покину страну. Ведь это не моя война». «По большому счету мне все равно, останется ли моя страна суверенной; главное, чтобы я мог спокойно жить, работать, получать достойную зарплату и реализовывать свои способности на этой территории». Враждебным действиям такого рода необходимо противопоставить кропотливую вдумчивую работу всех государственных структур, СМИ, сферы образования, направленную на воспитание чувства гордости за свою страну, желания сохранить ее суверенитет, стремления принести наибольшую пользу стране и людям, ее населяющим. Для этого нужно максимально задействовать сетевые структуры, создавая и наполняя правдивым и интересным контентом каналы в социальных сетях, более активно вовлекать в эту работу блогеров, использовать все имеющиеся возможности для продвижения положительного имиджа Республики Беларусь в тех сегментах сетей, которые могут быть услышаны представителями гражданского общества других государств.

Разрушение общенациональной идентичности с помощью сетей осуществляется не только через дискредитацию органов власти и отдельных ее представителей, но и через наделение отрицательными коннотациями государственных символов, призывом к их замене. Флаг, герб и гимн являются наиболее зримыми государственными символами и, как следствие, одним из элементов формирования и проявления общенациональной идентичности. На такую функцию флага указывал, в частности, С. Хантингтон в работе «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности» [3, с. 22–23]. С этой точки зрения показательный пример – использование бело-красно-белой символики в событиях 2020 г. Хотя этот вариант флага стал государственным в 1991 г., но данное решение принимал Верховный Совет Республики Беларусь без широкого народного обсуждения. Сторонники бело-красно-белого флага связывали новую общенациональную белорусскую идентичность с ВКЛ (такой цвет имели штандарты некоторых хоругвей ВКЛ, участвовавших в Грюнвальдской и других битвах), БНР (1918–1919 гг.) и в целом с западно-ориентированной политикой, либеральной идеологией и западной ментальностью. Ныне действующий вариант флага был утвержден в 1995 г. после проведения референдума («за» проголосовало 75,1 % граждан, пришедших на участки). Принятие существующего ныне варианта флага подчеркивало преемственность Республики Беларусь и БССР, а также связывало новую общенациональную белорусскую идентичность с восточнославянской ментальностью, союзническими отношениями с Россией и социал-демократической идеологией. Для нескольких живущих в это время поколений такой флаг был родным и облегчал процесс обретения новой идентичности после распада СССР. За прошедшее с 1995 г. время выросло еще одно поколение белорусов, для которых данный флаг был одним из символов, отражающих общенациональную идентичность на протяжении всей их жизни. Отношение к флагу было положительным. Поэтому одной из задач сетевой войны стала дискредитация

государственного флага. В 2020 г., во многом под влиянием внешних сил, действующий флаг стал «обрастать» многочисленными негативными коннотациями и в какой-то момент просто физически вытесняться из реального пространства бело-красно-белой символикой. Причем данные цвета стали демонстративно использоваться протестующими также в одежде и аксессуарах. «Конфликт флагов» был призван зримо выразить и закрепить раскол гражданского общества и государства, а также социальный раскол внутри гражданского общества, разрушив один из элементов формирования прежней общенациональной идентичности. А в дальнейшем переориентировать общество на другой канал формирования общегражданской идентичности, объединив вокруг сторонников бело-красно-белого флага большинство гражданского общества. Меры, принятые государственными органами, как известно, не позволили этому случиться.

События, связанные с цветными революциями в разных странах мира, включая Республику Беларусь, показали, что «в сетевой войне идеология и технология связаны между собой неразрывно, вплоть до неразличимости» [6]. Разрушение общенациональной идентичности и ее переориентация в сторону подчинения интересам Запада являются элементом современных сетевых войн и угрозой национальной безопасности Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. *Сивашенкова, Д.* Кэмерон прописал Британии «либерализм с кулаками» / Д. Сивашенкова. – URL: <http://www.newsinfo.ru/articles/2011-02-09/britain/747715/> (дата обращения: 15.02.2025).
3. *Хантингтон, С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – Москва: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.
4. *Перегудов, С. П.* Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства / С. П. Перегудов // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 141–163.
5. *Соколова, С. Н.* Сфера безопасности общества: угроза кибервойны и «сетевые войны» / С. Н. Соколова // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2014. – № 1. – С. 46–49.
6. *Дугин, А.* Сетевые войны / А. Дугин, В. Коровин, А. Бовдунов. – URL: <https://spkurdyumov.ru/networks/setevye-voyny/> (дата обращения: 15.02.2025).
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 15.02.2025).

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Д. І. Наумаў

Беларуская дзяржаўная акадэмія сувязі, Мінск

D. I. Naumov

Belarusian State Academy of Communications, Minsk

УДК 101.1(476)

СВЯТЫ ЯК КАМЕМАРАЦЫЙНЫ КАМПАНАЕНТ САЦЫЯЛЬНАЙ ПАМЯЦІ СУЧАСНАГА БЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА

HOLIDAYS AS A COMMEMORATIVE COMPONENT OF SOCIAL MEMORY IN CONTEMPORARY BELARUSIAN SOCIETY

Разгледжана роля дзяржаўных, грамадзянскіх і рэлігійных святаў, якія інтэрпрэтуюцца ў якасці камемарацыйных кампанентаў сацыяльнай памяці сучаснага беларускага грамадства, у фарміраванні дзяржаўна-палітычнай ідэнтычнасці насельніцтва краіны. Ахарактарызаваны ўнёсак грамадзянскіх і рэлігійных святаў у захаванне і актуалізацыю наратываў сацыяльнай памяці беларускага народа.

Ключавыя словы: святы; сацыяльная памяць; камемарацыя; сучаснае беларускае грамадства.

The article examines the role of state, civil, and religious holidays, interpreted as commemorative components of the social memory of modern Belarusian society, in shaping the national and political identity of the country's population. It also describes the contribution of civil and religious holidays to the preservation and actualization of the most significant images and narratives within the social memory of the Belarusian people.

Keywords: holidays; social memory; commemoration; contemporary Belarusian society.

У айчынных сацыягуманітарных ведах сацыяльная памяць разглядаецца як сукупнасць падзеленых у рамках пэўнай супольнасці каштоўнасцяў, міфаў, вераванняў і ўяўленняў, рэпрэзентацый выяў мінулага. Яны замацаваны ў сацыяльнай практыцы, з'яўляюцца эфектыўнымі інтэрпрэтацыйнымі схемамі і нарматыўнымі рэгулятарамі сацыяльных паводзін. Паняцце сацыяльнай памяці характарызуе тое, які ўплыў сацыяльныя інстытуты і структуры ўлады аказваюць на замацаванне схематызаваных выяў-рэпрэзентацый пра мінулае ў матэрыяльных аб'ектах і артэфектах культуры, на фарміраванне гістарычнай тапанімікі, а таксама на параметры і ўспрыманне грамадскіх працэсаў у кантэксце культурнай узаемасувязі мінулага і сучаснасці. Ён эксплікуе культурную спецыфіку групавога ўсведамлення, ушанавання ці выбарчага забывання актараў, падзей і працэсаў гістарычнага мінулага. Сацыяльная памяць – гэта «не проста ментальная здольнасць, але сацыяльная з'ява, якая не можа быць апісана ў ізаляцыі ад сацыяльнага кантэксту» [1, с. 68].

У інструментальным аспекце сацыяльная памяць спрыяе дасягненню і падтрыманню пэўнага ўзроўню грамадскай кансалідацыі і сацыяльнай

інтэграцыі, бо забяспечвае ўстойлівыя этнакультурныя падставы калектыўнай ідэнтыфікацыі і эталонныя прыклады развіцця нацыянальнай дзяржаўнасці. У анталагічным аспекце, як падкрэслівае В. Т. Лойка, «быццё сацыяльнай памяці, што захоўвае і транслюе змест каштоўнасна-сэнсавага свету эпохі, дазваляе чалавеку і чалавецтву ў цэлым, ідэнтыфікуючы сваё актуальнае быццё з быццём мінулых пакаленняў, заставацца і адчуваць сябе ўнікальным феноменам» [2, с. 51]. У камемарацыйнай прасторы соцыуму мінулае разглядаецца ў якасці рэферэнтнага аб'екта, які сімвалічна ўвасабляе культурны ўнёсак народа ў гістарычнае развіццё ўсяго чалавецтва. На макраўзроўні рэвіталізацыя мінулага ў сучаснасці забяспечваецца пасярэдніцтвам афектыўнай і этычна нагружанай сімвалічнай адпраўкі да падзей і герояў нацыянальнай гісторыі, што рэалізуецца з дапамогай розных камемарацыйных механізмаў, практык і рытуалаў. З аднаго боку, гэта можна разглядаць як прыклад сучаснай сацыялінжынернай інструменталізацыі мінулага, калі «маніпуляцыі з памяццю ў наш час дапускаюцца, але і абмяжоўваюцца мінулым» [3, с. 366]. З іншага боку, такая адпраўка сведчыць пра трываласць камемарацыйных традыцый соцыуму і жыццяздольнасці традыцыйных рэгулятываў сацыяльных паводзін, што вызначаюць этнакультурную спецыфіку насельніцтва.

У якасці камемарацыйнага кампанента сацыяльнай памяці можна разглядаць комплекс дзяржаўных святаў, грамадзянскіх і рэлігійных святаў і памятных дзён. Такі каляндар сімвалічна структуруе сацыяльнае жыццё грамадства, вызначаючы вектар яго культурнага развіцця і выконваючы мноства сацыяльных функцый. З пункту погляду П. Бергера і Т. Лукмана, аўтару канцэпцыі сацыяльнага канструявання рэальнасці, грамадства ўяўляе сабой сімвалічны ўніверсум, які «злучае людзей з іх продкамі і нашчадкамі ў сэнсавым адзінстве, якое служыць для таго, каб пераадолець канцавіну індывідуальнага досведу» [4, с. 168]. Каляндар у гэтым сімвалічным універсуме характарызуе легітымныя культурныя падставы інстытуцыйнага парадку, якія атрымалі сваё ўвасабленне ў сукупнасці грамадзянскіх і рэлігійных святаў і памятных дзён. Усе яны рэпрэзентуюць значныя для гістарычнага развіцця грамадства сацыяльныя ідэалы, міфалагічныя і рэлігійныя ўяўленні, нарматыўныя і каштоўнасныя прыярытэты. Практыка свята з наборам пэўных культурна-масавых імпрэз і грамадзянскіх рытуалаў, устойліва прайграваных у рамках каляндарнага цыкла, выконвае ролю эфектыўнай прылады сацыяльнага канструявання грамадства.

У структуры сучаснага беларускага календара можна вылучыць афіцыйныя святы і памятныя дні, а таксама народныя святы, уплыў якіх па-рознаму выяўляецца ў плане ўзнаўлення этнакультурных характарыстык і фармаванні дзяржаўна-палітычнай ідэнтычнасці насельніцтва краіны. З этнасацыялагічнага пункту погляду неад'емнай «часткай этнакультуры і побыту народаў з'яўляюцца нацыянальныя традыцыі і звычаі, што выступаюць эталонам і нормай паводзінавых арыентацый у розныя перыяды

жыцця чалавека, злучаныя са стварэннем сям'і, сямейна-побытавым парадкам, рэлігійным жыццём, народнымі святамі і гуляннямі (Каляды, Масленіца, «Гуканне вясны», Іван Купала, Яблычны спас, Дажынкі) і інш.» [5, с. 141]. Так, адным з самых папулярных у народзе застаецца такое дахрысціянскае свята, як Купалле (адзначаецца ў ноч з 6 на 7 ліпеня). Святаванне гэтага найстаражытнага славянскага свята, якое адрозніваецца выкананнем народных песень і абрадаў (рытуальныя скокі праз вогнішча і купанне), грае велізарную ролю ў захаванні беларускай этнакультурнай спецыфікі, але досыць індывідуальна да палітычнай і ідэалагічнай кан'юнктуры. У этналагічным аспекце калектыўнае ўзнаўленне дахрысціянскіх рытуалаў, што захоўваюцца сацыяльнай памяццю беларускага народа, асабліва ў секулярнай забаўляльнай форме, забяспечвае індывідам публічныя рэпрэзентацыі этнічнасці, якія «ажыццяўляюцца наратыўнымі сродкамі, у выглядзе перформансаў, з дапамогай розных візуальных пастановак і інсцэнаванняў» [6, с. 33].

У гэтым жа шэрагу знаходзіцца святкаванне Новага года (1 студзеня), якое сімвалізуе новы этап у жыцці чалавека і яго блізкіх, забяспечвае захаванне як народных звычаяў і традыцый, гэтак і гарызантальных сувязяў соцыуму, актуалізуючы асноўную ролю сям'і ў падрыхтоўцы і правядзенні свята. У сучасным беларускім грамадстве, як уяўляецца, у штодзённым секулярным кантэксце тыя рэлігійныя святы, якія суправаджаюць Новы год, а менавіта каталіцкае і праваслаўнае Божае Нараджэнне (адпаведна 25 снежня і 7 студзеня), пераважна вызначаюць часовыя рамкі ўсяго комплексу навагодніх святочных імпрэз, але не нясуць у сабе значнага рэлігійнага зместу. Нягледзячы на маркетынговую і палітычную апрапрыяцыю дадзенага свята, якая паўсюдна назіраецца на ўсёй еўразійскай прасторы, Новы год застаецца сямейным святам. У сучасным беларускім грамадстве гэта свята захоўвае прыватны статус і мае значэнне маркера, які сімвалічна сведчыць аб прыналежнасці індывіда да пэўнага этнакультурнага асяроддзя.

Аднак нашмат больш значную ролю ў функцыянаванні камемаратыўнай прасторы беларускага грамадства адыгрываюць такія рэлігійныя святы, як Вялікдзень і Радаўніца. Рэлігійны змест свята Вялікадня актуалізуе анталагічную перамогу жыцця над смерцю, а духоўна-маральнае ўтрыманне ўрачыстага святкавання Светлага Хрыстова Уваскрэсення актуалізуе самакаштоўнасць чалавечага жыцця, маральнай пераемнасці пакаленняў і сямейных традыцый. Не выпадкова ў сучасным беларускім грамадстве ўстойліва захоўваецца традыцыя прыгатавання велікодных страў і пачастункаў для святочнага стала з іх асвячэннем у храмах і касцёлах краіны. У сваю чаргу камемаратывны змест Дня памінання памерлых (Радаўніца), які прыпадае на дзявяты дзень пасля праваслаўнага Вялікадня, выходзіць далёка за рамкі традыцыі наведваць могілкі, прыводзіць у парадак магілы сваякоў і блізкіх людзей. Радаўніца сімвалічна злучае мінулае і сучаснасць народа, рэвіталізуе продкаў і на прыватным узроўні захоўвае памяць пра продкаў у кас-

ці важнага кампанента камемаратыўнага механізму грамадства. Дзякуючы гістарычна мірнаму суіснаванню рэлігійных канфесій на беларускіх землях, традыцыйнае штогадовае святкаванне прадстаўнікамі ўсіх хрысціянскіх цэркваў Вялікадня і Радаўніцы падтрымлівае жыццяздольнасць і ўстойлівасць рэлігійнага кампанента этнакультурнай ідэнтычнасці беларусаў.

У беларускім афіцыйным календары таксама пададзены шэраг дзяржаўных святаў, функцыянальна накіраваных на канстытуаванне дзяржаўна-палітычнай ідэнтычнасці насельніцтва краіны з дапамогай актуалізацыі ў грамадскай свядомасці пэўных гістарычных метанаратываў, культурных сэнсаў і этнічных традыцый. Дадзеныя святы паводле палітыка-ідэнтыфікацыйнага крытэрыя можна згрупаваць у пэўныя кластары. У дадзеным выпадку гэта такія святы, як Дзень Канстытуцыі (15 сакавіка), Дзень яднання народаў Беларусі і Расіі (2 красавіка), Дзень Дзяржаўнага сцяга Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага герба Рэспублікі Беларусь (2-я нядзеля мая), Дзень Перамогі (9 мая), Дзень Незалежнасці (3 ліпеня), Дзень народнага адзінства (17 верасня). Улічваючы той факт, што «палітычная ідэнтычнасць задае сімвалічныя і ментальныя межы палітычнай супольнасці, з'яўляецца вызначэннем яго ўнікальнай існасці праз суаднясенне з актуальным Іншым, праз апазіцыю Мы – Яны» [7, с. 57], дзяржаўныя святы патрэбна разглядаць у якасці аб'ектывацыі ўсталявання гэтай сімвалічнай мяжы ў публічнай сферы.

Усе гэтыя дзяржаўныя святы ў фармаце набору грамадзянскіх рытуалаў, што захоўваюцца ў камемарацыйнай прасторы сучаснага беларускага грамадства, забяспечваюць палітычную кансалідацыю сучаснага беларускага грамадства, служаць захаванню гістарычнай памяці народа і актуалізуюць афіцыйную карціну развіцця нацыянальнай дзяржаўнасці. Той факт, што ўсе яны рэпрэзентуюць розныя аспекты афіцыйнай версіі нацыянальнага палітагенезу і станаўлення нацыянальнай дзяржаўнасці, знаходзіць сваё адлюстраванне ў практыцы іх інфармацыйнага суправаджэння ў беларускай медыясферы. Нягледзячы на іх агульны статус, яны істотна адрозніваюцца па месцы і змесце навінавага парадку дня, спецыфіцы падачы і аб'ёме інфармацыйнага кантэнту ў сродках масавай камунікацыі. Таксама яны адрозніваюцца па скарыстаных у медыя камемарацыйных наратывах, з дапамогай якіх раскрываецца сімвалічнае значэнне кожнага дзяржаўнага свята.

Змест першага кластара складаюць такія святы, як Дзень яднання народаў Беларусі і Расіі (2 красавіка) і Дзень Дзяржаўнага сцяга Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага герба Рэспублікі Беларусь (2-я нядзеля мая).

Традыцыйна ў айчынных медыя рэпрэзентацыя ідэалагічнага кампанента першага свята актуалізуе зыходную кропку інтэграцыйных працэсаў у выглядзе гістарычных падзей 2 красавіка 1996 г. У гэты дзень кіраўнікамі абедзвюх дзяржаў у Маскве быў падпісаны Дагавор аб супольнасці Беларусі і Расіі, а 2 красавіка 1997 г. падпісаны Дагавор аб саюзе Беларусі і Расіі. Аднак пры гэтым элімінуецца факт шматгадовага суіснавання Беларусі

і Расіі ў складзе Савецкага Саюза, інтэграцыйны патэнцыял якога істотна перавышае ўсе постсавецкія версіі. Як адзначае І. Н. Цімафееў, «савецкі праект можа быць ахарактарызаваны як досыць паспяховая спроба стварэння адной палітычнай супольнасці на тэрыторыі СССР. У краіне былі створаны адны сацыяльныя падсістэмы, якія ядналі шматнацыянальны склад насельніцтва СССР у рамках інстытутаў, уласцівых менавіта эпосе Сучаснасці» [7, с. 93]. У гэтым кантэксце фармуецца навінавы парадак дня, лейтматывам якога з'яўляецца безумоўная сацыяльная дзейнасць і эфектыўнасць працэсу міждзяржаўнай інтэграцыі ў фармаце рэалізаваных і (ці) змешчаных у стане рэалізацыі праектаў. Пераважна ў фокус медыя трапляюць праекты ў сферах эканамічнай, навукова-даследчай, вытворча-тэхналагічнай, сацыяльнай і культурнай супрацы. Палітычная воля беларускіх і расійскіх палітычных лідараў пры гэтым рэпрэзентуецца ў якасці асноўнага фактара, які канстытуе фактар беларуска-расійскіх інтэграцыйных працэсаў. Менавіта яна разглядаецца ў якасці закладу і гарантыі іх сацыяльнай дзейнасці, што эксплікуецца ў навінавых матэрыялах, экспертных ацэнках і рэпартажах.

Што тычыцца другога свята, то спецыфіка яго медыярэпрэзентацыі, якая актуалізуе камемаратыўныя наратывы, заключаецца ў факусоўцы ўвагі грамадства на дзяржаўныя сімвалы. Яны разглядаюцца ў якасці атрыбутаў нацыянальнага суверэнітэту, якія ўвасабляюць прынцыпы адзінства народа і палітычнай суб'ектнасці краіны ў міжнародным кантэксце.

У склад гэтага ж кластара таксама можна ўключыць такое свята, як Дзень Кастрычніцкай рэвалюцыі (7 лістапада), сімвалічнае значэнне і спецыфіка медыйнай рэпрэзентацыі якога трохі адрозніваецца ад вышэйразгледжаных дзяржаўных святаў. У сімвалічным сэнсе гэта свята з'яўляецца рэліктам савецкай сістэмы святаў, дзе яно калісьці займала вяршыннае месца: «Перыяд, калі Кастрычнік быў галоўным святам, ахарактарызаваўся ўяўленнем пра веліч краіны, гонару за перамогу народа ў Вялікай Айчыннай вайне, гонары ад паспяховых запусках першых спадарожнікаў Зямлі і лёту Гагарына...» [8, с. 13]. Аднак у постсавецкіх умовах яно трансфармавалася ў камернае свята з ярка выяўленым сацыяльна-патэрналісцкім мераннем, перфарматыўныя практыкі публічнай камемарацыі якоганосяць сціплы характар. Такія камемарацыі галоўным чынам падтрымліваюцца людзьмі пенсійнага ўзросту, першая сацыялізацыя якіх адбывалася ў савецкую эпоху. Медыйная рэпрэзентацыя гэтага свята накіравана на падкрэсленне гістарычнай пераемнасці паміж БССР і сучаснай Рэспублікай Беларусь, на патрэбу абароны гістарычнай праўды, на захаванне гісторыка-культурнай пераемнасці пакаленняў.

Змест другога кластара фарміруюць такія дзяржаўныя святы, як Дзень Канстытуцыі (15 сакавіка) і Дзень народнага адзінства (17 верасня).

Палітыка-ідэалагічнае значэнне першага свята вызначаецца фактам зацвярджэння базавых прававых асноў развіцця суверэннай Беларусі. Таму яго медыйная рэпрэзентацыя будзе пераважна на аснове дыскурсу забеспячэння эканамічных, сацыяльных і культурных правоў чалавека ў краі-

не. Пастаянна артыкуюцца дасягненні высокага ўзроўню і якасці жыцця беларускіх грамадзян, якія разглядаюцца ў якасці асноўнага крытэрыя рэалізацыі на практыцы канстытуцыйных прынцыпаў і палажэнняў. У беларускіх медыя ў гэтым сэнсавым ключы выбудоўваецца ўся навінавая стужка, змест якой пацвярджае тэзіс аб сацыяльным характары сучаснай беларускай дзяржавы і эфектыўнасці ўнутранай і знешняй палітыкі. Такі медыякантэнт характарызуе як базавыя каштоўнасці сучаснага беларускага грамадства, так і змест яго каменаратыўнай прасторы.

Сваёй спецыфікай адрозніваецца палітыка-ідэалагічная інтэрпрэтацыя другога свята, якое для ўсяго грамадства экспліцытна актуалізуе безумоўную каштоўнасць народнага/нацыянальнага/сацыяльнага адзінства. Медыйная рэпрэзентацыя гэтага свята актуалізуе гістарычныя падзеі восені 1939 г., у выніку якіх адбылося ўз'яднанне ўсіх беларускіх земляў у межах БССР. У сацыяльнай памяці жыхароў Заходняй Беларусі, як сведчаць эмпірычныя вынікі, захавалася святочная выява падзей таго часу: «Шмат якія рэспандэнты расказваюць пра тое, з якім нецярпеннем яны чакалі прыходу Чырвонай Арміі ў 1939 г., як урачыста сустракалі савецкіх салдатаў і камандзіраў, цешыліся краху польскай улады» [9, с. 14]. Гэтае свята сімвалізуе акт урачыстасці гістарычнай справядлівасці ў дачыненні да беларускага народа, які з 1921 па 1939 г. па ўмовах Рыжскага мірнага дагавору быў падзелены паміж Польшчай і Савецкім Саюзам. Дадзены момант з'яўляецца ключавым з пункту гледжання канструявання выявы медыяпадзеі, яго візуальнага афармлення, расстаноўкі сэнсавых акцэнтаў і падачы навін. Дадзены момант мае вялікае значэнне для экспертнага афармлення імпліцытнага ўбудавання дыскурсу гістарычнай справядлівасці, што разглядаецца ў палітыка-ідэалагічным сэнсе, у актуальную міжнародную позову. У выніку сімвалічная выява Дня народнага адзінства, што канструюецца беларускімі медыя, дазваляе легітымаваць выбар стратэгічнага палітычнага курсу, а аўдыторыі прадэманстраваць уражальную карціну гістарычнага развіцця беларускага народа.

У дадзены кластар таксама можна ўключыць такія святы, як Дзень абаронцаў Айчыны і Узброеных Сіл Рэспублікі Беларусь (23 лютага), Дзень жанчын (8 сакавіка) і Свята працы (1 мая). Усе гэтыя святы, апроч іх традыцыйнага ідэалагічнага і культурнага значэння, якое сфармавалася ў савецкую эпоху, нясуць у сабе культурныя сэнсы, што рэпрэзентуюць значнасць традыцыйных каштоўнасцяў і заснаваных на іх ролевых мадэляў сацыяльных паводзін. Так, першыя два святы выступаюць у ролі сімвалічных канструктаў, што выконваюць пэўную палітыка-ідэалагічную ролю па папулярызацыі ў грамадстве нарматыўных эталонаў маскуліннасці і фемінасці. Як і ў Расіі, дадзеныя святы «прайграюць традыцыйную гендарную ідэалогію і працуюць на ўмацаванне дыхатаміі гендарных роляў, прыгтым у самым архаічным яе варыянце: жанчына-маці і мужчына-ваяр/абаронца/пераможца» [10, с. 11].

Змест трэцяга кластара ўяўляе сабой група з ключавых для фарміравання дзяржаўна-палітычнай ідэнтычнасці насельніцтва дзяржаўных святаў – Дня Перамогі (9 мая) і Дня Незалежнасці Рэспублікі Беларусь (3 ліпеня).

У сістэме дзяржаўных святаў Дзень Перамогі з’яўляецца адным з асноўных, сімвалічная каштоўнасць і нарматыўна-маральнае значэнне якога захоўваецца ў каменаратыўнай прасторы сучаснага беларускага грамадства і падзяляецца абсалютнай большасцю насельніцтва краіны. Як падкрэслівае акадэмік В. А. Цішкоў, у гістарычнай рэтраспектыве безумоўная каштоўнасць дадзенага свята для ўсіх народаў былога Савецкага Саюза вызначаецца наступнымі акалічнасцямі: «Такім чынам, усе народы СССР, усе пласты насельніцтва краіны ўспрымалі вайну супраць Трэцяга рэйха як вайну справядлівую, святую, Айчынную. Іх згуртаванне было абумоўлена разуменнем смяротнай небяспекі, навіслай над краінай, над кожным яе грамадзянінам, а выява ворага была прасякнута нянавісцю і “лютасцю высакароднай”, якая “ўскіпала, як хваля”. Гэта згуртаванне як адно з магутных праяў нацыянальнай самасвядомасці забяспечыла перамогу СССР» [11, с. 11]. У палітыка-ідэалагічным аспекце яго святкаванне, што ў тым ліку рэалізуецца ў фармаце адпаведнай медыйнай карціны, характарызуецца наяўнасцю наступных асноўных сэнсаў і аксіялагічных акцэнтаў:

- сучасныя беларусы – гэта прамыя законныя спадчыннікі пераможцаў у Вялікай Айчыннай вайне, у якой загінуў кожны трэці беларус;
- існуе непарыўная гістарычная сувязь паміж Перамогай і сучаснай беларускай дзяржаўнасцю, якая актуалізуецца з дапамогай канцэпту ахвяры;
- Перамога ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг. з’яўляецца ўнёскам беларускага народа, што заплаціў за гэта ўласнай крывёй, у захаванне і развіццё сусветнай цывілізацыі;
- беларускія партызаны і падпольшчыкі адыгралі велізарную ролю ў змаганні з ворагам і дасягненні Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг., а іх унёсак супастаўны з адкрыццём другога фронту;
- пазначаецца канстытуцыйная роля свята, якое карыстаецца вялікай падтрымкай у грамадстве, у генезісе беларускай дзяржаўнасці ў найноўшы перыяд.

Важна адзначыць, што сучасная беларуская моладзь, што вынікае з сацыялагічных даследаванняў, салідарызуецца ў маральнай ацэнцы гэтага свята з прадстаўнікамі старэйшых кагортаў: «Вялікую Айчынную вайну пераважная большасць успрымае праз прызму смутку» [12, с. 125], але адрозніваецца ад іх у паводзінавым аспекце: «высокі адсотак тых, хто не адзначае гэтага свята» [12, с. 125].

Дзень Незалежнасці Рэспублікі Беларусь – гэта галоўнае дзяржаўнае свята, палітыка-ідэалагічны змест якога актуалізуе каштоўнасці патрыятызму, незалежнасці і правапарадку, устойліва ўзнаўляльныя сацыяльнай памяццю беларускага народа. У змястоўным аспекце гэта свята рэпрэзентуецца ў медыя наступным чынам: вызваленне Беларусі ад нямецка-

фашысцкіх захопнікаў і перамога ў Вялікай Айчыннай вайне разглядаюцца ў якасці крыніцы незалежнасці; пастулюецца каштоўнасць і мэтаява ўзаема сувязь паміж вызваленнем Беларусі і выбарам самастойнага шляху развіцця краіны на сучасным этапе; акцэнтуюцца ўвага на трагічным кантэксце здабыцця дзяржаўнага суверэнітэту ва ўмовах распаду СССР і асноўнай ролі дзяржавы ў забеспячэнні мірнага і ўстойлівага развіцця беларускага народа; абвешчаецца безумоўная каштоўнасць дзяржаўнага суверэнітэту і патрэба яго захавання пры кожных умовах і выкліках. У дадзеным выпадку медыйная рэпрэзентацыя «гістарычнага мінулага арыентавана на дасягненне пэўных палітычных мэт у сучаснасці: «гістарычная легітымация» нацыянальнага палітычнага праекта, сацыяльная інтэграцыя, мабілізацыя і г. д. [7, с. 73].

Такім чынам, у сучасным беларускім грамадстве практычна ўсе святы выступаюць у якасці яго камемаратыўнага кампанента, які актуалізуе найбольш значныя вобразы і наратывы сацыяльнай памяці беларускага народа. Адначасова святы адыгрываюць ролю інструментаў фарміравання дзяржаўна-палітычнай ідэнтычнасці насельніцтва краіны, а беларускія медыя з дапамогай іх рэпрэзентацыі фарміруюць у грамадскай свядомасці як пэўную карціну гістарычнага развіцця нацыянальнай дзяржаўнасці, так і пэўныя характарыстыкі дзяржаўна-палітычнай ідэнтычнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив: материалы семинара Центра руссификации. РАН. ИНИОН. Центр руссификации. – Москва, 2010. – 88 с.
2. Лойко, О. Т. Социальная память в контексте философской дескрипции / О. Т. Лойко // Ценности и смыслы. – 2013. – № 6 (28). – С. 44–53.
3. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 408 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
5. Балич, Н. Л. Этническое самосознание и практики национальных общностей Беларуси / Н. Л. Балич, И. Н. Харитонов // Социологический альманах. Выпуск 9. – Минск: Беларус. навука, 2018. – С. 132–149.
6. Бобрин, А. А. Репрезентации этнической идентичности в современной культуре / А. А. Бобрин // Международный журнал исследований культуры. – 2010. – № 1. – С. 31–36.
7. Тимофеев, И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: монография / И. Н. Тимофеев; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. полит. теории. – Москва: МГИМО-Университет, 2008. – 176 с.
8. Воловикова, М. И. Психологические предпосылки принятия личностью нового государственного праздника / М. И. Воловикова, А. М. Борисова // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 2. – С. 6–13.
9. «За польскім часам...»: Западная Беларусь в воспоминаниях современников / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.: Е. С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. – Брест: БрГУ, 2019. – 171 с.

10. Воронина, О. А. «Гендерные» праздники: трансформация символических значений / О. А. Воронина // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 3 (84). – С. 3–16.

11. Тишков, В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ / В. А. Тишков // Вопросы философии. – 2020. – № 8. – С. 5–19.

12. Савельева, М. А. Политико-психологический анализ восприятия Дня Победы молодежью стран ЕАЭС / М. А. Савельева // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2021. – № 1 (42). – С. 114–129.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

Т. Е. Новицкая

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск

T. E. Navitskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk

УДК 316.77:32+004.056

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР РИСКА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

MEDIATIZATION OF POLITICS AS A RISK FACTOR IN THE CONTEXT OF INFORMATION SECURITY

Последствия медиатизации политики связаны с ростом политического популизма, персонализацией политических акторов, распространением конспирологических теорий. Медиатизация политики актуализирует риски в сфере информационной безопасности: применение «острой силы»; повышение уязвимости медиааудитории перед лицом дезинформации, исходящей от внешних источников; манипулятивное формирование общественного мнения и восприятия политических событий; установление контроля за дискурсивными и нарративными практиками, ассоциированными с политикой постправды.

Ключевые слова: медиатизация политики; информационная безопасность; «острая сила»; репрезентация; Интернет; социальные медиа.

The consequences of the mediatization of politics are associated with the growth of political populism, personalization of political actors, and the spread of conspiracy theories. Mediatization of politics actualizes risks in the sphere of information security: the use of “sharp power”, increased vulnerability of media audiences to disinformation from external sources, manipulative formation of public opinion and perception of political events; establishment of control over discursive and narrative practices associated with post-truth politics.

Keywords: mediatization of politics; information security; “sharp power”; representation; Internet; social media.

В связи с возрастающим влиянием медиа, находящим отражение как в углублении инструментализации и ангажированности традиционных СМИ, так и в росте популярности новых интерактивных медиа, проблемы медиатизации политики активно привлекают внимание социальных теоре-

тиков и исследователей массовой коммуникации. Медиатизация предполагает усиление влияния медиа на культуру и социум в целом, а также на отдельные сферы общественной жизни. Теория медиатизации исходит из того, что трансформации в области средств массовой социальной коммуникации ведут к изменениям в социальных институтах и различных сферах жизни общества.

В современных условиях медиапространство становится тесно связанным с обеспечением информационной безопасности общества в ее социогуманитарных аспектах, ассоциированных с вопросами формирования и управления общественным мнением, цифрового контроля и воздействия эффектов медиа на социально-политические практики. Медиатизация политики усиливает эту связь и проблематизируется в качестве фактора риска в данном контексте.

Проблема информационной безопасности включает в себя две составляющие: защиту информации и защиту от информации. Если первая предполагает создание и использование методов и средств защиты информационных ресурсов в различных системах и организациях, то вторая направлена на достижение информационно-психологической безопасности общества, борьбу с информационным кибертерроризмом, противодействие применению информационного оружия, противостояние в информационной войне, эффективное сопротивление деструктивному информационному воздействию [1]. В условиях медиатизации политики актуализируется задача обеспечения безопасности социально-политических и дискурсивных практик информационной среды. Цель данной статьи – выявление рисков усиления медиатизационных процессов в политической сфере для информационной безопасности общества.

Преобразования в области информационно-коммуникационных технологий, изменения в способе и модели информационного обмена ведут к трансформациям в области медиарепрезентации, в высокой степени определяющей общественное мнение и картину социальной реальности как отдельных пользователей, так и социальных групп. Процессы гиперглобализации, сетевизации, интернетизации вызывают беспрецедентное усиление циркуляции информационных потоков. Современное онлайн-пространство крайне динамично. Его масштабность предполагает включение колоссального числа акторов со всего мира, следствием чего становится крайняя информационная насыщенность, текучесть и быстрая смена повестки. Медиалогика диктует специфические правила репрезентации и задает особые критерии успешности: кликабельность информации, представленной в глобальной сети; потенциал ее виральности и мемовизации; соответствие текущим социокультурным, экономическим, политическим трендам. Если представленная информация способна вызвать значительную волну обсуждений, ею активно делятся, происходит ее экспонирование на широкую аудиторию. В условиях медиатизации данные требования и критерии становятся ак-

туальными практически для любого контента, претендующего на высокие охваты аудитории. В контексте медиакапитализма человеческое внимание приобретает статус важного ресурса, включенного в отношения эксплуатации труда и производства стоимости.

Изменения, произошедшие в связи с ростом популярности новых медиа, затронули и сферу журналистики. Актуализировались такие тенденции, как депрофессионализация, децентрализация, интерактивность, индивидуализация. Принцип организации сетевого онлайн-пространства предполагает совмещение интернет-пользователем роли производителя, распространителя и потребителя контента. Этим во многом может быть объяснена популярность и востребованность, которую приобрела блогосфера.

Индивидуализация, в целом характеризующая сетевое общество, в своей крайней форме реализуется в персонификации. Особую роль она начинает играть в репрезентации политики. Российские исследователи Ю. Д. Агратимонова и В. А. Демчук, анализируя указанный феномен, утверждают, что процессы медиатизации влияют на трансформации политического класса и стиль публичной политики. В качестве других причин персонификации политики они называют «процессы размывания социальных групп и отсутствие в силу этого как устойчивых требований у этих групп, так и устойчивой идентификации индивидов с определенной группой, что ставит проблему артикуляции политических интересов и консолидации групп, а также появления новых механизмов политической репрезентации в рамках постдемократии» и «логику самовоспроизводства неустойчивых общностей» [2, с. 108].

Британская исследовательница в области политической коммуникации А. И. Лангер полагает, что персонализация политики включает в себя следующие составляющие: президентализацию власти (усиление роли лидеров, смещение власти в этом направлении, находящее выражение в обширном информационном освещении их деятельности); концентрацию на лидерстве (специальное подчеркивание лидерских качеств и умений, важных для государственного управления); политизацию частной жизни (фокус на частной жизни политических лидеров, ведущий к трактовке их не как носителей той или иной политической идеологии, партии и государства, а именно как «человеческих существ» [3, р. 373].

На проблему селебритизации политики в эпоху новых медиа указывает российский политолог И. А. Быков: «От политика требуется телегенность и артистизм, а не стратегическое видение и тяжелый труд по урегулированию конфликтующих политических интересов. Современные политики превращаются в своего рода “знаменитостей” или “селебрити”» [4]. А. З. Бауман еще на пороге новой волны медиатизации проницательно придавал особое значение ставшему популярным формату телевизионного реалити-шоу, построенного по принципу игры на выживание, увидев, что это «не фотография, не слепок и не копия современной социальной

действительности. Но это ее сжатая, схематичная, очищенная модель; можно сказать, что это та лаборатория, где над определенными тенденциями этой действительности, обычно незаметными, слабо выраженными или подавленными, проводятся эксперименты, ставящие своей целью выявление их истинного потенциала» [5, с. 27]. В современных условиях социальные медиа многократно усиливают запрос на эвентуализацию, персонификацию и привнесение элементов шоу в сферу политической медиарепрезентации.

Отметим также, что сама структура и организация сетевого медиапространства, его плюральность и интерактивность предполагают, что оно скорее представляет собой срез публичной сферы, где большей частью выражаются мнения, а не распространяются знания. Подтверждением этому может служить феномен блогерства. Политическая аналитика сегодня является весьма популярным направлением в блогосфере. Однако уровень ее экспертности зачастую сложно назвать релевантным, что может быть связано как с отсутствием профессионального научного подхода, так и с рыночной ориентацией на высокие показатели трафика, просмотров и «лайков», стремлением к «хайпу», а не к объективности. «Более того, большое значение в современном медиапространстве получили так называемые “теории заговора” или псевдонаучное объяснение политики и политических процессов. Передачи подобного рода получили большое распространение в связи с тем, что они поражают воображение зрителей, являясь неким аналогом фильмов ужасов» [4].

Политика постправды, предполагающая замещение фактов эмоциями, апелляцию не к реальным событиям, а к аффективному восприятию сконструированных «медиасобытий», продуцирование фейковых новостей и создание обслуживающего их «экспертного» (блогерского) контента также имеют существенное значение в распространении конспирологических теорий, упрощенных интерпретаций политической действительности. В таком ключе рассматривает воздействие новых медиа на демократию и публичность Ю. Хабермас [6]. Влияние на общественное мнение рациональной и аргументированной публичной дискуссии существенно затруднено в связи с сокращением или отсутствием «фильтров» в публичной сфере, фундированной социальными медиа. На первый план выходит способность к наибольшему привлечению внимания, что негативно сказывается на качестве информации. В данном контексте мнения подвергаются опасности коммодификации, пользователь становится потребителем в большей мере, чем гражданином. Получают распространение вводящие в заблуждение практики по созданию иллюзии общественной поддержки той или иной идеологии, политики, общественной деятельности и т. п. посредством публикации соответствующего цифрового контента. Медиатизация политики ведет к таким опасностям, как снижение уровня публичной дискуссии, всплеск популизма, манипуляции общественным сознанием.

Рассматривая медиатизацию политики как фактор информационной безопасности, необходимо отдельно выделить риски, продуцируемые ею в связи с возникновением уязвимостей ввиду внешнеполитического влияния в сфере национальной безопасности, в особенности в социальном и гуманитарном измерении, с формированием общественного мнения внешними акторами. Интернет развивался как глобальное информационное пространство. По мере выстраивания его национальных сегментов, укрепления на рынке крупнейших мировых и региональных медиакорпораций его структура стала усложняться, государственными и международным законодательствами начали очерчиваться границы, во многом определяющиеся целями безопасности. Ранее феномен достижения политических целей посредством оказания влияния через добровольное участие, симпатию, привлекательный имидж получал теоретическое осмысление при помощи понятия «мягкая сила» (soft power) (в противовес brutальным методам «жесткой силы» – военной и экономической), введенного в 1990 г. в научный оборот американским политологом Дж. Наем [7; 8]. В нем делается акцент на политические эффекты в долгосрочной перспективе, достижимые благодаря возможностям массового влияния на мнение зарубежных аудиторий. В 2008 г. Дж. Най и Р. Армитадж разработали понятие «умной силы» (smart power), основанной на балансе технологий «мягкой» и «жесткой» силы: «...умная сила» – это не просто «мягкая сила 2.0, речь идет о способности соединять их в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах» [9, р. XV].

По мере углубления медиатизации политической сферы возникла необходимость в соответствующем современности теоретико-методологическом подходе к интерпретации международного влияния. В 2017 г. актуализировалось понятие «острая сила» (sharp power). Его авторы – американские политические аналитики К. Уокер и Дж. Людвиг, представители американского Национального фонда в поддержку демократии (National Endowment for Democracy – NED). Они рассматривают внешнеполитические практики России и Китая и заявляют о неправомерности использования по отношению к ним понятия «мягкая сила» [10]. В дальнейшем объектом анализа стала специфика влияния этих двух стран на ряд государств Восточной Европы и Латинской Америки [11]. В докладе «Острая сила. Возрастание авторитарного влияния» выделено пять секторов, на которые распространяется новая технология: медиа и информация; коммерция; культура и развлечения; производство знаний; технологии. «Острая сила» применяется для формирования общественного мнения и восприятия, однако в отличие от «мягкой силы» ее основным методом является отвлечение и манипуляция. В данной связи медиа могут выступать в качестве инструментов, используемых в этих целях. «То, что мы до сих пор понимали как авторитарную “мягкую силу”, лучше классифицировать как “острую силу”, которая пронзает, прокалывает или прокалывает политическую или информационную среду в целе-

вых странах. В новом соревновании, которое идет между автократическими и демократическими государствами, методы “острой силы” репрессивных режимов следует рассматривать как острие их кинжала – или, по сути, как их шприц» [11, р. 13].

Беспокойство К. Уокера и Дж. Людвиг вызывают продвижение определенных политических нарративов, которые благоприятствуют России и Китаю, расширение сферы их экономического присутствия в мире, прибегание к кооптации и манипуляциям, а также использование ими асимметричных мер (по оценке авторов, в эпоху гиперглобализации существуют барьеры для внешнего политического и культурного влияния внутри этих стран, но при этом они сами используют возможности открытых демократических систем за рубежом). Говоря о растущем влиянии КНР, авторы доклада описывают ее деятельность, соответствующую традиционному влиянию «мягкой силы»: культурную и образовательную активность; работу аналитических центров и политически значимое взаимодействие; развитие медиаплатформ в глобальном масштабе. В то же время они видят опасность в имитации различных проявлений гражданского общества, распространении популистских нарративов, онлайн-троллинге. Влияние на медиасферу связывается ими с обучением журналистов, организацией бесплатных поездок на медиатренинги. Также эти исследователи видят опасность в возможностях организованного влияния на ход зарубежных политических компаний. По сути, основная претензия представителей NED состоит в том, что стратегия стран, подвергающихся критике, выстроена в соответствии с иерархическим принципом, их внешняя деятельность управляется государством. Однако следует отметить, что данная критика обусловлена ценностно-идеологическими расхождениями, различиями в политической организации. Существенное значение имеет тот факт, что возможности использования «острой силы» потенциально открыты для любых международных акторов, обладающих необходимыми ресурсами.

В то же время российская исследовательница О. Леонова предлагает более радикальную трактовку «острой силы» как совокупности информационных операций влияния и методов информационного кибертерроризма. Согласно ее мысли, *sharp power* включает в себя манипулирование данными, формирование фальсифицированного контента новостного и событийного потока, осуществление информационных операций и проектов [12, с. 21].

Экстремальные формы политического процесса, ставшие результатом медиатизации, изучаются также российскими исследователями Н. С. Лабушем и А. С. Пую (война, вооруженный конфликт, информационная война, «цветные» революции, террористические атаки). Они исследуют неконвенциональные формы политики, нарушающие границы правового поля и стабильность функционирования политических систем, что может быть чревато угрожающими последствиями, жертвами и разрушениями [113].

В условиях медиатизации политики роль информационного воздействия возрастает, так как оно может провоцировать переход от конвенциональных форм политического процесса к экстремальным.

Следует подчеркнуть, что в условиях обострившегося информационно-противостояния, гибридного воздействия с целью управления массовым сознанием в глобальных масштабах методы «острой силы» требуют к себе особого внимания. Исследование технологий манипулятивного политического медиавоздействия, распространения дезинформации и деструктивной внешней пропаганды посредством Интернета и новых медиа становятся насущной проблемой информационной безопасности как в глобальном, так и в региональном измерении.

Подводя итоги, отметим, что медиатизация политики носит многоаспектный характер: она предполагает как изменения в производстве политического медиаконтента, так и в его потреблении аудиторией, усиление воздействия медиа на процессы в политической сфере. Происходит «форматирование» медиалогикой социально-политических практик и трансформация политического дискурса, преобразуется специфика социальных взаимодействий и характер политического действия, интеракций внутри сообществ. Область медиарепрезентации также трансформируется, что выражается в персонификации и селебритизации политики, росте популярности развлекательного контента, расширении блогосферы и повышении ее востребованности в противовес профессиональной журналистике, а также в связанном с вышеуказанным изменением представлений об экспертности, снижением уровня «фильтров» в публичной сфере, ориентацией на «хайп» и привлечение внимания, понижением качества информационного контента, опасностями коммодификации мнений, представленных в медиа. В сфере репрезентации возрастает роль форматов цифровых медиа, социальных сетей с их подчиненностью алгоритмам и коммерческой ориентацией на персональные предпочтения, таргетирование, что также сказывается на возможностях управления распространением политического контента среди целевых групп. В свою очередь это актуализирует риски в социогуманитарном измерении информационной безопасности. В условиях гиперглобализации и медиатизации политики они связаны с применением «острой силы», ростом подверженности медиааудитории негативному воздействию дезинформации и деструктивной внешней пропаганды, возрастанием значения политики постправды в формировании дискурсивных и нарративных практик для оказания манипулятивного влияния на общественное мнение и восприятие политических событий.

Список использованных источников

1. Наука и образование – единый организм: интервью директора Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН Рафаэля Юсупова // Российская академия наук. – URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=4c962468-545d-448d-937c-c7d641c6e2b8> (дата обращения: 26.12.2025).

2. Артамонова, Ю. Д. Современная персонализация политики: новые подходы к анализу / Ю. Д. Артамонова, В. А. Демчук // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 108–121.
3. Langer A. I. Historical Exploration of the Personalisation of Politics in the Print Media: The British Prime Ministers (1945–1999) / A. I. Langer // Parliamentary Affairs. – 2007. – Vol. 60, № 3. – P. 371–387.
4. Быков, И. А. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. – 2017. – № 4. – С. 15–38 // ИНФРА-М. Издательский холдинг. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19592/view> (дата обращения: 26.12.2025).
5. Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва: Логос, 2005. – 390 с.
6. Habermas, J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik / J. Habermas. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 3. Auflage, 2022. – 108 S.
7. Nye, J. Soft power: The Means to success in world politics / J. Nye. – New York: Public Affairs, 2004. – 208 p.
8. Най, Дж. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10. – С. 33–41.
9. Nye, J. The Future of power / J. Nye. – New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.
10. Walker, Ch. The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence / Ch. Walker, J. Ludwig // Foreign Affairs. – 2017, November 16. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (date of access: 26.12.2025).
11. Sharp Power: Rising Authoritarian Influence / Ch. Walker, J. Ludwig, J. P. Cardenal [et al.]. – Washington: International Forum for Democratic Studies, National Endowment for Democracy (U.S.), Network of Democracy Research Institutes International Forum for Democratic Studies, 2017. 156 p. // National Endowment for Democracy. – URL: <https://www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence-Full-Report.pdf> (date of access: 26.12.2025).
12. Леонова, О. Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире / О. Леонова // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 2. – С. 21–28.
13. Лабуш, Н. С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса. Война, революция, терроризм / Н. С. Лабуш, А. С. Пую. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2019. – 340 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

В. В. Павлова

Белорусский государственный университет, Минск

V. V. Pavlova

Belarusian State University, Minsk

УДК 179.3

БЛАГО ЖИВОТНОГО КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ В ЭТИКЕ ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ

ANIMAL WELFARE AS THE HIGHEST VALUE IN THE ANIMAL ETHICS

Статья посвящена обоснованию высшей ценности в этике отношения к животным, которой является благо животного. Показано, почему такие устоявшиеся в этико-философских концепциях ценности, как сострадание, гуманизм, справедливость, права животных, альтруизм, являются антропоцентрическими и не учитывают благо самого животного. Благо животного состоит в минимизации ущерба для него или в реальном изменении качества жизни животного в лучшую сторону.

Ключевые слова: этика отношения к животным; высшая ценность; благо животных; антропоцентризм; гуманизм; сострадание; справедливость; альтруизм; права животных.

The article is devoted to the substantiation of the highest value in the ethics of treating animals, which is the welfare of the animal. The article shows why values such as compassion, humanism, justice, animal rights, and altruism, which are well-established in ethical and philosophical concepts, are anthropocentric and do not take into account the welfare of the animal itself. The welfare of the animal is to minimize damage to it or to actually change the animal's quality of life for the better.

Keywords: animal ethics; the highest value; animal welfare; anthropocentrism; humanism; compassion; justice; altruism; animal rights.

Стремление к нравственному обращению с животными является широко распространенной и одобряемой в обществе практикой. В качестве теоретического базиса для облегчения морального выбора в различных ситуациях этика отношения к животным предлагает ценности, на основе которых разворачивается моральная аргументация и обосновываются нравственные поступки. Категориальным центром этики отношения к животным в таких случаях выступает высшая ценность, принятая как основной нравственный ориентир всякого морального акта.

Однако варианты такой ценности, предлагаемые современной этико-философской мыслью, представляются неэффективными для решения прикладных задач. Обоснование блага животных как новой высшей ценности этики отношения к животным является целью данной статьи.

На сегодняшний день аксиологическая структура этики отношения к животным включает устоявшийся набор этических ценностей: сострадание (жалость) к животным, гуманизм, справедливость, права животных, альтруизм, т. е. категории, характеризующие нравственные отношения меж-

ду людьми, в этико-философских учениях переносятся на отношение к животным. Так, в основу этики «благоговения перед жизнью» А. Швейцера [1] была положена ценность сострадания; христианская этика распространила на животных понятие альтруизма; гуманное отношение к животным стало основой биомедицинской этики, этика утилитаризма включила животных в расчет справедливого распределения благ, а правовые подходы строятся вокруг ценности прав животных. Однако, будучи основой теоретических этических учений, эти ценности практически не подвергаются критическому анализу и берутся как данность. Не подвергается сомнению их уместность при применении к новому типу моральных отношений – моральных отношений с животным.

Необходимость переосмысления ценностей этики отношения к животным назрела еще в момент отказа биоэтики от антропоцентрических установок. Переход к новой парадигме состоял в пересмотре статуса животного в философии и этике (утвердился статус «не-человеческого животного»), однако он не затронул аксиологические аспекты проблемы. Критерием этического отношения к животным осталась приверженность изначальным и всё еще антропоцентрическим ценностям. Именно в несоответствии между новым моральным статусом животного и высшей ценностью этики отношения к животным кроется противоречие: в попытке уравнивать моральный статус человека и животного, т. е. фактически включить последних *в единую этическую систему координат*, нравственность поступков продолжает оцениваться только лишь с позиции человека.

Современная этика отношения к животным стоит на позиции, что этика и мораль – явления исключительно человеческие. Для животного, даже социально адаптированного и интеллектуального, чужды любые нравственные понятия и категории. Потому человекомерность всей этики кажется естественным и единственно возможным условием любого нравственного отношения к животному. Тем не менее исключительная антропная природа этики не налагает ограничений в определении высшей ценности с обязательной привязкой к самому человеку и обществу. Например, экологическая этика уже продемонстрировала, что «природа» или «биоразнообразие» могут стать центральной ценностью этики, в которой привилегированное положение человека как морального агента не есть основание для нормативных и ценностных предпочтений для него [2].

Представляется, что этика отношения к животным с необходимостью должна пройти тот же путь трансформации ценностного ядра, чтобы соответствовать своей же нон-антропоцентрической позиции. Потому как ценности сострадания (жалости) к животным, гуманизма, справедливости, прав животных, альтруизма не отвечают либо частично отвечают требованиям актуальной этики отношения к животным и ее задачам.

Так, моральное требование проявлять жалость и сострадание к животным исходит не столько из человеческих моральных чувств, сколько явля-

ется отражением опыта собственного страдания либо опытом включенного наблюдения за страданиями другого человека. Память о собственной физической и нефизической боли является скорее психоэмоциональным явлением, чем нравственным чувством, а сам процесс сострадания и жалости становится переносом этого опыта. Если утвердить эмпатию как моральное основание для проявления сострадания к животным, то сама ценность сострадания будет напрямую зависеть от личности человека и его индивидуальной способности к выражению сострадания. Даже признав для себя сострадание как высшую ценность, человек не всегда способен адекватно реализовать свое нравственное отношение в соответствии с этой ценностью, а не со своим прошлым травматическим опытом. Маловероятно, что его способ проявления этического отношения к животным будет иметь к самому животному прямое отношение, а не обслуживать собственные переживания.

Гуманизм в принципе изначально направлен на заботу именно о человеке. Главный критерий нравственной оценки любых действий – благо человека. Гуманизм утверждает доброту к ближнему, уважение чести и достоинства человека, свободу и ценность человеческой жизни как важнейшие нравственные установки. Эта открыто антропоцентрическая позиция парадоксальным образом обрела большую популярность и среди защитников животных как ключевая ценность большого числа этико-философских воззрений, особенно в биоэтике [3]. Распространенность упоминания гуманизма как высшей или сопутствующей ценности в этике отношения к животным привела к размыванию его сущности, девальвации, вплоть до формального упоминания для придания веса моральным требованиям. В теоретическом плане ценность «гуманного отношения к животным» сомнительна, и еще больше вопросов появляется при попытке реализации этой ценности на практике.

Альтруизм как ценность предполагает, что человек безвозмездно делится своими благами с животным из нравственных побуждений. Самоотверженность человека является обязательным условием альтруизма, а животные как объект нравственного поступка уместно вписываются в структуру нравственных отношений. Более того, общая биологическая природа альтруизма человека и животного [4] может стать весомым основанием для принятия альтруизма как высшей ценности этики отношения к животным, и с точки зрения теоретической этики такой выбор кажется обоснованным. Тем не менее альтруизм как абстрактная ценность не уточняет характер благ, которыми человек должен жертвовать ради животных. Моральное требование предписывает добровольный отказ от необходимых человеку благ, однако не учитывает нужду животных в этих благах. Если самоограничение человека оказалось неуместным или напрасным, альтруизм превращается в аскетизм, а сами животные при этом оказываются за пределами структуры нравственного поступка.

Права животных как высшая ценность вызывают споры даже среди самих представителей этико-правового подхода. С теоретической позиции наделение животных правами свидетельствует о несомненном признании за ними высокого морального (и, как следствие, юридического) статуса, что в конечном итоге является проявлением этического отношения к животным. Правовое обеспечение животных признает за ними возможность не быть человеческой собственностью, иметь свои интересы и возможность их защищать, заявлять о своей свободе действий и независимости от человеческих (общественных) потребностей. Однако наделение животных правами сопряжено с определенными трудностями как формально-юридического, так и философско-правового характера. Ценность прав не является абстрактной, она нуждается в детализации и конкретике: перечне прав, их категоризации, четком определении субъекта прав, источнике этих прав, границах и условиях вступления этих прав в силу, их взаимосвязях с правами других животных и правами человека. Отдельно поднимается вопрос об обратной стороне правообладания – ответственности, которая может или должна быть у животных. Дискуссия вокруг этих теоретически значимых аспектов правового статуса животных не позволяет отнести к правам животных как к этической ценности, пока эта ценность не получит обоснованной значимости по крайней мере внутри правового дискурса. В противном случае наделение правами животных будет очередной попыткой человека включить их в мир чисто человеческих социальных отношений и институтов, что равно навязыванию животным несвойственного им механизма организации взаимоотношений, вплоть до попытки изменения устоявшихся биосистем (например, при этически обоснованном принудительном переводе людей и всеядных животных на вегетарианскую диету). Вопросы практической реализации прав животных представляют собой отдельную проблему прикладной этики.

Справедливость в отношении животных также восходит к концепции прав животных. Как высшая ценность справедливость диктует такое отношение ко всем живым существам, которое бы могло удовлетворить их потребности в соответствии с заслугами либо в равной степени. Справедливость как честность в социально-политической концепции Дж. Ролза [5] и вовсе предполагает возможность изначального включения животных в число субъектов при распределении общественных благ. Ценность справедливости основана не только на идее всеобщего баланса интересов, но и открыто оперирует к нуждам самих животных. Принятие справедливости в качестве высшей ценности, несомненно, было бы предпочтительным для этики отношения к животным. Однако как отдельная этико-философская дисциплина она нуждается в собственном ценностном фундаменте, отвечающем ее специфике.

Этика отношения к животным в нравственных ситуациях прибегает к сильной реконструкции субъективного представления о ситуации с по-

зиции самого животного. Это значит, что моральность человеческого (общественного) поступка по отношению к животному будет определяться не мотивами, собственными принципами или нормами человека и общества, а степенью соразмерности нравственного поступка человека с прагматикой поведения, намерениями, ожиданиями животного в данный момент, а также обязательным благоприятным результатом для самого животного. Для реализации этики отношения к животным на практике необходимо отказаться от антропоцентрических позиций гуманизма, патернализма или сострадания к животным и обратиться к приоритету *блага животного* как основной ценности и центрального понятия рассматриваемой этической дисциплины.

Благо животных предполагает такое разрешение нравственной ситуации, конечный результат которого будет соответствовать как минимум одному из критериев:

1) животное не понесет никакого физического и нефизического (стресс, страх, дезадаптация и т. д.) ущерба либо этот ущерб заранее будет целенаправленно минимизирован;

2) безопасность, комфорт и качество жизни животного в итоге возрастут.

Трактовка блага животного как оптимальной полезности осуществляется на основе идей утилитаризма и применима в случаях, когда животное уравнивается (максимально приближается) в моральном статусе с человеком. В этом случае с позиции животного нравственный поступок человека может быть интерпретирован как состояние безопасного доступа к ресурсам любого рода и доступ к свободному выбору и действиям. Например, разграничение общественных и личных пространств на зоны, свободные от животных и открытые для совместного пользования, практика организации специализированного питания животных, выработка режима совместного проживания или работы, соблюдение личных границ и т. п. – всё это позволяет животным и человеку взаимно приспособиться друг к другу, налагая ограничения и предоставляя возможности для волеизъявления двух сторон. Понятно организованная, предсказуемая и потому безопасная среда обитания животного в пространстве человека (и наоборот) является благом в том смысле, что представляет собой новый тип естественных условий для животных, где в круг постоянных контактов изначально включен человек.

Благо животных как минимизация ущерба будет нравственным поведением в ситуациях, когда животное обладает более низким в сравнении с человеком моральным статусом. Например, если животное намеренно эксплуатируется человеком и это вмешательство превышает адаптационные возможности животного либо наносит прямой вред его здоровью. В такой ситуации сострадание может исказить представление о положении животного и его субъективном восприятии собственного положения, подменив опыт животного личным опытом человека. Напротив, благом будет являться эффективный и бережный менеджмент эксплуатируе-

мых животных. Если ситуации эксплуатации не избежать, то благом для животного будет, например, упорядочивание циклов контролируемого вмешательства, восстановления и покоя со стороны человека при полном обеспечении базовых жизненных потребностей. В этом плане распространённый интуитивный моральный механизм «вознаграждения за страдания» строится на человеческом представлении о принципиальной возможности моральной компенсации, платой за вину или символическим откупом за совершенное действие (бездействие). Всё это категории, недоступные для понимания для самих животных и не несущие им существенного облегчения положения. Потому нравственным поступком будет отказ от подобных установок и реализация этики отношения к животным в практиках, понятных им самим.

Благо животных как повышение уровня безопасности, комфорта и качества жизни – это форма альтруизма, распространённая на другие виды живых существ. Благожелательное деятельное отношение к животным в этом случае будет этичным только тогда, когда результат нравственного поступка будет реально ощутимым для животного безотносительно того, опознает ли животное человека как источник этого блага. Если субъективное ощущение комфорта у животного возрастает в результате действий (бездействий) человека, то такое поведение можно считать в полной мере этичным по отношению к животному.

Опора на понятие блага животных, в отличие от человекомерных моральных принципов, не рассматривает в структуре нравственного поступка мотив как его обязательную составляющую. Другими словами, действие сообразно благу животного не исключает привычные антропоцентрические этические мотивы, равно как и их наличие не гарантирует нравственность поступка в соответствии с этикой отношения к животным.

Таким образом, устоявшиеся ценности в области отношения к животным – сострадание (жалость) к животным, гуманизм, справедливость, права животных, альтруизм – не являются убедительно обоснованными или необходимыми для реализации нравственного отношения к животным. Основанием этики отношения к животным должно стать благо животного как высшая ценность. Благо животного состоит в минимизации ущерба для него или в реальном изменении качества жизни животного в лучшую сторону, в наблюдаемых позитивных последствиях поступков человека. Нравственным будет тот поступок, который способствует максимизации блага для животного, а не обслуживает моральные чувства и мотивы человека (общества). Важным является итог действия (бездействия) для самого животного. Это означает, что поступать этично по отношению к животному становится возможным не только из моральных чувств (долга, сострадания, совести, жалости и т. п.), но и основываясь на прагматических соображениях.

Список использованных источников

1. Швейцгер, А. Благоговение перед жизнью / сост. и посл. А. А. Гусейнова; общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. – Москва: Прогресс, 1992. – 576 с.
2. Апресян, Р. Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и нонантропоцентризма / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. – 2010. – № 10. – С. 5–19.
3. Ковалева, Т. В. Гуманизм как основная биоэтическая категория при работе с животными в медицине / Т. В. Ковалева, Л. Б. Захарова, Е. Н. Парийская // Zoophilologica. – 2021. – Т. 1, № 7. – 12 с.
4. Глазунова, К. Н. К вопросу об альтруизме у животных и людей / К. Н. Глазунова, Л. С. Ембулаева // Научный журнал «Эпомен». – 2018. – № 16. – С. 32–38.
5. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз; пер. с англ. В. Целищева, В. Карпович, А. Шевченко. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 500 с.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

К. В. Севастов

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. V. Sevastov

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 101.1:316+130.2

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: БАЗОВЫЙ КОНФЛИКТ И РАСЦВЕТ СУБЪЕКТНОСТИ

POST-NON-CLASSICAL EDUCATION STRATEGY: BASIC CONFLICT AND THE FLOURISHMENT OF SUBJECTIVITY

В условиях стремительных изменений, вызванных глобализацией, цифровизацией и культурной диверсификацией, традиционные подходы к обучению и воспитанию подвергаются критическому пересмотру. Постнеклассическая культура акцентирует внимание на многообразии знаний и их контекстуальности, что требует от образовательного процесса гибкости и адаптивности. В этом контексте важным становится не только усвоение фактической информации, но и развитие критического мышления, креативности и способности к самообразованию. В статье анализируется феномен образования в контексте постнеклассической культуры, его переоценка в условиях общекультурных изменений, а также трансформация роли субъекта в образовательном процессе, основанном на постнеклассической стратегии образования.

Ключевые слова: постнеклассическая культура; стратегия образования; знание; информация; авторитетность; традиционность; преемственность.

In the context of rapid changes caused by globalization, digitalization and cultural diversification, traditional approaches to teaching and upbringing are being critically reviewed. Post-non-classical culture emphasizes the diversity of knowledge and its contextuality, which requires flexibility and adaptability from the educational process. In this context, it is important not only to assimilate factual information, but also to develop critical thinking, creativity and the ability to self-educate. Thus, the article analyzes the phenomenon of education in the context of post-

non-classical culture, its re-evaluation in the context of general cultural changes, as well as the transformation of the role of the subject in the educational process based on the post-non-classical education strategy.

Keywords: post-non-classical culture; education strategy; knowledge; information; authority; traditionalism; continuity.

Становление культуры современного типа в широком смысле произошло в результате столкновения основополагающих социокультурных ориентиров в толковании как действительности, так и субъектности: традиционализма и научного материализма. Основой традиционализма в данном случае принято считать эмпирическую мудрость, которая является результатом продолжительно накапливаемого опыта. Главные же концепции научного материализма – бихевиористическая проблематика и лингвистическая интересубъективность – стали своего рода результатом формирования новых областей концепта знания (психолингвистики, когнитивных исследований, нейронауки, искусственного интеллекта и др.).

Столкновение изначально противоположных относительно друг друга социально-философских направлений не привело к какому-либо идеологическому консенсусу в виде обоюдного поглощения и (или) образования новой единой парадигмы. Результатом конфликта стало формирование новой идеологии с последующим развитием культуры постнеклассического типа.

Сформировавшись в виде реакции на кризис идеологических противоречий и последующего отказа от традиционности, постнеклассическая культура не предлагает абсолютно никакой альтернативы ввиду несостоятельности социального и культурного производства – она провозглашает всеобъемлющую вторичность окружающего мира и тем самым вызывает к использованию готовой формы и компилированию существующих паттернов [1, с. 18]. Данная концепция отсутствия социокультурного производства ввергает культуру в целом в состояние коллапса и, соответственно, затяжного кризиса.

В свою очередь необходимость постнеклассической культуры в наличии собственного инструментария побуждает ее к использованию основных существующих полярных представлений (рациональное и иррациональное, традиционное и нетрадиционное, сознательное и бессознательное и др.) для формирования таких принципов, как:

- антирациональность;
- антитрадиционность;
- антисознательное и др.

Важно отметить, что культура как таковая множественна и вариативна, что первоначально и стало обширным полем деятельности для развития постнеклассического мировоззрения, а такие свойственные ему принципы, как нелинейность, разновекторность, бесполярность и ацентричность, привели к *гипермножественности культуры* и, как следствие, к гипермножественности культурных составляющих – феноменов культуры.

Особого внимания заслуживает такой феномен культуры, как образование, потому как именно образование изначально является совокупным инструментом не только для клишированной передачи культурного опыта, но и для его ретрансляции и консервации.

Новое прочтение существующих оснований побуждает культуру постнеклассического типа к трансформации роли субъекта, а точнее – к его иной репрезентации в новых культурных условиях. Соответственно, *новая* культура предлагает стратегию образования, которая не столько противоречит традиционной стратегии, сколько отталкивается от нее.

Так, можно определить, что в данной постнеклассической стратегии образования субъект – «синергетический субъект, который идентифицирует себя в интертекстуальном метаконтексте различных междисциплинарных и кросскультурных коммуникативных практик» [2, с. 78].

Общим стремлением постнеклассической стратегии образования является становление «автономной личности, которая производит процедуру интериоризации знания и соотносит его с собственным экзистенциальным опытом» [3, с. 70].

С изменением культурной реальности вынужденному изменению подвергается и образование, потому как традиционная стратегия образования не в состоянии актуализировать культурный опыт для последующей культурной адаптации [4].

С одной стороны, цель формирования социальной автономности субъекта выглядит исключительно прагматично, но с другой – современному субъекту культуры просто необходимо применять различные модели, основанные на субъективном опыте и имеющие прямое отношение к субъектной адаптации в условиях нестабильности современной культуры [5].

Рассматривая образование как феномен культуры и социальный институт, важно определить: комплекс накопления и передачи культурного опыта проходит сложный этап – быстрота смены культурных слайдов внутри кризисного коллапса слишком высока и хаотична, чтобы образование было в состоянии вобрать в себя и впоследствии протранслировать полученную информацию. Безусловно, культурный опыт передается, но его актуальность находится под вопросом.

Так, образование достигло определенной цикличности: ограниченное временем обучения, оно рискует потерять всякую легитимность, так как приобретенные некогда знания могут просто не рефлексировать на состояние культуры в настоящее время. Современное состояние культуры побуждает образование как инструмент культурной трансляции к постоянному, пусть и не полному, но обновлению на протяжении всей жизни субъекта. Важно отметить, что так было не всегда.

В Средневековье образование заключалось в понимании и воспроизведении текстов. В то время как последующее интерпретированное толкование было вовсе не обязательным для того, чтобы считаться человеком об-

разованным. Умеющий понимать и воспроизводить тексты автоматически причислялся к обладателям *знания*. Популярностью пользовались диспуты, зачастую на спонтанные темы, которые могли предложить сами обучающиеся. Во время диспута знания не возводились в абсолютизм – ценилась убедительность доводов, т. е. превосходство в диспуте получал тот, кто был более убедителен, а не тот, кто *знал* больше.

В Новое время происходит кардинальный сдвиг в материальной и духовной жизни общества и вектор меняется – устремлением уже становятся именно такие знания, которые бы могли подвергаться сомнению и пересмотру, так как религиозные постулаты предыдущей эпохи, на которых основывалось образование, уже не были достаточным аргументом. Философского познания мира становится недостаточно. Сопряженная с практикой, возникает наука и, как следствие, эмпирическое знание.

Новейшее время все больше стремится к культурной массовости. Теперь за необходимостью субъекта в толковании текста следует необходимость в творческой составляющей – рефлексии, которая исключительно субъектна по своей сути и массовой быть не может.

Образование как инструмент культуры все больше утверждается в форме индивидуализированного, а своего рода *революции в образовании* становится следствием смены ведущего типа знания и обретения им статуса фундаментального [6].

Современная культура ознаменована колоссальным количеством информации, ее постоянным обновлением и быстрым устареванием. По причине кризисного состояния культуры в целом субъект испытывает постоянную необходимость в обновлении информации, возводя ее в разряд актуальной.

Рост информации – процесс массовый. Соответственно, динамика культуры ввиду изменения социальных структур вынуждает и образование быть массовым. Но из-за субъектной необходимости в постоянном обновлении информации из этого следует прямая потребность в образовании на протяжении всей жизни.

В то же время массовость, к которой стремится культура, ограничивает творческую составляющую рефлексии. А именно *информационная потребность* создает своего рода примитивизацию – шаблонность и медийность, пытаясь вывести рефлексию за пределы личного контекста, а это противоречит субъектно-ориентированной особенности рефлексивного процесса.

Тем не менее современная культурная система способна находиться в состоянии функционирования при условии постепенной минимизации сложности и, как следствие, стремления к индивидуальным целям через ожидание результата – поступательное уменьшение сложности процесса запрашивает меньше времени и позитивно влияет на результативность и производительность как самоцели. Естественно, ни к чему, кроме как к кризису, данное положение вещей привести не в состоянии: все соци-

альные системы способны существовать и прогрессивно развиваться только при условии увеличения сложности организации и внутрисистемной структуры. Когда же основной целью любого социального процесса, и образования в том числе, является поступательная минимизация усилий с целью достижения производительности во имя *иных* целей, значимость социального прогресса нивелируется. Это ведет к тому, что такая основополагающая цель образования, как непосредственная связь и использование знаний, умений и навыков в жизни, становится абсолютно не первостепенной. Без подобной трансляции приобретенного опыта посредством образования невозможно и прогрессивное развитие культуры. Исходя из этого можно определить, что в постнеклассической культуре функционирование образования не выполняет свою первостепенную функцию: оно не только не способно социализировать индивида, но и наделять его культурным опытом для последующей причастности к *глобальному* составляющему современной реальности [7].

Важно отметить, что еще со времен эпохи Просвещения образование рассматривалось с точки зрения системы, педантично структурированной с координационной иерархичностью в управлении и безграничной инициативностью, что в эпоху современности с его переоценкой и пересмотром существующих концепций и теорий привело к кризису образования.

Кризис в сфере образования в первую очередь обусловлен кризисом всеобъемлющей институализации, которая укоренилась в своем предназначении для *реальности иного рода*; с течением времени усвоение происходящих перемен становится все более затруднительным [8; 9].

К настоящему моменту постнеклассическая переоценка основательно внедрилась во все организованные структуры социальной действительности, в том числе и в такой феномен культуры, как образование, дезорганизовав вектор развития педагогической мысли, поступательно развивавшейся на таких основаниях, как авторитетность, традиционность и преемственность.

Авторитетность. Наличие авторитета в классической стратегии образования определяет отсутствие выбора в виде следования заранее определенному образцу, что, в свою очередь, специфицирует образовательный процесс как строго директивный.

Постнеклассическая стратегия образования отказывается от любых проявлений паттерности, настаивая на необходимости наличия постоянных интерпретаций.

Традиционность. Основная суть традиционности в классической образовательной стратегии определяется наличием поляризованности (хорошо и плохо, добро и зло, правильно и неправильно и т. д.); в воспитательной составляющей – необходимостью придерживаться строгих норм и правил, основанных на классическом понятии социальной роли как определяющей части внутрисоциального взаимодействия и классификации.

Постнеклассическая стратегия образования отвергает такие понятия, как полярность и классификация, настаивая исключительно на бесполярности и разновекторности.

Преимственность. Процесс преимственности в классической стратегии образования определяется строгой структурированностью и устанавливает разносторонние связи, воспроизводя саму образовательную стратегию в целостную ступенчатую систему.

Постнеклассическая стратегия образования не принимает данную поступательную и сегментированную направленность, настаивая на постоянном пересмотре существующих концепций, подвергая их ассоциативности и интерпретированию.

Базовый конфликт современной философии образования формируется в следующем противоречии: постнеклассиками утверждается принцип онтологического плюрализма, в то время как классическое образование довольно однообразно – образование в традиционной парадигме рассматривается в однозначном отражении мира в рациональных схемах, системах и взаимосвязях.

В свою очередь образование в постнеклассической парадигме отвергает не только сциентическую ориентацию традиционного образования, но и любую рациональность в целом, не предлагая альтернативной структуры – оно видит невозможным в полном объеме понять и объяснить жизнь, связь человека и мира, отстаивая убежденность в необходимости бесконечности интерпретаций.

Ввиду определенного стагнуса образовательной системы в целом, а также постоянно ускоряющегося развития науки и прогрессивно увеличивающегося разрыва между двумя этими видами деятельности современная педагогика, чтобы заполнить образовавшийся разрыв, вынуждена прибегнуть к такой форме индивидуальной познавательной деятельности, как самообразование.

Устремления постнеклассической культуры отобразились в современной педагогике в виде актуализации как совершенно необходимого условия всякого познания, которая предопределяет не субъектность воспитания и образования, не авторитет разума, науки, общепризнанной картины мира, а эстетическую конструкцию окружающей действительности. Постнеклассическая модель педагогики предстает в виде составной части миропонимания с точки зрения эстетизма, тем самым эстетизируя этическую составляющую и приводя к тотальной субъективности, негации общепринятых ценностей, а также определенному релятивизму, не концентрирующему в себе определение каких-либо общепризнанных ценностей образования и воспитания [10; 11].

В традиционной же образовательной стратегии воспитание субъекта достигается в основном посредством слова: наставник играет роль проводника по ступенчатой системе, в которой его задача заключается не только

в передаче личного жизненного опыта, но и в нравственном совершенствовании личности [12].

Основной задачей постнеклассической педагогики является предопределение жизненной направленности, по которой ученик должен двигаться, в отсутствие Абсолюта (как первоосновы мира), авторитетов (учитель – не авторитет, учитель – консультант), иерархической ступенчатости (парадигма бесполярности, парадигма разновекторности).

В контексте классической образовательной стратегии ментальная целостность, процессы мироздания и межличностные отношения рассматриваются как единое целое. Любой аспект жизни рассматривается исключительно в контексте всеобщего. Соответственно, первоочередность морали направлена на отказ от предметно-сущностного и обращение к ментальному. В данном контексте рефлексивная субъектность поступательно преобразуется в самоотказ.

Таким образом, современная культура открывает возможность построения такой стратегии образования, которая, с одной стороны, сохраняет позитивный потенциал классической образовательной парадигмы, а с другой – освобождает ее от справедливо подмеченных постнеклассической критикой статичности и консервативности, что позволит ей адаптироваться к современной культурной ситуации, внутри которой (уже автономный) субъект самостоятельно определяет вектор своего движения.

Список использованных источников

1. *Севастов, К. В.* Образование и идентичность: локализация кризиса в культуре постмодерна / К. В. Севастов // Вопросы педагогики и психологии: монография / редкол.: Ж. В. Мурзина, О. Л. Богатырева. – Чебоксары: Изд-во «Среда», 2021. – Гл. 1. – С. 17–24.
2. *Мухамед, Т. В.* Постмодернистские модели образования / Т. В. Мухамед // Вестн. Моск. гос. у-та культуры и искусств: сб. ст. / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – Москва, 2015. – № 4. – С. 71–79.
3. *Краснопольская, А. П.* Агональный диалог и постнеклассическое образование / А. П. Краснопольская // Вестн. Моск. гос. у-та культуры и искусств: сб. ст. / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – Москва, 2015. – № 4. – С. 64–71.
4. *Севастов, К. В.* Постмодернистское образование: проблема гипермножественности культуры и автономности субъекта / К. В. Севастов // Диверсификация педагогического образования в условиях развития информационного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 19 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Д. Г. Медведев (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2022. – С. 228–231.
5. *Sevastov, K. V.* Education in postmodern culture: the current state of the subject of culture / K. V. Sevastov // Priority directions for the development of science and education: proceedings of the international scientific and practical conference, Shymkent, 7–8 Dec. 2021. – Shymkent: OAIU, 2021. – P. 178–181.
6. *Долженко, О. В.* Университет постмодерна: предпосылки становления и развития / О. В. Долженко // Высшее образование для XXI века: V Междунар. науч. конф., Москва, 13–15 нояб. 2008 г.: докл. и материалы / Моск. гуманитар. ун-т; под общ. ред. И. М. Ильинского. – Москва, 2008. – С. 64–77.
7. *Севастов, К. В.* Образование в культуре постмодерна: кризис результативности / К. В. Севастов // Социально-гуманитарные знания: материалы XVII Респ. науч. конф.

молодых ученых и аспирантов, Минск, 26 нояб. 2020 г. / Респ. ин-т высш. шк.; редкол.: И. В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – С. 43–46.

8. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва: Логос, 2002. – 390 с.

9. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с.

10. Огурцов, А. П. Антипедагогика: вызов постмодерна / А. П. Огурцов // Высшее образование в России. – 2002. – № 4. – С. 54–68.

11. Огурцов, А. П. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А. П. Огурцов, В. В. Платонов. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2004. – 520 с.

12. Волков, В. Н. Знание, образование и университеты в мире постмодерна / В. Н. Волков // Никоновские чтения: сб. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. – Чебоксары, 2016. – Т. 1. – С. 52–64.

(Дата подачи: 11.02.2025 г.)

И. Н. Сидоренко, Д. С. Курачинская

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko, D. S. Kurachinskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+141.319.8

МИМЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕНЕ ЖИРАРА: ЖЕЛАНИЕ – СОПЕРНИЧЕСТВО – НАСИЛИЕ

THE MIMETIC THEORY OF R. GIRARD: DESIRE – RIVALRY – VIOLENCE

В настоящем исследовании авторы обращаются к анализу миметической теории насилия французского мыслителя Рене Жирара с целью прояснить взаимосвязь желания, соперничества и насилия. Исходя из их миметической природы, авторы статьи аргументируют основную идею: желание выступает в качестве топлива для соперничества и насилия, что в состоянии кризиса жертвоприношения, выражающегося в нивелировании различий, создает риски эскалации насилия. Понимание взаимосвязи и миметической природы желания и насилия позволяет прояснить как природу фейков в информационной среде, причины повышения уровня агрессии в иллюзорной безнаказанности интернет-среды, так и опасность культуры отмены, порождающей убийственное амбивалентное тождество: палач – жертва.

Ключевые слова: миметическая теория Р. Жирара; жертвенный кризис; желание; соперничество; насилие; фейк; культура отмены.

In this article, the authors turn to an analysis of French thinker René Girard's mimetic theory of violence in order to clarify the relationship between desire, rivalry, and violence. Based on their mimetic nature, the authors argue the main idea: desire acts as fuel for rivalry and violence, which, in a state of crisis of sacrifice, expressed in the leveling of differences, creates risks of escalating violence. Understanding the interconnection and mimetic nature of desire and violence allows us to clarify both the nature of fakes in the information environment, the reasons for the increase in the level of aggression in the illusory impunity of the Internet environment,

and the danger of the culture of abolition, which generates a murderous ambivalent identity: executioner – victim.

Keywords: mimetic theory of R. Girard; sacrificial crisis; desire; rivalry; violence; fake; cancel culture.

В современном мире начала XXI в. одновременно осуществляются как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы, что, в целом, под вопрос ставит как стабильность и безопасность, так и суверенитет национальных государств, подрывая мирное международное сосуществование. Интеграция сфер жизнедеятельности человека как результат процесса глобализации девальвирует уникальность как национальных культур, так и индивидуума, стирая различия и формируя чудовищную тождественность. Конфликты приводят к разломам в структуре социально-экономических и культурных институтов, принимая общемировой характер. Мир вступает в ситуацию глобальных кризисов, находясь в нестабильном состоянии, а насилие обретает тотальный характер. Вместе с тем информационно-сетевое общество формирует новую платформу для диспозиции насилия. Индивид включен в процессы как реального, так и виртуального пространства, постепенно утрачивая осознание различий между ними и ощущая ложную безнаказанность и вседозволенность на фоне все усиливающего контроля информационной среды. В силу этого возникает необходимость обратиться к различным концепциям, раскрывающим феномен насилия, для того чтобы лучше понимать его и, соответственно, находить более эффективные механизмы и способы его минимизации.

Обратимся к анализу концепции насилия французского философа Рене Жирар, раскрывшего сущность институционализации ритуального жертвоприношения как гаранта стабильности и устойчивости общественного порядка. Выявив миметичность насилия, игнорирование которого неминуемо приведет к «жертвенному кризису», Р. Жирар задал направление в решении вопроса минимизации насилия. Концепция «жертвенного кризиса» Р. Жирара, несмотря на ее спорные и дискуссионные моменты, обладает методологическим потенциалом для понимания не только природы и сущности насилия, функциональной роли жертвоприношения в архаических сообществах, но и для раскрытия источников и механизмов насилия в современном мире. Анализируя архаические тексты обществ с помощью метода ретроспекции, Р. Жирар аргументировал тезис: насилие – фундаментальный элемент в зарождении культуры и ее дальнейшем развитии. В работах «Насилие и священное» [1] и «Козел отпущения» [2] Р. Жирар сделал акцент на сущности ритуалов жертвоприношения, их роли в антропогенезе и развитии человеческой культуры. Его основная идея заключается в том, что жертвоприношение выступает тем «цементирующим» элементом, благодаря которому происходит образование человеческого сообщества, интеграция его членов в единство и снижение конфликтности в обществе, минимизация насилия в целом [3].

Р. Жирар сформулировал собственное прочтение культуры сквозь призму теории мимесиса как шизофренического перетекания соперничающих желаний. Синтез желаний продуцирует антагонистические отношения, члены которых будут пытаться выявить различия. В каждый момент мимесис порождает новую взаимность, постоянно удваивая те же самые уловки, те же стратегии, усиливая, тем самым, эффекты зеркала [4, с. 201]. Борьба за признание, имплицитно содержащая желание, приводит к продуцированию доминантной модели поведения. Р. Жирар обращался к проблеме социальных аспектов подражания, определяя два рода мимесиса: обучения и присвоения (апроприации). Обучающий мимесис – созидаящий и направленный на преемственность во всех областях жизни. Мимесис апроприации – разрушающий, подвергаящий опасности целостность общественного тела. Его источником служит желание без объекта – дефицитность, проявляющаяся в неудовлетворенности и тревоге, подталкивающая к перманентному воспроизведению образца-препятствия. Если у человека миметическое играет фундаментальную роль, то неизбежно должно существовать и приобретаемое подражание, мимесис присвоения [4, с. 10].

Каждый, кто подражает иному человеческому «Я» (образ подражаемого), сталкивается с преградой, устраиваемой в процессе рассмотрения образца желания. Именно поэтому Double bind (двойной зажим) как результат фрустрации желания способствует развитию насильственных практик приобретения уже с ранних лет. Указания («подражай мне», «мне известен подлинный смысл жизни» и т. д.), принадлежащие к разным уровням коммуникации, формируют у человека склонность быть более подверженным к заразному свойству желания. Обращаясь к Эдипову комплексу З. Фрейда, Р. Жирар обнаруживает невидимую связь между миметическими эффектами и Эдиповым комплексом, что и зарождает соперничество [1, с. 206]. В свою очередь достижение желаемого возможно через нивелирование другого как субъекта желания. Поэтому насилие оказывается оборотной стороной желания, подпитывая бесконечный поток потребления, в котором человек, будучи низведенным до вещи, так же оказывается взаимозаменяемым и потребляемым. Миметическое желание вырождается в соперничество между оппонентами за человеческое «бытие», привлекая насилие – эффективный инструмент в борьбе. Парадокс насилия заключается в двойной роли: как инструмент и как собственно «бытие». Желание и насилие неразрывно связаны [1, с. 185].

Исходя из основных идей Р. Жирара, полагаем правомерным утверждать примат желания в устройстве человеческого «бытия». Амбивалентная трансгрессия миметического желания позволяет механизму насилия функционировать автоматически. Прямо пропорциональная зависимость между желанием и насилием указывает на «неистребимость» насилия. В «театре зависти» насилие прячется за маской, поэтому следует акцентировать внимание на имплицитность и тотальность насилия, встроенного в «здание» общества.

Миметическое соперничество – главный источник миметического насилия, позволяющий оппонентам дискредитировать друг друга. Ресентимент, зависть, ревность уподобляют вожделем, стирая действительные различия. Подражая истинному Богу, человек подражает образцам независимости и неуязвимости, отнюдь не приобретая упомянутые качества. Однако валидно и обратное: миметическое желание является благом по своей сути. Миметичность желания предоставляет человеку свободу и человечность. Вместе с тем миметизм превращает субъекта в марионетку, исключая конкурирующие интенции. Тождество поведения приводит к всеобщему хаосу обезличенности [2, с. 31]. Обезличенная масса девальвирует личность, поддается управлению и соблазнам подчинения. Миметичность желания предоставляет человеку выбор в пользу божественности или человечности, заставляя его не впасть в животное состояние. Целесообразно подчеркнуть, что миметическое желание амбивалентно: выступая в качестве мотивации для развития культуры, например, в формировании языков, одновременно с этим оно оказывается ответственным за порождаемое скрытое желание, в результате приводящее к пароксизму насилия.

Исходя из миметичной природы желания, Р. Жирар определял насилие как «жажду», как избыточную психофизиологическую энергию, которая должна быть устранена из коллектива посредством жертвоприношения. Насилие дезинтегрирует общество и является принципиально неустранимым, более того – миметическим, т. е. обладающим свойством взаимности: оно всегда вызывает ответное насилие. С точки зрения Р. Жирара, единственным выходом из такой ситуации является возможность посредством акта жертвоприношения перенаправить насилие, изменив тем самым его качество. Однако, как справедливо отмечал французский мыслитель, насилие «само умеет находить весьма основательные причины, когда хочет разразиться» [1, с. 8–9]. Тяготение человеческого сообщества к большей сплоченности предполагает определенного рода одинаковость, схожесть его членов. Стремление к подобию, с одной стороны, способствует интеграции, но, с другой стороны, срабатывает система с обратной связью: усиливается соперничество, желание подавлять и подчинять. В итоге возникает ситуация разрушительного насилия, т. е. миметический кризис. Преодоление этого кризиса возможно за счет перенаправления энергии, т. е. насилие, направленное на «всех против всех», должно трансформироваться в насилие «всех против одного» посредством конструирования фигуры «жертвы» или «врага». «Перехитрить насилие можно лишь постольку, поскольку ему предоставляют какой-то отводной путь, дают хоть чем-то утолить голод» [1, с. 11]. Проблема заключается в том, что, в итоге, перехитрить насилие не удастся, скорее сообщество оказывается в состоянии обманщика, обманувшего самого себя.

Ярким примером такой трансформации, согласно мысли Р. Жирара, является греческая трагедия, иллюстрирующая нерешенность конфликта: за-

тягивание его навечно за счет того, что между противниками нет никакой разницы. Трагедия представляет собой равновесие не справедливости, а насилия, раскрывая тайну о том, что у обеих сторон одни и те же основания, вернее – у насилия нет никаких оснований. Соответственно, трагическое действие представляет собой серию актов мести. Так, например, «судьба, всегда ироническая (иначе говоря, насилие), заставляет Геракла осуществить злейший план его соперника: он сам в конце концов и приносит свою семью в жертву. Чем дольше длится трагическое соперничество, тем сильнее оно поощряет мимесис насилия, тем больше создает зеркальных эффектов между противниками» [1, с. 66]. Таким образом, трагедия раскрывает нарушение правила замещения жертвы и символизирует жертвенный кризис как результат самообмана. Неразличимость антагонистов, жертвы и палача порождает «чудовищную» тождественность, убийственное сходство. Жертвенный кризис является кризисом различий, т. е. их стирания. Мир и порядок основаны на культурной дифференциации, на определенном структурировании, поэтому не сами различия, а их утрата вызывает сильнейшую конфронтацию, соперничество между тождественными друг другу членами сообщества. Р. Жирар справедливо отмечал, что если «насилие – сперва скрытое – жертвенного кризиса уничтожает различия, то само это уничтожение, в свою очередь, ускоряет ход насилия» [1, с. 69]. Таким образом, причина хаоса, несущего насилие, – не само различие, а его утрата. Именно об этом, т. е. о разрушении культурного порядка, говорит древнегреческая трагедия. Утрата различий оборачивается проявлением «обезразличенного насилия», которое сколь бы ограничено ни было вначале, способно распространиться и уничтожить все общество. Мифы и трагедии, с точки зрения Р. Жирара, несут в себе это неявное знание о насилии [3].

Глобализирующийся мир представляет собой определенную модель унификации экономики, политики и национальных культур, реализуемую за счет стандартизации индивидов, их социальных практик. Все это приводит к размыванию различий и формированию «чудовищной» тождественности, что, согласно основным позициям концепции «жертвенного кризиса» Р. Жирара, непосредственно ведет к разрушающему насилию.

Жертвоприношение как профилактический инструмент в борьбе с насилием напрямую связан с кризисом не только «жертвенным», но и священным. Место священного на современном этапе подменяют идеологические мифы, удобовоспринимаемые фейки, которые диктуют обществу новые тенденции в поисках священного. Сосредоточение благого в одном преобразовывается в симулякр сакрального. Происходит девальвация вictimных признаков, и жертвой может стать любой. Такое явление проследим на примере террористических актов. Терроризм предполагает достижение определенных политических целей, воздействуя на общество и общественное мнение. Первоочередная цель – запугать людей. Жертвами радикалов становятся случайные люди, оказавшиеся в поле влияния насилия только

потому, что уничтожено различие. Получается, что все оказываются двойниками друг друга, именно поэтому насилие терроризма «обезличивает» всех, стремясь захватить как можно больше жертв и сделать террористическое действие максимально ужасающим. Полагаем, что такое явление, как терроризм, возможно за счет появления двойников жертв, т. е. случайных жертв. Фигура жертвы не обладает уникальностью и различимостью для палача. Более того, акты терроризма ввергают современное общество в архаическую эпоху порождения насилия через озлобленность и месть. Таким образом, терроризм завязан на миметичности насилия через акты мести, и именно в этом коренится его сущность, а также возможности его минимизации. Как справедливо отмечал Р. Жирар, «чтобы прекратить месть (в наши дни чтобы прекратить войну), мало убедить людей в том, что насилие отвратительно; именно потому, что они в этом убеждены, они считают себя обязанными мстить» [1, с. 25].

В случае «жертвенного кризиса» целесообразно обратиться к проблеме неразличимости в интернет-пространстве. Анонимное использование интернет-ресурсов перекладывает ответственность с реального времени на виртуальное. Каждый «гость» интернета чувствует свободу, которая предоставляет возможность выплескивать агрессию и тем самым дает пространство насилию. Скрытность – гарант безопасности пользователя от прямого насильственного воздействия. На современном этапе интернет-пользователь занимает амбивалентную позицию, будучи одновременно жертвой и агрессором. Любой из оскорбляющих имеет возможность инверсироваться в жертву. Исходя из этого правомерно утверждать, что человек, распространяющий насилие в интернет-пространстве, переносит безнаказанность в ситуации во вне, тем самым нивелируя ответственность, накладываемую судебной системой. Касаясь этого аспекта проблемы, правомерно провести сравнение с паноптическим механизмом, который в цифровую эпоху разворачивается на уровне кибернетизма, что позволяет исследовать новые дискурсивные практики дисциплинарной власти. Хакерские атаки не оставляют лагун в интернет-пространстве, а пользователь остается под надзором, помещая личную информацию в сеть. «Современное общество – единственное, которое может вызывать миметическое желание в многочисленных сферах, не боясь развязать непоправимое горячее нагнетание системы, кибернетический выход из-под контроля» [5, с. 359].

Глобализирующие тенденции запустили процесс унификации культур, породивших убийственную схожесть. Стирание различий приводит к «чудовищной» двойственности, благодаря которой на авансцену выходит «жертвенный кризис», являющий насилие. Фигура «врага» по-разному конструируется в зависимости от распределения сил на международной политической арене, а культура отмены выступает средством нивелирования не только индивидов, но и целых народов. Таким образом, насилие, каждый раз перенаправляясь на новую фигуру «врага» и будучи латентным сред-

ством культуры отмены, препарирует социальное пространство, создавая зоны отчуждения. «Распространяясь, оно дезинтегрирует участников, настраив категорично друг против друга. Мы вошли в эпоху непредсказуемых проявлений враждебности» [1, с. 78]. Непредсказуемость – результат сокрытия миметической враждебности под масками демократических форм разрешения конфликтов.

Исходя из теории Р. Жирар, предположим, что заместительная жертва смогла бы вывести энергию насилия за пределы сообщества. Однако на современном этапе нет границ, за которые можно было бы вывести энергию насилия и спасти общество от пароксизма губительной миазмы. В условиях тотального жертвенного кризиса современности государство уже не представляет собой закрытого пространства, его границы прозрачны и пропускают не только денежные потоки и информацию, но и риски, насилие, а значит, иного русла для изменения направленности и качества насилия не существует. Новая архитектура социальной реальности стала развиваться в так называемом «сетевом поле», не предполагающем существования не только непрозрачных границ, но и четко фиксированного центра. В сложившейся ситуации важно понимать, что подведение под некий общий знаменатель уникальных в своем культурном проявлении народов, имеющих собственную историю, очень опасно. Культура отмены, стигматизируя народы и государства, создает ужасающую ситуацию «двойников», играя с огнем насилия.

Список использованных источников

1. *Жирар, Р.* Насилие и священное / Р. Жирар; пер. с фр. Г. Дашевского. – 2-е изд., испр. – Москва: Новое лит. обозрение, 2010. – 448 с.
2. *Жирар, Р.* Козел отпущения / Р. Жирар; пер. с фр. Г. Дашевского. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.
3. *Сидоренко, И. Н.* Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
4. *Жирар, Р.* Вещи, сокрытые от создания мира / Р. Жирар; пер. с фр. – Москва: Изд-во ББИ, 2016. – 518 с.
5. *Жирар, Р.* Ложь романтизма и правда романа / Р. Жирар; пер. с фр. А. Зыгмонта. – Москва: НЛО, 2019. – 352 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

А. В. Филиппович

Белорусская государственная академия искусств, Минск

A. V. Filippovich

Belorussian State Academy of Arts, Minsk

УДК 141.339(091)

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЗАПАДНОГО ЭЗОТЕРИЗМА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ

THE DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF WESTERN ESOTERICISM IN MEDIEVAL PHILOSOPHY

В статье исследуются концепции западного эзотеризма в средневековой философии, раскрываются их существенные черты. Особое внимание уделяется герметизму и неоплатонизму, послужившими основными источниками эзотерических идей. Анализируется роль магии, алхимии и астрологии в формировании средневековых концепций западного эзотеризма. Раскрывается историко-философское значение средневекового эзотеризма в развитии представлений о природе, познании и человеке.

Ключевые слова: средневековая философия; западный эзотеризм; герметизм; неоплатонизм; макрокосм; микрокосм.

The article deals with the concepts of esotericism in medieval philosophy, defining their essential features. Much attention is given to Hermetism and Neoplatonism, which served as the main sources of esoteric ideas. The author analyzes the role of magic, alchemy and astrology in the formation of medieval concepts of Western esotericism. Attempts are made to formulate the historical and philosophical significance of the ideas of medieval esotericism in the development of the concepts of nature, knowledge and man.

Keywords: medieval philosophy; Western esotericism; Hermetism; Neoplatonism; macrocosm; microcosm.

История западного эзотеризма насчитывает более двух тысяч лет, однако систематические научные исследования этого сложного феномена начались лишь несколько десятилетий назад. Сформировавшись в Античности, идеи эзотеризма в эпоху Возрождения породили течения современного западного эзотеризма, оказавшие значительное влияние на развитие философских, научных и религиозных представлений. Особый интерес представляет собой положение эзотеризма в эпоху Средневековья, поскольку этот обширный период, необходимый для полноценного понимания логики развития эзотерических идей, остается недостаточно изученным. Как и в другие эпохи, эзотеризм в Средневековье был связан с философией, религией, наукой и искусством, поэтому исследование «запретного знания» необходимо для понимания развития всех важнейших форм познания.

Формирование западного эзотеризма в Античности происходило в рамках таких эллинистических течений, как александрийский герметизм, неопифагорейство, стоицизм, неоплатонизм и гностицизм. Теория эзотеризма дополнялась практикой алхимии, магии, астрологии и разнообразных «ок-

культурных наук» – физиогномики, хиромантии, геомантии и др. Всё это наследие античной культуры получило новое осмысление и интерпретацию в рамках средневековых представлений. На рубеже Античности и Средневековья эзотерические идеи сохранялись в иудаизме, манихействе и гностицизме, а также распространялись в исламе, в котором они были интегрированы в новый религиозный контекст (здесь и далее цитаты из источников на иностранном языке даны в авторском переводе) [1, р. 27]. Тем не менее основными источниками, в которых представлен западный эзотеризм средневековья, являются теологические и философские сочинения, создававшиеся в русле христианства.

А. Февр выделил основные признаки эзотеризма: поиск аналогий и соответствий между различными уровнями реальности, выраженный принципами «что сверху, то и снизу», микрокосма и макрокосма, всеобщей взаимосвязи вещей; живой космос; творческое воображение, опирающееся на образы, символы, промежуточные существа и уровни реальности между Богом и материальным миром; убежденность в единстве всех философских и религиозных традиций; возможность духовной трансформации человека в процессе познания [2, р. 10–15]. Эти черты ярко представлены в герметизме и неоплатонизме, двух течениях Античности, послуживших основой для синтеза и творческого развития многообразных концепций западного эзотеризма в средневековой культуре.

Из философских произведений герметизма средневековые авторы знали только трактат «Асклепий». Остальные сочинения принадлежали к текстам герметизма на магические, астрологические и другие оккультные темы. Как языческое учение египтянина Гермеса Трисмегиста герметизм требовал переосмысления в контексте библейских представлений. Хотя еще во II в. до н. э. Артапан Александрийский отождествил Гермеса с Моисеем, философско-теологические интерпретации герметизма стали развиваться лишь в христианскую эпоху. Патристика сформировала представление, согласно которому за языческой религией Египта скрывался протохристианский монотеизм, а богословие Моисея произошло от египетского богословия: «И научен был Моисей всей мудрости Египетской» (Деян. 7:22). Поэтому герметизм, как египетская религия, имел право на включение в предысторию христианства [3, р. 38–39].

Первый шаг сделал Климент Александрийский, который в III в. предложил толковать герметизм, как и другие языческие учения, символически, открывая за экзотерической поверхностью скрытый эзотерический монотеизм [3, р. 40.]. В IV в. Лактанций утверждал, что Гермес уже в древности признавал единственного Бога, называя его, как и христиане, Богом и отцом, безымянным и всеобщим [4, с. 48]. И хотя Аврелий Августин обвинил Гермеса Трисмегиста в идолопоклонстве [5, с. 357], по случайному стечению обстоятельств этот важнейший философ патристики из критика герметизма превратился в его главного защитника. Трактат «Слово против

пяти ересей» Кводвультдея, епископа Карфагенского (ум. 454), восхвалявший Гермеса под влиянием Лактанция, по ошибке был включен в сборник произведений Августина и под его непререкаемым авторитетом оказал влияние на всё Средневековье [6, р. 479]. Согласно Кводвультдею, греческое название герметического трактата «Асклепий», «Совершенное слово» («Logos teleios»), – это указание на слово Божие, Логоса-Христа [7, р. 501]. В конечном счете в Средневековье утвердился образ Гермеса как обладателя изначальной высшей мудрости, которому были известны даже некоторые истины христианства. Вплоть до XII в. ссылки на герметизм встречаются редко – у Фабия Фульгенция, Седулия Скотта, поэта Варнерия Базельского (XI в.), Адальбольда II Утрехтского (ум. 1026) [7, р. 501]. Однако благодаря переводам с арабского герметизм получил новый импульс развития в эпоху зрелой схоластики. Этому способствовал также процесс синтеза герметизма с философией Платона и неоплатонизмом.

В Средневековье под именем Платона была представлена синкретическая смесь языческих и христианских источников, начиная от аристотелевских, стоических и неопифагорейских концепций и заканчивая средневековыми течениями платонизма и неоплатонизма [8, р. 837]. В христианском неоплатонизме Псевдо-Дионисия Ареопагита была разработана классификация ангелов, способствовавшая развитию такого принципа эзотеризма, как посреднические существа и промежуточные уровни реальности [9, р. 18]. Максим Исповедник (580–662), комментируя Псевдо-Дионисия, дал определение человека как «мастерской всех вещей» (*officina omnium*), заложив тем самым основу для концепций микрокосма, играющих важную роль в западном эзотеризме. Именно на соответствиях между микрокосмом и макрокосмом сосредоточены средневековые эзотерические теории природы [10, р. 173].

Опираясь на сочинения Псевдо-Дионисия и Максима Исповедника, Иоанн Скотт Эриугена (810–877) создал вариант христианского неоплатонизма, имевший большое значение для развития эзотерических идей вплоть до XIX в. [9, р. 21]. Его учение заложило основы средневековой философии природы, наполненной эзотерической тематикой. В насыщенном соответствиями иерархическом космосе Эриугены всё есть проявление Бога, а человек, как «мастерская всех вещей», представляет собой микрокосм.

В произведениях Исихора Севильского (570–636) ярко выражена главная характеристика западного эзотеризма – стремление открыть бесконечное число знаков в природе и представить их в виде обширных таблиц соответствий [9, р. 20]. Стремление к поиску аналогий и соответствий, проявившееся уже в философии раннего Средневековья, способствовало развитию представлений о живом многослойном космосе и о человеке как микрокосме.

В XII в. произошло возрождение интереса к природе, выразившееся в поисках соответствий и связей между видимыми и невидимыми

уровнями реальности [9, р. 26]. Темы микрокосма и макрокосма, а также философия природы заняли центральное место в Шартрской школе, стремившейся интегрировать платонизм, неоплатонизм и герметизм в систему христианских представлений. Бернард Сильвестр (1085–1160), Алан Лилльский (1120–1202), Теодорих Шартрский (1100–1155) вдохновлялись идеями герметического трактата «Асклепий», распространяя их на понимание Бога, природы и человека [7, р. 501–502]. В Шартрской школе характерная для эзотеризма опора на интуицию, воображение и символизм позволила разработать оригинальную живую и динамичную картину природы и человека.

Бернард Шартрский (1070–1130) и Гильом Коншский (1080–1154) создали на основе платоновского «Тимея» космологическую теорию, которая предвосхищает сложную многоуровневую магическую картину мира ренессансного эзотеризма. Бернард Сильвестр, вдохновляясь как платонизмом, так и герметизмом «Асклепия», в трактате «Космография» развивает концепции микрокосма и макрокосма, создавая типичную для эзотеризма картину мира, населенного многочисленными существами-посредниками – ангелами, демонами, духами и усиархами (правителями планет). В «Космографии» образ микрокосма, вдохновленный герметической концепцией человека как «великого чуда», максимально приближается к антропоцентричным представлениям ренессансного эзотеризма: «Выкован был человек с величайшим старанием Природой, главного мастера он шедевром истинным стал» [11, с. 129]. Это произведение оказало влияние на целый ряд средневековых мыслителей, среди которых были связанные с западным эзотеризмом Жан де Мён и Данте Алигьери [12, р. 169].

Ближайший последователь Бернарда Сильвестра Алан Лилльский развил в трактате «Плач природы» представление о человеке как микрокосме, тело которого состоит из четырех жидкостей, подобных четырем космическим первоэлементам. Разум он уподобляет высшей сфере неподвижных звезд, а чувственность – подвижным планетам: «Ибо движение разума, от небесного восходящее востока, пересекающее запад земных вещей, описывает круг и возвращается на небо благодаря созерцанию. И наоборот, планетарное движение чувственности против небосвода разума клонится к западу земных вещей» [11, с. 246].

Мистические видения Хильдегарды Бингенской (1098–1179) оказали влияние на ренессансный эзотеризм и движение Нью-Эйдж [13, р. 572]. Она создала сложную космологию, основанную на идеях шартрских платоников. Разветвленная система аналогий и соответствий воплощена в её учении о человеке как микрокосме, заключающем в себе небо, землю и все вещи. Грехопадение нарушило гармонию четырех первоэлементов, поэтому они приходят в неистовство, когда люди ведут войны [14, р. 136]. Идея Хильдегарды о влиянии грехопадения на природу станет одной из главных тем в таком течении эзотеризма, как христианская теософия [9, р. 29].

В произведениях Гонория Августодунского (1080–1154) на основе идей Эриугены развивается неоплатоническая символическая картина космоса. В учении о микрокосме Гонорий разработал обширный список соответствий между частями тела человека и частями природы [9, р. 29].

Вместе с наследием герметизма и неоплатонизма в средневековую мысль вошли магия, алхимия, астрология, теургия и другие оккультные дисциплины, воспринимавшиеся как науки, необходимые для познания природы. Отношение к магии в Средневековье было преимущественно отрицательным. Августин в трактате «О граде божьем» осуждает «волхования и прорицания», составленные «...по правилам науки, измышленной нечестивым любопытством, – науки, известной или под именем магии, или под более мерзким названием гозтии, или под названием более почетным – теургии» [5, с. 417]. Тем не менее начиная с XII в. интерес к магии возрастает. Существенную роль в этом процессе сыграл исламский мир, откуда на латинский запад пришла значительная часть сочинений по астрологии, магии и алхимии.

Трактат «Пикатрикс» араба Норбара был переведен на латынь и стал одним из главных источников средневековых магических представлений. Этот текст был использован такими представителями ренессансного эзотеризма, как Агриппа Неттесгеймский, Парацельс и Иоганн Тритемий. Стремление повысить авторитет магии проявлялось в том, что авторство большого количества магических текстов, подробно излагавших способы общения с Богом путем теургии и использования символов, приписывалось Соломону [14, р. 280].

В XII в. Доминик Гундиссалин, переводчик арабских текстов, включил в раздел «Физика» трактата «О разделении наук» астрологию, магию и алхимию [15, р. 726]. Винсент из Бове (1190–1264) в трактате «Зерцало природное» представил алхимию как науку. В переведенном с арабского алхимическом трактате «Собрание философов» впервые сформулирована принципиально важная для западного эзотеризма идея «вечной философии», утверждающая единство всех духовных традиций.

Важным фактором в развитии средневекового эзотеризма стало учение Франциска Ассизского, способствовавшее росту интереса к природе. Францисканцы реализовали этот интерес в занятиях алхимией и создании натурфилософских теорий, развитии идей герметизма и неоплатонизма.

У францисканца Роберта Гроссетеста (1168–1253) эзотерическая тематика представлена в концепции микрокосма, философии природы, интересе к астрологии и алхимии. К эзотеризму относится и учение Гроссетеста о свете как первой телесной форме, порождающей космос. Подобную концепцию будет развивать Фридрих Этингер, один из крупнейших представителей христианской теософии [9, р. 43].

Алхимия, астрология и магия занимают существенное место в учении францисканца Роджера Бэкона (1214–1292), стремившегося применить

эзотерические знания для углубленного понимания природы. Р. Бэкон был убежден в существовании тайного знания, содержащего божественную мудрость и передававшегося через библейских святых и пророков, а от них – египетским, халдейским и другим мудрецам [16, р. 157]. Идеи Р. Бэкона получили высокую оценку таких представителей ренессансного эзотеризма, как Джованни Пико делла Мирандола, Агриппа Неттесгеймский и Джон Ди.

Алхимия и астрология были важной частью интересов Герберта Реймского, Папы Римского Сильвестра II (946–1003). Он создал сложную астрологическую систему, которая имела значительное влияние на развитие эзотеризма.

Майкл Скот (ум. 1236), которого Данте в «Божественной комедии» за репутацию мага и чародея поместил в ад, в своем энциклопедическом труде «Ведение в астрологию» изложил историю астрологии от Зороастра до Папы Римского Сильвестра II. Картина космоса в этом произведении опирается на принципы неоплатонизма и герметизма. Согласно М. Скоту, астрология является благороднейшим из семи свободных искусств из-за своей достоверности; она уступает только теологии и составляет основу многих других отраслей знания, включая магию [7, р. 522].

Для формирования западного эзотеризма имело значение развитие религиозных концепций, среди которых особое место занимает каббала. Как эзотерическое учение в рамках иудаизма каббала сформировалась в поздней Античности, однако ее влияние на западный эзотеризм проявилось только в эпоху Возрождения.

Точно неизвестно, был ли знаком с каббалой францисканец Раймунд Луллий (1232–1316), однако его идеи заняли прочное место в христианской каббале как течения западного эзотеризма. Р. Луллий продолжает традицию средневекового неоплатонизма, послужившую источником вдохновения для его «Великого искусства» – систематического метода для реализации одной из важных идей западного эзотеризма – пансофии, универсального знания [17, р. 22]. Р. Луллий, выросший среди мусульман на Майорке, сам изучил арабский язык и испытал влияние теософских идей крупного представителя исламского эзотеризма суфия Ибн-Араби [18, р. 246]. «Искусство» отразило философию Р. Луллия, в которой Бог как бесконечное бытие может быть познан лишь через атрибуты или имена, представляющие собой, как и в каббале, принципы сотворения мира. «Искусство» представляет собой не просто набор соответствий, а целостный способ познания, который пронизывает все аспекты жизни [19, р. 43]. Использование букв в «Великом искусстве» для комбинирования концепций поразительно напоминает каббалу. Это сходство не прошло незамеченным для философов эпохи Возрождения, сделавших «Искусство» Р. Луллия частью христианской каббалы. М. Фичино, Дж. Пико делла Мирандола и Дж. Бруно почерпнули у Р. Луллия значительную часть своих знаний и методов: «...луллизм занимает прочное место в высокой философии Ренессанса и ассимилируется

различными направлениями герметико-каббалистической традиции» [20 с. 243]. «Искусство» с XIV в. начинает применяться в алхимических трактатах, публиковавшихся под именем Р. Луллия.

Для развития эзотеризма имели значение и другие идеи, возникшие в рамках средневековой мысли. Учение о трех периодах истории Иоахима Флорского (1132–1202) оказало влияние на различные варианты эзотерической историософии, включая ренессансные концепции и христианскую теософию, а также современное движение Нью-Эйдж, в котором будущая «Эра Водолея» моделируется по аналогии с третьим царством Святого Духа итальянского богослова. Богатое наследие средневекового эзотеризма не ограничивалось рамками философии и было отражено в архитектуре, живописи, литературе и музыке.

Развитие идей западного эзотеризма в средневековой философии показывает, что творческое переосмысление герметизма и неоплатонизма, концепций макрокосма и микрокосма позволило создать сложную картину природы с разнообразными соответствиями и аналогиями. Эзотерическая картина космоса была дополнена углубленным пониманием человека, способного использовать магию, астрологию и алхимию для познания природы. Эзотерические идеи Средневековья заложили основы ренессансного эзотеризма и в дальнейшем сыграли существенную роль в развитии философии вплоть до Гегеля. На сегодняшний день значительная часть наследия западного эзотеризма вошла в концепции движения Нью-Эйдж.

Список использованных источников

1. *Stuckrad, K. von. Western Esotericism: A Brief History of Secret Knowledge* / K. von Stuckrad. – London: Equinox Publishing Ltd., 2005. – 167 p.
2. *Faivre, A. Access to Western Esotericism* / A. Faivre. – New York: State University of New York Press, 1994. – 380 p.
3. *Ebeling, F. The Secret History of Hermes Trismegistus: Hermeticism from Ancient to Modern Times* / F. Ebeling. – New York: Cornell University Press, 2007. – 175 p.
4. *Лактанций. Божественные установления. Книги I–VII* / Лактанций. – Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2007. – 512 с.
5. *Блаженный Августин. Творения: в 4 т.* / Блаженный Августин. – Санкт-Петербург: Алетея; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – Т. 3: О Граде Божием, книги I–XIII. – 595 с.
6. *Lucentini, P. Hermes Trismegistus II: Middle Ages* / P. Lucentini // *Dictionary of Gnosis and Western Esotericism* / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 479–483.
7. *Lucentini, P. Perrone Compagni, V. Hermetic Literature II: Latin Middle Ages* / P. Lucentini, V. Perrone Compagni // *Dictionary of Gnosis and Western Esotericism* / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 499–529.
8. *Leijenhorst, C. Neoplatonism II: Middle Ages* / C. Leijenhorst // *Dictionary of Gnosis and Western Esotericism* / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 837–841.
9. *Faivre, A. Ancient and Medieval Sources of Modern Esoteric Movements* / A. Faivre // *Modern Esoteric Spirituality* / ed.: A. Faivre, J. Needleman. – London: SCM Press, 1993. – P. 1–70.
10. *Faivre, A. Theosophy, Imagination, Tradition: Studies in Western Esotericism* / A. Faivre. – New York: State University of New York Press, 2000. – 305 p.

11. Шартрская школа / О. С. Воскобойников [и др.]; под ред. О. С. Воскобойникова. – Москва: Наука, 2018. – 457 с.
12. *Lemoine, M.* Bernard Silvester / M. Lemoine // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 169.
13. *Newman, B.* Hildegard of Bingen / B. Newman // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 571–572.
14. *Thorndike, L.* History of Magic and Experimental Science: in 8 vol. / L. Thorndike. – New York: Columbia University Press, 1923. – Vol. II. – 1036 p.
15. *Fanger, C.* Magic III: Middle Ages / C. Fanger, F. Klaassen // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 724–731.
16. *Fanger, C.* Roger Bacon / C. Fanger // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 156–158.
17. *Magee, G.* Hegel and the Hermetic Tradition / G. Magee. – Ithaca, New York / London: Cornell University Press, 2001. – 304 p.
18. *Merkur, D.* Gnosis: an Esoteric Tradition of Mystical Visions and Unions / D. Merkur. – Albany: State University of New York Press, 1993. – 400 p.
19. *Versluis, A.* Restoring Paradise: Western Esotericism, Literature, Art, and Consciousness / A. Versluis. – New York: State University of New York Press, 2004. – 174 p.
20. *Йейтс, Ф.* Искусство памяти / Ф. Йейтс. – Санкт-Петербург: Университет. кн., 1996. – 479 с.

(Дата подачи: 05.02.2025 г.)

О. Г. Шаврова

Белорусский государственный университет, Минск

O. G. Shavrova

Belarusian State University, Minsk

УДК 378.012.1

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РАЗВИТИИ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

HIGHER EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF THE NEW ECONOMY

В статье исследуются основные направления трансформации процессов в системе высшего образования в условиях становления и развития новой экономики. Анализируются актуальные модели и концепции высшего образования. В ракурсе компетентностного подхода раскрывается специфика фундаментализации как образовательной тенденции современного университета. Выявляются роль и значение дисциплин социально-гуманитарного цикла в формировании универсальных компетенций, которые относятся к числу наиболее востребованных образовательных результатов в инновационной экономике, основанной на знаниях.

Ключевые слова: высшее образование; новая экономика; человеческий капитал; инновации; компетентностный подход; универсальные компетенции; личностно-деятельностная парадигма образования.

This article explores the main directions of transformation within the higher education system in the context of the emergence and development of the new economy. It analyzes contem-

porary models and concepts of higher education. From the perspective of the competency-based approach, the article reveals the specifics of fundamentalization as an educational trend in the modern university. The role and significance of social and humanitarian disciplines in shaping universal competencies are identified, as these competencies rank among the most in-demand educational outcomes in the knowledge-based innovative economy.

Keywords: higher education; new economy; human capital; innovation; competency-based approach; universal competencies; learner-centered paradigm of education.

Проблемы высшего образования приобретают все большую остроту и насущность в условиях перехода к новой экономике, развитие которой обеспечивается наукоемкой инновационной деятельностью, современными информационно-коммуникационными технологиями, нематериальными ценностями и активами. Человеческий капитал, знания и инновации, научные достижения и высокие технологии в реалиях новой экономики становятся ведущими факторами долгосрочного экономического роста и устойчивого развития общества. Возрастают роль и значение образования и науки, детерминирующих возможности положительной социально-экономической динамики посредством повышения уровня знаний, генерации новых идей и технологических разработок, формирования высокоуровневого человеческого капитала как важнейшего производительного фактора и наиболее ценного стратегического ресурса инновационного развития общества.

Рассмотрение человеческого капитала в качестве движущей силы инновационной экономики, доминантой которой является интеллектуальная составляющая, определяется новыми формами взаимодействия между производством и потреблением, в значительной степени обусловленными особой ролью науки и образования в жизни общества. Инвестиции в фундаментальную науку и интеллектуальный человеческий капитал в новой экономике, основанной на интенсивном использовании знаний, создают необходимую базу современных инновационных процессов, превращаясь в наиболее эффективный способ размещения ресурсов [1; 2]. Повышение качества высшего образования, учитывая особую роль высшей школы в развитии инновационной экономики, формирует необходимые предпосылки успешной деятельности по инвестированию в продуктивный индивидуальный, коллективный и общественный человеческий капитал.

Социальная ценность и функциональный статус высшего образования в развитии инновационно-ориентированного общества в значительной степени определяются усилением экономической активности современных университетов в контексте общей глобальной тенденции коммерциализации образования, реализации стратегии управления знаниями и инновационными процессами. В условиях новой экономики преимущественное значение приобретает модель «треугольника знаний» (образование – наука – инновации), частично пересекающаяся с концепцией «третьей миссии» университетов и моделью «тройной спирали». В «треугольнике знаний» университеты выполняют функции генератора знаний посредством осу-

ществления образовательных программ и научно-исследовательских проектов; социальная активность университетов способствует их дальнейшей успешной деятельности в создании инновационных продуктов, процессов и услуг [3, с. 6].

Актуальность функциональной модели «треугольника знаний» обусловлена системным интеграционным подходом к многоаспектным взаимосвязям и взаимодействию образовательной, научной и инновационной деятельности с акцентированием ключевой роли университета как важнейшего субъекта производства знания. Отражая существенный вклад высшего образования в развитие науки и создание инноваций, данный подход обосновывает триединство важнейших составляющих социально-экономического роста: образования и подготовки высококвалифицированных кадров, академических исследований и генерации новых знаний, а также бизнес-инноваций [4, с. 11]. Университеты рассматриваются как системообразующая основа «треугольника знаний», поскольку именно от них зависит наполнение всех составляющих его частей. Конкретизируется понимание «третьей миссии», предполагающей ведущую роль сферы высшего образования в социально-экономическом развитии, процессах генерации и трансфера новых знаний и технологий в неакадемический сектор, социальную вовлеченность в общественную жизнь, укрепление сотрудничества с другими сферами инновационной деятельности в достижении целей устойчивого развития.

Выполняя функцию информационного интегратора, университет приобретает статус ведущего звена процесса высокоинтеллектуальной инновационной деятельности, осуществляемой в интенсивном взаимодействии образовательных и научных структур с бизнесом и производством. Образование, исследования (наука) и взаимодействие с обществом являются основными направлениями деятельности университета третьего поколения; в экономике знаний и инноваций «университеты становятся драйверами странового лидерства за счет качества их интеллектуального капитала» [5, с. 714].

Главенствующее положение университетов как наиболее значимых с точки зрения генерации и распространения знаний институциональных структур акцентируется в модели «тройной спирали» инноваций. Данная модель отражает многомерные взаимосвязи, интерактивную координацию и сетевой характер взаимоотношений, образующихся в триаде «университеты – предприятия – государство», совместное действие которых направлено на создание динамичной инновационной среды и коммерциализацию высокотехнологичных разработок. Интегральный синергетический эффект спирали, звеньями которой являются наука, бизнес и властные структуры, проявляется в непрерывном обновлении и наращивании инноваций.

В модели «тройной спирали» обосновывается необходимость тесного сотрудничества и взаимной координации образования, науки и инновационной деятельности, при этом «третья миссия» университета определяет-

ся перспективой его преобразования в предпринимательскую структуру, которая должна стать источником роста экономики знаний и инноваций. Обращая внимание на приобретение университетами новых функций в обществе, основанном на знаниях, Г. Ицковиц отмечает: «Трансформация университетов из образовательных и научно-исследовательских учреждений в предпринимательские сопровождается гибридизацией их миссий» [6, с. 7]. Модель «тройной спирали» подразумевает создание университета нового типа, который занимает лидирующие позиции в обществе путем реализации образовательной, научно-исследовательской и коммерческой миссий в непрерывном горизонтально-сетевом взаимодействии с другими звеньями спирали инноваций. Предусматривается гибкость реализации данной модели, представляющей собой матрицу возможных состояний современных экономических систем, конфигурация которых определяется социальным и культурным контекстом инновационных процессов.

Парадигма современного высшего образования сфокусирована на ключевых компетенциях как важнейших составляющих формирования будущих специалистов с учетом текущих и перспективных потребностей рынка труда. Компетенции, которые определяются способностью эффективно использовать приобретенные знания, умения и навыки в различных областях деятельности, сегодня относятся к числу ожидаемых результатов обучения. Функциональная грамотность – способность осуществлять практико-ориентированную деятельность, применять полученные знания в различных сферах жизни и изменяющихся контекстах – рассматривается как цель и результат образовательного процесса, стратегический ориентир реформирования систем образования [7]. В современном образовании в целом прослеживается вектор «от обучения к учению», направленность процесса обучения на самореализацию личности в творческой деятельности, формирующей потребность в знаниях, готовность к непрерывному обучению, познавательной и коммуникативной активности, умение работать в команде и координировать свою деятельность с другими, способность к адаптации в быстро меняющихся условиях, взаимодействию с интеллектуальной средой и новейшими технологиями.

Построенное сообразно компетентностному подходу образование отличается прикладной и практико-ориентированной направленностью: акценты все больше смещаются с передачи знаний на формирование умений и навыков ими пользоваться, с усвоения учебной информации на приобретение соответствующего опыта решения реальных практических задач. Особую актуальность для высшей школы при этом приобретает проблема оптимального сочетания фундаментального образования и профессионально-прикладной подготовки специалистов. Магистральной тенденцией университетского образования является фундаментализация, предполагающая переход от узкой специализации к универсализации посредством усиления методологических и социально-культурных аспектов образовательного про-

цесса. Расширение и углубление фундаментальной компоненты высшего образования обеспечивают необходимую инвариантность профессиональной подготовки, которая оказывается наиболее востребованной в условиях инновационной экономики.

Возрастающий темп происходящих социальных, экономических и научно-технических изменений обуславливает необходимость профессиональной мобильности и постоянного обновления комплекса базовых знаний. Вследствие этого высшее образование в значительной степени фокусируется на развитии у обучающихся способности успешно адаптировать полученные знания, умения и навыки к практической деятельности. К числу приоритетов высшего образования в условиях постиндустриальной инновационной экономики относится универсальность образовательного результата, предполагающая взаимосвязанность предметного знания и ключевых компетенций, рассмотрение компетенций как универсальных способов деятельности, актуализация которых определяется конкретными условиями социальной динамики. Универсальные, профессиональные и предметно-специализированные компетенции, представляющие собой основной результат обучения, создают необходимые предпосылки для реализации и востребованности будущего специалиста на рынке труда в стандартных и изменяющихся ситуациях профессиональной деятельности, продолжения обучения на последующих уровнях высшего образования и далее – непрерывного обучения на протяжении всей жизни.

В эпоху глобальной цифровизации возрастает значимость высшего образования в воспроизводстве интеллектуальных ресурсов как основы интеллектуального капитала общества, интенсифицирующего динамику инновационного роста экономики. Ключевые компетенции становятся неотъемлемой составляющей парадигмы современного высшего образования, предполагающей социальную активность университета, соотнесение опыта образовательной практики с доминирующими тенденциями социального, экономического и научно-технологического развития. Переход от предметно-знаниевого подхода к компетентностному предполагает активное использование новых методов, форм и средств обучения, инновационных педагогических технологий, цифровых возможностей и цифрового образовательного контента [8, с. 244]. Цифровая информационно-образовательная среда университета, организованная с учетом современных стандартов развития информационно-коммуникационных технологий, создает необходимые условия для формирования цифровой грамотности и цифровых компетенций будущего.

В условиях новой экономики профессиональные и универсальные компетенции определяют конкурентоспособность специалиста на рынке труда. Высшее образование, построенное на базе компетентностного подхода, приобретает статус важнейшего фактора формирования человеческого капитала как стратегического ресурса инновационного развития общества.

В контексте происходящих в мире глобальных социальных и экономических изменений одним из ведущих направлений развития национальной системы высшего образования является расширение и углубление социально-гуманитарной составляющей образовательного процесса с целью формирования гармоничной, всесторонне развитой личности, обладающей критическим мышлением, развитым чувством ответственности и активной гражданской позицией.

Приоритетные направления гуманитаризации образовательного процесса и совершенствования социально-гуманитарной подготовки специалистов в национальной системе образования определяет утвержденная в 2022 году Министерством образования Республики Беларусь Концепция оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования. Концепция нацеливает учреждения высшего образования на повышение качества социально-гуманитарной подготовки обучающихся посредством приобретения ими универсальных компетенций, которые определяются как «компетенции, отражающие способности специалиста применять базовые общекультурные знания и умения, а также социально-личностные качества, соответствующие запросам государства и общества» [9]. Одной из новелл в данном случае выступает расширение использования компетентностного подхода, задающего алгоритм проектирования ожидаемых результатов обучения в виде ключевых компетенций посредством включения в учебные программы по учебным дисциплинам в системе высшего образования результатов обучения, согласованных с сущностью и содержанием универсальных компетенций. К числу задач, обеспечивающих достижение цели Концепции, относится «обеспечение формирования универсальных (социально-личностных) компетенций обучающихся, основанных на гуманитарных знаниях, эмоционально-ценностном и социально-творческом опыте и обеспечивающих решение и исполнение гражданских, социально-профессиональных, личностных задач и функций в изменяющихся социально-экономических условиях» [9].

Доминирующие тенденции глобальной социодинамики и особенности современных культурно-цивилизационных процессов определяют возрастающее значение социально-гуманитарного знания и образования в сохранении духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и преемственности поколений, формировании современного мировоззрения, развитии интеллекта и культуры личности. Дисциплинам социально-гуманитарного цикла принадлежит значимая роль в формировании соответствующих насущным и перспективным требованиям социально-экономической сферы универсальных социально-личностных компетенций, профессиональной культуры и этики специалиста с высшим образованием.

Значение института высшего образования в условиях перехода к новой экономике возрастает, принимая во внимание его существенный вклад

в формирование человеческого капитала как ведущего фактора социального и экономического развития общества. Интегрированный в систему современного высшего образования компетентностный подход, который в настоящее время признается ключевым, предполагает повышение качества образовательного процесса, усиление его практико-ориентированной составляющей с целью получения образовательных результатов, спроектированных в соответствии с запросами рынка труда и задачами новой экономики. Учитывая глобальный характер социокультурных трансформаций, происходящих в современном мире, основные параметры изменений, которые направлены на повышение качества и конкурентоспособности высшего образования, важно соотносить с главными мировыми трендами, глобальными вызовами и рисками информационного общества, инновационной траекторией развития современной экономики.

Список использованных источников

1. *Викторова, Е. В.* Высшее образование и человеческий капитал в инновационной экономике / Е. В. Викторова // *Инновации.* – 2011. – № 6. – С. 100–107.
2. *Максимова, И. В.* Человеческий капитал и эффективность инвестиций в него / И. В. Максимова, Ю. А. Симагин // *Народонаселение.* – 2024. – Т. 27, № 3. – С. 111–123.
3. *Вонортас, Н.* Роль университетов в «треугольнике знаний» / Н. Вонортас // *Форсайт.* – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 6–8.
4. *Унгер, М.* «Треугольник знаний» между сферами науки, образования и инноваций: концептуальная дискуссия / М. Унгер, В. Полт // *Форсайт.* – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 10–26.
5. *Толстикова, Е. А.* Интеллектуальный капитал университета третьего поколения: структура и подходы к оценке / Е. А. Толстикова // *Креативная экономика.* – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 711–734.
6. *Ицковиц, Г.* Модель тройной спирали / Г. Ицковиц // *Инновации.* – 2011. – № 4. – С. 5–10.
7. *Старченко, В. Н.* Функциональная грамотность как ориентир реформирования систем образования / В. Н. Старченко, А. Н. Сергеенко // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки.* – 2022. – № 13. – С. 7–11.
8. *Шаврова, О. Г.* Универсальные компетенции будущего в контексте цифровой трансформации высшего образования / О. Г. Шаврова // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. / редкол.: В. А. Гайсенко [и др.].* – Минск: РИВШ, 2023. – С. 239–245.
9. Концепция оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования: утв. Министром образования Респ. Беларусь 29 апр. 2022 г. // Республиканский портал проектов образовательных стандартов высшего образования. – URL: <https://edustandart.by/vse-novosti/utverzhdienie-dokumentov/133-kontseptsiya-optimizatsii-soderzhaniya-struktury-i-ob-ema-tsikla-sgd> (дата обращения: 18.02.2025).

(Дата подачи: 24.02.2025 г.)

О. В. Швабовская

Белорусский государственный университет, Минск

O. V. Shvabouskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 174

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ВОЕННОГО ДЕЛА В СОВЕТСКОЙ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКЕ

FEATURES OF PROFESSIONAL ETHICS OF MILITARY AFFAIRS IN SOVIET APPLIED ETHICS

Статья посвящена выявлению особенностей профессиональной этики военного дела в советской прикладной этике. Первая особенность состоит в том, что этика военнослужащего, как и всякого советского человека, должна была основываться на коммунистических убеждениях. Вторая группа нравственных характеристик воина имела общечеловеческий смысл, однако их интерпретация носила специфически идеологический характер. Третья особенность нравственного кодекса советского военнослужащего имела профессиональный характер и была связана с воинской дисциплиной, иерархией и боевым товариществом.

Ключевые слова: советская этика; прикладная этика; профессиональная этика; этика военнослужащего.

This article is devoted to identifying the features of professional ethics of military affairs in Soviet applied ethics. The first is that the ethics of a military man, like any Soviet person, had to be based on communist convictions. The second group of moral characteristics of a soldier had a universal human meaning, but their interpretation was of a specifically ideological nature. The third feature of the moral code of a Soviet serviceman was of a professional nature and was associated with military discipline, hierarchy and military comradeship.

Keywords: soviet ethics; applied ethics; professional ethics; ethics of a military man.

Обращение к этике военного дела в современных условиях обладает актуальностью по нескольким причинам. Во-первых, хотя война долгое время считалась явлением, которое в современной цивилизации должно быть преодолено, общества продолжают воевать, а новый гибридный характер войны привлекает внимание к этическим аспектам воинского дела. Во-вторых, несмотря на то, что этика часто рассматривает насилие как зло и осуждает войны, воинское дело, как и всякая деятельность, обладающая социокультурной значимостью, обладает собственной профессиональной этикой. Более того, воинский этос исторически стал основой ряда универсалий морали [1]. Исследование его исторических форм и статуса в современном мире является важным. В-третьих, рассматривая социальную структуру общества, следует отметить значимость социальной группы, отвечающей за обеспечение военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь, ее суверенитета, независимости и территориальной целостности [2]. Этот особый статус как предоставляет привилегии, так и предъявляет особые

требования, в т. ч. требования профессиональной этики. В-четвертых, прикладная этика в целом привлекает сейчас большое внимание в силу своего действенного характера и воспитательного значения. В этом плане советская прикладная этика в целом и этика военного дела в частности заслуживают внимания и изучения. Цель данной статьи – выявление особенностей профессиональной этики военного дела в советской прикладной этике.

В структуре этики советского периода профессиональная этика занимала важное место. Считалось, что это связано с гуманизацией общественного труда в условиях социализма. Профессиональная этика развивалась на пересечении теоретического, нормативного и прикладного направлений марксистской этики, ее содержание определялось специфическими задачами конкретного вида деятельности [3, с. 105]. Как отмечала советская исследовательница Е. Г. Федоренко, с образованием профессиональных групп возникает социальная потребность в регулировании индивидов внутри них [4, с. 13]. Нравственная оценка профессии обществом обуславливается двумя факторами: во-первых, тем, что данная профессия объективно дает для общественного развития; во-вторых, тем, что она дает человеку субъективно, в смысле нравственного на него воздействия. Всякая профессия выполняет определенную социальную функцию, представители этой профессии имеют свои цели и чувство общественной значимости, внутри каждой профессиональной группы складываются определенные специфические связи и отношения людей. В каждой профессии существуют свои моральные «искушения», моральные добродетели и пороки, возникают определенные противоречия и вырабатываются своеобразные способы их разрешения.

Советские авторы рассматривали прикладную этику в социально-историческом и классовом контекстах. Поведение человека рассматривалось с позиции системы моральных ценностей, закрепленных в обществе. Поэтому считалось, что в капиталистической формации формально автономные, независимые индивиды связаны «вещной» зависимостью, которая определяет их частнособственнические интересы. В социалистическом же обществе в качестве основной ценностной ориентации выступает достижение общественного блага, а оно связано с реальными усилиями личности и ее отношением к труду. Социалистическое отношение к труду морально расценивалось как единственно правомерный способ общественного самутверждения и обеспечения личного достоинства, а трудолюбие – как такое нравственное качество, которое обеспечивает справедливый способ достижения личных интересов и целей [4, с. 259].

В 60-е гг. XX в. в Советском Союзе основные принципы морали были оформлены в моральный кодекс строителя коммунизма. Профессиональные же моральные кодексы находились в тесной связи с общей системой нравственности, конкретизируя ее применительно к данной профессии. Как отмечал видный советский этик А. И. Титаренко, «при социализме складывается тенденция к постепенному стиранию различий в степени разви-

тия морального сознания профессиональных групп. Достоинство всякого конкретного труда, всякой профессии в конечном счете утверждается тем, насколько последовательно воплощают в своей деятельности ее представители общие принципы коммунистической нравственности» [3, с. 270].

Однако к некоторым видам профессиональной деятельности в советском обществе предъявлялись повышенные моральные требования. Связано это с правом таких профессионалов на распоряжение значительными материальными ценностями, с правом на принятие ответственных решений в сфере управления либо с тем, что данный вид труда требует высокой солидарности и согласованности действий. Кроме того, специфические моральные требования складываются у тех профессиональных групп, объектом деятельности которых выступает человек. Военное дело соответствует всем этим критериям. Его регуляция осуществлялась особыми правовыми средствами: моральные установки были закреплены в Конституции СССР, в конституциях союзных республик, фиксировались в государственных присягах, в законодательных положениях и служебных установлениях, а их нарушение влекло уголовную или дисциплинарную ответственность [3, с. 271]. Однако одних только правовых средств регуляции оказывается недостаточно, возникает необходимость в этических кодексах поведения для профессий, от эффективности которых зависят мир и здоровье человека, защита основных общественных ценностей. Особые моральные кодексы складываются в тех видах деятельности, которые связаны с исполнением специфических общественных функций, например воинской службы. При этом специалисты отмечали, что сущностью нравственного воспитания специалиста в любой области является его «идейно-гражданская закалка, выработка способности к самостоятельной ориентации в трудовой деятельности с помощью профессионально-нравственного идеала, развитых механизмов долга и совести» [3, с. 281]. Приоритет общественных интересов над личными, четкое исполнение долга, способность к правильному моральному выбору вменялись в обязанность.

Наиболее развернуто особенности советской профессиональной этики военного дела представлены в книге Д. А. Волкогонова «Беседы о воинской этике» [5]. Он поддерживает общую для прикладной этики стратегию неразрывной связи нравственных аспектов военной сферы с политическими, социальными и идеологическими процессами в социалистическом обществе [5, с. 5]. Однако в конкретном проявлении моральных норм, качеств, нравственных отношений у служащего в советской армии обнаруживается немало специфического, что находит свое выражение в воинской этике. Военная служба предъявляет повышенные требования к моральным качествам личного состава. Так, например, проявление трусости не только морально осуждается, но и попадает под действие закона. В военной среде пристально следят за исполнением норм и правил, порядка и дисциплины, которые имеют и нравственные аспекты.

Во-первых, в нравственном идеале советского военнослужащего выделялись его идеологические характеристики. В основе нравственных качеств военного лежат *коммунистические убеждения*, преданность социалистической Родине и коммунистической партии, а нарушение принципов и норм коммунистической морали военнослужащими оценивалось значительно строже, чем у представителей других видов деятельности. Важной нравственной ценностью военнослужащего был *патриотизм*, который подразумевает стремление человека сделать свое Отечество сильным и процветающим, обуславливает его готовность выступать на защиту Родины. В советской этике выделяется то обстоятельство, что истинный патриотизм возможен только после преодоления эксплуататорских отношений в обществе, с победой социалистического государства. Поэтому патриотизм включает не только гордость богатством страны и ее историей, но и преданность коммунистическим идеалам. У военнослужащего патриотизм обязательно включает деятельностный аспект, активную защиту Родины, стремление к совершенствованию воинского мастерства. Еще одной гранью советского патриотизма представлялся его интернационалистский характер, поскольку Советский Союз был многонациональной страной, а также оказывал интернациональную помощь странам, вступившим на путь социализма. *Гражданственность* – еще одно моральное качество служащего в вооруженных силах советского гражданина, которое понималось как постоянная готовность сознательно, бескорыстно и добровольно служить народу, интересам трудящихся [5, с. 23]. Важной чертой гражданственности является гордость за социалистическую Родину. Армейская служба, готовя воина, выполняет важную общенародную и общегосударственную задачу: воспитывает гражданина страны, способного ставить интересы общества на первое место и служить им.

Во-вторых, в число нравственных качеств советского воина были включены общечеловеческие характеристики, адаптированные к виду профессиональной деятельности, например, *моральная ответственность воина* за добросовестное исполнение поставленных задач, зачастую в трудных условиях. Помимо прочего, моральная ответственность предполагала личное стремление к профессиональному и духовному совершенствованию, добросовестное исполнение воинского долга. Поэтому в нравственном облике военнослужащего вменялась в обязанность ответственность перед самим собой, совестливое и осознанное стремление всегда поступать по справедливости и чести. *Совесть* предполагает способность действовать в соответствии с данными обещаниями и обязательствами, а для военного это в первую очередь обязательство служить Родине и обществу, борьбе за идеалы. Советская этика вменяла военнослужащему и в целом гражданину чувство глубокого внутреннего обязательства перед страной, коллективом, семьей. Такие моральные связи человека с различными социальными группами имеют позитивную сторону: будучи включенным в тесное взаимо-

действие на всех социальных уровнях, человек растет сам и приумножает общественное благо.

Д. А. Волконогов отмечал, что понятие *воинской чести* разнится в Советском Союзе и в западных странах, для которых, как он полагал, характерна легализация преступлений против человечности, в то время как нравственные идеалы советской армии несут в себе истинно гуманистические ценности. Воинская честь, с одной стороны, предполагает личное чувство чести, ответственное отношение к своему статусу военного, а с другой – возникает в результате общественного одобрения заслуг военнослужащего и его воинского подразделения. В глазах окружающих честь воина выражается в моральном авторитете, репутации, поэтому военные, перейдя на гражданские должности, сохраняют чувство чести.

Что касается *героизма*, то это явление историческое. Каждой общественно-экономической формации соответствуют свои нормы героизма и типы героев, но есть общий момент, который их объединяет. По мнению Д. А. Волконогова, духовным двигателем подвига является идейная убежденность, воля же выступает «рабочим инструментом» героического поступка [5, с. 69]. Воинский героизм отражает в единстве моральное стремление солдата к подвигу и его дисциплинированность, способность повиноваться.

Следующее нравственное качество, выделенное в воинской этике, – это *моральная стойкость воина*. В войне, характерной для индустриального типа общества, решающая роль принадлежит человеку. Военно-техническая революция не упраздняет, а обогащает содержание одного из важнейших законов войны, который гласит, что от морально-политического состояния населения и армии зависит не только ход и исход войны, но и степень готовности к ней. Ни в коей мере не умаляя значения других факторов, влияющих на достижение победы, вопросы морально-политической и психологической подготовки войск к боевым действиям приобретают особое значение. Способность народа и армии вынести самые тяжелые испытания войны и не утратить воли к борьбе и победе и есть моральная стойкость воина, дающая ему духовную опору, моральную решимость и уверенность в торжестве справедливости.

Немаловажным для воинской этики является общий образ жизни военного, его нравственная культура, которая включает в себя правила общения с людьми на службе и в быту, поведение в общественных местах, характер проявления моральных потребностей и интересов, организацию свободного личного времени, эстетические вкусы, культуру речи и внешнего облика. Моральная норма состояла в том, что и при выполнении своих профессиональных обязанностей, и в личной жизни военнослужащий следует таким нормам, как добросовестность, пунктуальность, исполнительность, тактичность, почтение к старшим, являясь, таким образом, эталоном нравственных качеств.

В-третьих, нравственные требования к военнослужащему прямо включены в присягу и воинские уставы, которые представляют собой незыблемые законы воинской жизни. В советской этике отмечалось, что моральная и правовая стороны этих законов образуют единство, которое заключается в том, что социалистическое право и принципы коммунистической морали выражают коренные интересы трудящихся [5, с. 85]. Дополняя друг друга, правовая и моральная стороны присяги и уставов действуют весьма эффективно, позволяя успешно оказывать воспитательное воздействие на личный состав. Основополагающую роль в военном деле выполняет *дисциплина* – специфический вид общественных взаимоотношений, посредством которых осуществляется строгая регуляция поведения людей для соблюдения ими норм, правил, порядка. Воинская дисциплина характеризуется высокой степенью категоричности, обязательности и субординации, так как существует необходимость точного выполнения приказов, беспрекословного повиновения командирам, согласованности действий, грамотной эксплуатации техники [6]. Воинская дисциплина не ограничивается внешним принуждением, она основана на самодисциплине, в которой на первый план выходит идейная убежденность личности, когда внешнее требование совпадает с внутренним моральным побуждением. Говоря о воинской этике, нельзя не упомянуть понятие «*боевого товарищества*» [5, с. 96], которое ставит общие интересы на первый план, означает готовность бойца в любую минуту прийти на помощь товарищу, проявить верность дружбе, поделиться всем, что имеет, с соратниками.

Таким образом, в советской прикладной этике были разработаны важнейшие составляющие профессиональной этики военного дела, которые образуют три взаимосвязанные группы со своими особенностями. Первая состоит в том, что этика военнослужащего, как и всякого советского человека, должна была основываться на коммунистических убеждениях. Вторая группа нравственных характеристик воина имела общечеловеческий смысл, однако их интерпретация носила специфически идеологический характер. Третья особенность нравственного кодекса советского военнослужащего имела чисто профессиональный характер и была связана с воинской дисциплиной, иерархией и боевым товариществом.

Такая структура нравственного кодекса военнослужащего во многом сохраняется и в Республике Беларусь. Рассмотренные группы нравственных представлений можно обнаружить в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь [7], в Кодексе чести офицера Вооруженных Сил Республики Беларусь [8], в преподавании дисциплины «Культура воинской деятельности» в Военной академии Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Беляева, Е. В. Воинский этос и универсалии морали / Е. В. Беляева // Философия и социальные науки. – 2008. – № 2. – С. 34–38.

2. Закон Республики Беларусь о Вооруженных Силах от 3 ноября 1992 г. № 1904-XII // Законодательство Беларуси. – URL: https://tammby.narod.ru/belarus-zakon/zakon_1904-1992.htm (дата обращения: 16.02.2024).

3. Марксистская этика: учеб. пособие для вузов / А. И. Титаренко, А. А. Гусейнов, В. И. Бакштановский [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Политиздат, 1980. – 352 с.

4. Федоренко, Е. Г. Профессиональная этика / Е. Г. Федоренко. – Киев: Вища шк. Изд-во при Киев. ун-те, 1983. – 216 с.

5. Волкогонов, Д. А. Беседы о воинской этике / Д. А. Волкогонов. – Москва: Изд-во ДОСААФ, 1977. – 160 с.

6. Скрыльник, А. И. Нравственность и дисциплина воина / А. И. Скрыльник. – Москва: Воениздат, 1964. – 96 с.

7. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30100355> (дата обращения: 16.02.2024).

8. Кодекс чести офицера Вооруженных Сил // Министерство обороны Республики Беларусь. Военно-информационный портал. – URL: https://www.mil.by/ru/all_about/ounion/#4 (дата обращения: 16.02.2024).

(Дата подачи: 21.02.2025 г.)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

О. В. Беркова

Белорусский национальный технический университет, Минск

O. V. Berkova

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 303.101

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРИРОДА И МЕХАНИЗМЫ

INNOVATIVE DEVELOPMENT IN A MARKET ECONOMY: NATURE AND MECHANISMS

Внедрение инноваций является результатом действия внутренних механизмов развития рыночной экономики, так как оно напрямую связано с производством прибыли. Производство прибыли, в свою очередь, заложено в стремлении реализации базовых человеческих потребностей, в частности в потребности в безопасности.

Ключевые слова: инновации; инновационное развитие; прибавочная стоимость; прибыль; потребность в безопасности.

The introduction of innovations is the result of the internal mechanisms of development of the market economy, as it is directly related to the production of profit. The production of profit, in turn, is embedded in the desire to realize basic human needs, in particular, the need for security.

Keywords: innovation; innovative development; added value; profit; need for security.

В последние десятилетия в отечественной экономической науке возрастает исследовательский интерес к проблемам инноваций и инновационного развития. Этот интерес вполне объясним, поскольку инновационная парадигма является как единственным путем повышения конкурентоспособности субъектов нашей экономики на мировых рынках, так и одним из важных факторов обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Республики Беларусь.

Однако вызывает некоторое недоумение то, что в отечественных исследованиях, в первую очередь диссертационных, до сих пор наблюдаются попытки определить понятия «инновации», «инновационное развитие», «инновационная деятельность», «инновационный потенциал» и др.

Общепризнанным автором понятия экономической инновации считается Й. Шумпетер. Именно он оказался первым экономистом, который ввел понятия «нововведение» и «инновация» и связал их с темпами экономического развития в своей книге «Теория экономического развития», которая вышла в 1911 году. «...Целесообразность подачи и изложения материала вынуждает нас иметь в виду именно данный случай, когда речь идет о новой комбинации средств производства. Форма и содержание развития в на-

шем понимании в таком случае задаются понятием «осуществление новых комбинаций» [1, с. 140].

Таким образом, инновационное развитие, по Й. Шумпетеру, охватывает весьма широкий спектр явлений (т. е. абсолютно все, что можно включить в понятие «новое» в экономическом развитии), о чем он и пишет далее: «Это понятие охватывает следующие пять случаев:

а) изготовление нового, т. е. еще неизвестного потребителям, блага или создание нового качества того или иного блага;

б) внедрение нового, т. е. данной отрасли промышленности еще практически неизвестного, метода (способа) производства; ...

в) освоение нового рынка сбыта; ...

г) получение нового источника сырья или полуфабрикатов;

д) проведение соответствующей реорганизации, например, обеспечение монопольного положения (посредством создания треста) или подрыв монопольного положения другого предприятия» [1, с. 140].

Как видим, в довольно прозаичном определении инноваций Й. Шумпетера просматривается некая объективная необходимость дальнейшего экономического развития рыночной системы, причем механизмы реализации этой необходимости не раскрываются.

В своем исследовании при ответе на вопрос о внутренних механизмах инновационного развития мы будем исходить прежде всего из того, что «при решении проблемы выявления сущности изучаемых явлений применительно к хозяйственной жизни ... многое зависит от начального звена («экономической клеточки»), которое закладывается в основание теории и затем разворачивается в системное знание» [2, с. 95].

Далее мы будем исходить из того, что «в процессе экономического развития связи генетически возникают одна из другой, и каждая вновь возникшая связь изменяет предыдущую, ... поэтому порядок отвлечения и исследования экономических связей строго определен» [3, с. 13–14].

Главное отношение, главная связь в нашем исследовании будет выделена таким образом, что природа инноваций будет представлена как явление, имеющее непосредственную связь с природой прибыли. Стремление к прибыли в процессе хозяйственной жизни людей – внутренний механизм экономического развития общества независимо от самой стадии этого развития. Уже на самых ранних этапах развития человеческого общества стремление к прибавочному продукту как гаранту некоего запаса, способствующего выживанию при неопределенности будущего, имело место быть.

Это объясняется четко прослеживающимися мотивами человеческой деятельности, исходя из иерархии основных человеческих потребностей, которые отражены в известной пирамиде А. Маслоу. Базовыми, то есть первичными потребностями человека являются физиологические потребности (в пище, одежде, жилище и т. п.), потребность в безопасности и потребность в социализации. Однако далеко не все могут объяснить, почему

сразу после удовлетворения физиологических потребностей человек стремится удовлетворить потребность в безопасности. Здесь необходимо отметить, что прибавочный продукт при натуральном хозяйстве, прибавочная стоимость и прибыль в развитом рыночном хозяйстве всегда выступали как гарант определенной стабильности и защищенности независимо от того, благоприятными или нет будут условия существования в будущем.

Почему прибыль является необходимым атрибутом и почему в обществе действует специализированный институт прибыли – ответ на этот вопрос пытались получить многие исследователи, в частности представители современного институционального направления в экономической теории. В западной традиции понятие «прибыль» используется под иными названиями – «излишек потребителя» и «излишек производителя». Однако это не мешает исследователям разных направлений, но прежде всего институционализма, выделять институт прибыли как постоянное отношение, которое обеспечивает выживание экономических субъектов.

По этому поводу и, в частности, относительно развитых рыночных отношений представитель современного российского институционализма, автор теории институциональных матриц С. Г. Кирдина пишет: «На наш взгляд, институт прибыли обеспечивает наличие и воспроизводство необходимого в условиях частной собственности постоянного “страхового запаса”, в котором нуждается обособленный производитель. ... Невозможность мгновенного совершения хозяйственного цикла и перерыв в переходе к следующему хозяйственному циклу означает, что для выживания основных участников экономики в эти периоды необходимо иметь тот самый излишек, который позволит пережить это время и вступить в следующий хозяйственный цикл. ... Поэтому наличие прибыли означает, что возможно воспроизводство хозяйственных отношений, т. е. формируемый в ходе действия данного института объем прибыли и институциональное закрепление приемлемых в обществе условий ее получения выступает меткой, сигналом того, что все благополучно, хозяйственный процесс не прекращается» [4, с. 132–133].

Объясняя природу производства прибыли в своем исследовании, мы будем исходить из того, что стоимость создаваемого продукта в первую очередь состоит из затрат на здания, сооружения, станки, машины, оборудование, точнее, из амортизационных отчислений на их использование. В экономической теории все вышеперечисленное имеет название «постоянные издержки».

Следующей составляющей стоимости продукта является сырье, материалы и затраты на рабочую силу, то есть то, что принято относить к переменным издержкам. Однако, согласно теории К. Маркса, затраты на рабочую силу занимают среди прочих видов издержек особое место. К. Маркс в своем основном труде «Капитал» подчеркивал, что источником всякой прибыли является прибавочная стоимость, которая, в свою очередь, про-

исходит из неоплаченного труда рабочих. Логика подобных рассуждений такова: рабочему на капиталистическом предприятии выплачивается не вся сумма денег, заработанных им в процессе труда, а только стоимость средств его существования. О том, что зарплата должна складываться из стоимости средств существования рабочего, говорили разные представители экономических школ еще до К. Маркса. Однако именно К. Маркс сделал акцент на том, что заработная плата – это не плата за труд, а всего лишь оплата средств существования рабочего. Значительная часть произведенного рабочим труда не оплачивается капиталистом, а присваивается последним в виде прибавочной стоимости. Таким образом, имеет место капиталистическая эксплуатация наемного труда – основной порок данного способа производства. Далее следовал вывод о том, что последний должен быть ликвидирован (по причине своей несправедливости) путем упразднения частной собственности и установления способа производства, в котором все трудящиеся будут иметь равное отношение к средствам производства и, соответственно, для эксплуатации наемного труда не останется оснований.

Основная идея К. Маркса обосновывала функционирование капиталистического общества как способа производства, где всякая прибыль – и промышленного капиталиста, и торгового, и банкира – есть результат перераспределения прибавочной стоимости, которая создается в материальном производстве и не оплачивается наемному работнику. Прибыль в советской политэкономии даже называлась *превращенной формой* прибавочной стоимости. Подобная логика представляла эксплуатацию наемного труда как главный и основной источник прибыли.

Однако множество причин (удорожание стоимости рабочей силы за счет необходимости постоянного повышения ее квалификации, в том числе путем дополнительного образования, далее за счет необходимости ее социальной защиты и, наконец, постоянная борьба рабочего класса за свои права) привели к тому, что доля оплаченного труда рабочих в общей массе прибавочной стоимости с конца XIX века постоянно увеличивалась, тем самым уменьшая степень эксплуатации наемного труда. Поэтому необходимо рассмотреть и другие пути увеличения прибавочной стоимости, которые касаются данной составляющей стоимости производимого продукта – стоимости рабочей силы.

Два из них (строго говоря, даже три) были подробно освещены еще в «Капитале» К. Маркса. Первый – это производство абсолютной прибавочной стоимости, то есть такое ее производство, которое достигается за счет удлинения рабочего дня или (что аналогично) повышения интенсификации труда. Этот путь имеет свои естественные пределы хотя бы потому, что рабочий день нельзя удлинять бесконечно. Стоимость средств существования при этом тоже логично растет, но этот рост компенсируется зарплатой в гораздо меньшей степени, чем увеличивается при этом прибавочная стоимость.

Когда естественные пределы роста абсолютной прибавочной стоимости начинают ощущаться, возникает вопрос, каким еще образом можно эту самую прибавочную стоимость увеличить. Ответ на него опять же дает классическая политэкономия. Увеличить прибавочную стоимость другим путем можно «при *повышении производительности труда* в отраслях, изготавливающих предметы потребления рабочих, а также в отраслях, выпускающих средства производства, применяемые при изготовлении этих предметов потребления. Так возникает производство относительной прибавочной стоимости, и ее основой является рост производительности труда» [5, с. 192].

Разновидностью относительной прибавочной стоимости является избыточная прибавочная стоимость, которая производится не повсеместно (хотя к ее производству стремятся все), а на отдельных предприятиях. Это происходит потому, что производительность труда рабочих этих предприятий по сравнению со средним для данной отрасли уровнем производительности является более высокой. Важно отметить, что производство избыточной прибавочной стоимости не связано, как в случае с производством относительной прибавочной стоимости, с понижением стоимости рабочей силы. Оно связано с улучшением техники и организации производства на отдельных предприятиях, однако и в случае производства относительной прибавочной стоимости, и в случае производства избыточной прибавочной стоимости речь идет о всеобщем и разнообразном повышении производительности труда. Подобный рост и достигается, говоря современным языком, за счет внедрения инноваций, в данном случае за счет использования новых технологий и новой техники, а также новой промышленной организации производства.

Однако это далеко не все пути получения и увеличения прибыли как основной цели хозяйственной деятельности людей. Согласно Й. Шумпетеру, к инновациям относится не только использование новых технологий и новой техники, а также новой промышленной организации производства, но и открытие новых источников сырья.

Так, новые источники известного и уже существующего сырья количественно увеличивают его предложение, соответственно, при том же спросе, уменьшая его цену. Таким образом, доля сырья и материалов в стоимости произведенного продукта уменьшается, а прибыль (при неизменности других параметров, в первую очередь рыночной цены) – увеличивается.

Что касается освоения новых рынков сбыта как следующей разновидности инноваций по Й. Шумпетеру, то тут необходимо обратить внимание на известный еще со времен Д. Рикардо закон тенденции нормы прибыли к понижению – еще один внутренне встроенный механизм хозяйственной жизни людей.

Суть этого закона сводится к следующему. Внутриотраслевая ценовая конкуренция заставляет производителей снижать издержки на единицу продукции. Это делается для того, чтобы при необходимости снижения цены,

например, в период кризиса товарного перепроизводства и не только, иметь возможность данного снижения сколь угодно долго за счет сокращения прибыли. Снижение цены до уровня издержек и ниже грозит производителю разорением, поэтому приходится постоянно думать, как снизить издержки.

Снижение издержек на единицу продукции достигается внедрением более производительной техники и технологий. Но более производительная техника, как правило, во-первых, более дорогая, что увеличивает долю постоянных издержек в стоимости создаваемого продукта; во-вторых, одновременно она позволяет обходиться меньшим количеством живого труда. Но, как известно, без живого труда вообще невозможно никакое производство, не говоря уже о производстве прибавочной стоимости и, далее, прибыли. На производстве, использующем малое количество живого труда или вообще его не использующем (заводы-автоматы, например), доля прибавочной стоимости минимальна, а прибыль «приходит» благодаря межотраслевой конкуренции, в результате перераспределения прибавочной стоимости из отраслей с более высокой долей живого труда.

Однако поскольку законы рыночной экономики диктуют необходимость повсеместно внедрять новую технику и технологии, то это ведет к увеличению доли затрат на них в стоимости производимого продукта, далее к уменьшению доли живого труда в современном производстве как всеобщей тенденции и, далее, к тотальному уменьшению нормы прибыли. Уменьшение нормы прибыли, т. е. доли прибыли в стоимости производимого продукта, заставляет увеличивать ее количественно путем производства все большего количества товаров. А поскольку внутренние рынки не всегда могут поглотить возрастающую по вышеописанной причине товарную массу, то жизнь заставляет осваивать новые – внешние – рынки, т. е. выходить за пределы национальной экономики.

Таким образом, мы видим, что необходимость освоения новых рынков, которая, по Й. Шумпетеру, также относится к инновационному развитию, опять же заложена в необходимости увеличения прибыли.

И наконец, последняя (точнее, первая, если строго следовать теории инноваций Й. Шумпетера) составляющая инновационного развития – создание новых товаров. За этим «созданием» в его сущности опять же стоят процессы, не видимые явно, при поверхностном рассмотрении. Дело в том, что «истинная» рыночная экономика предполагает обязательное наличие конкуренции и именно той, которая близка к совершенной или чистой ценовой конкуренции. При такой конкуренции право выбора всегда имеет потребитель, он «король» на рынке, и выбирает он, если речь идет об однородных, а не дифференцированных товарах, те из них, которые дешевле. Производитель в данной ситуации занимает положение подчиненное, он не контролирует цену, которая постоянно понижается в результате игры рыночных сил. Для него эта ситуация очень неприятна, так как напрямую ведет к уменьшению прибыли. Именно поэтому, как утверждает экономическая теория, нет

такого производителя, который не стремился бы перевести свой товар из сферы совершенной конкуренции в сферу несовершенной. Это происходит по причине того, что при несовершенной конкуренции, будь то монополистическая конкуренция, олигополия или тем более монополия, производитель может сам устанавливать цену и (или) изменять ее в нужном направлении. Для этого всего лишь надо довести до потребителя и доказать ему некую *истинную или мнимую уникальность* произведенного товара, то есть доказать, что для повышения цены на него (и, соответственно, прибыли для себя, хотя об этом никто не говорит открыто) имеются веские основания. Вот что на самом деле стоит за положением о *производстве новых товаров*, когда речь идет о нем как о составляющей инновационного развития.

Таким образом, мы видим, что «внедрение инноваций» происходит больше автоматически, в результате определенных закономерностей хозяйственной деятельности людей. И поскольку здесь речь идет о человеке, человеческой практике и далее – об общественном развитии в целом, то «инновационные процессы» тесно связаны на всем протяжении истории человечества с базовыми потребностями человека (вспомним пирамиду потребностей А. Маслоу), а также с основными мотивами и стимулами его хозяйственной деятельности.

Другое дело, что в определенных условиях, особенно тех, которые характерны для малых стран с открытой экономикой (каковой является Республика Беларусь), автоматическое действие инновационных механизмов затруднено. Например, в Беларуси не получили должного развития венчурные фонды, которые как массовое явление присутствуют в странах Запада, особенно в США, не на должном уровне внедрена и поддерживается антимонопольная политика и т. д. Безусловно, инновационное развитие в таких странах, как Беларусь, предполагает определенный контроль, регулирование и поддержку со стороны государства. В то же время проведение подобных мероприятий остается малоизученным явлением, что делает особенно актуальными специальные исследования на эту тему.

Список использованных источников

1. *Шумпетер, Й.* Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – 3-е изд. – Москва: Ленанд, 2022. – 398 с.
2. *Рязанов, В. Т.* Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. / В. Т. Рязанов. – Санкт-Петербург: Наука. 1998. – 796 с.
3. *Степин, В. С.* Методы научного познания / В. С. Степин, А. Н. Елсуков. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 152 с.
4. *Кирдина, С. Г.* X- и Y-экономики: институциональный анализ / С. Г. Кирдина. – Москва: Наука, 2004. – 255 с.
5. Курс политической экономики: учеб. пособие для экон. вузов и фак.: в 2 т. / под ред. Н. А. Цаголова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Экономика, 1970. – Т. 1. – 760 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

И. М. Вашко

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

I. M. Vashko

The Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.2

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК БАЗИС ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ¹

TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT AS A BASIS FOR INCREASING THE EFFICIENCY OF BELARUSIAN INDUSTRY

Исследовано технологическое развитие промышленности Беларуси, выявлены проблемные вопросы и дана оценка ее уровню развития. Рассмотрены автоматизация и роботизация как фактор повышения эффективности промышленного сектора страны. Предложены направления развития промышленности с учетом основных технологических трендов в условиях глобализации. Обоснована необходимость повышения эффективности использования технологического потенциала страны.

Ключевые слова: технологический уровень развития; эффективность промышленности; высокотехнологичное производство; технологические тренды; роботизация; импортозамещение.

The technological development of the industry of Belarus is studied, problematic issues are identified and its level of development is assessed. Automation and robotization are considered as a factor in increasing the efficiency of the industrial sector of the country. Directions for the development of industry are proposed taking into account the main technological trends in the context of globalization. The need to increase the efficiency of using the technological potential of the country is substantiated.

Keywords: technological level of development; the efficiency of industry; high-tech production; technological trends; robotization; import substitution.

В современных условиях для экономики Беларуси повышение эффективности развития промышленности, в том числе в высокотехнологичной сфере, является одним из условий обеспечения экономической безопасности и формирования глобальной конкурентоспособности. Способность самообеспечения страны необходимыми ресурсами соответствующего качества и в объеме, достаточном для функционирования экономической системы в настоящих условиях и в перспективе с учетом прогнозной востребованности в ресурсах и необходимости ее развития в конкурентной среде, рассматривается как глобальная конкурентоспособность национальной экономики [1, с. 27]. Импортозамещение в высокотехнологичной сфере,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ (договор № Г23-110 от 02.05.2023, номер госрегистрации 20231097).

определяемое технологическим уровнем и его ростом, определяют технологическую безопасность национальной экономики.

Повышение эффективности промышленного развития ставит ряд задач, к которым относятся разработка промышленных образцов импортозамещающей продукции, внедрение передовых технологий, создание современных технологических систем, обеспечивающих экономическую эффективность для производства, использование для этого новейших технических достижений – средств автоматизации и роботизации. Решение данных задач неразрывно связано с оптимизацией применяемых и созданием принципиально новых бизнес-моделей на основе инновационных технологических решений, совершенствованием бизнес-процессов организаций.

Цель исследования – определение перспективных направлений технико-технологического развития промышленного сектора Беларуси, повышающих его эффективность.

Исследование базируется на аналитическом подходе к изучению возможностей повышения эффективности промышленности Беларуси с учетом основных современных технологических трендов глобального промышленного развития, использовании методов системного анализа и синтеза.

Для обеспечения эффективного развития промышленности, импортозамещения необходимым является эффективное использование технико-технологического потенциала национальной экономики. При определении возможных направлений технологического развития важное значение имеет оценка технологического уровня промышленности Беларуси. Результаты проведенных исследований позволяют отметить, что промышленный комплекс страны базируется преимущественно на традиционных технологических укладах, что отражает структура добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности (таблица 1).

Таблица 1

Структура добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности по уровню технологичности, в процентах

Виды производств	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Обрабатывающая промышленность	100	100	100	100	100
Низкотехнологичные производства	33,9	37,0	34,8	36,8	34,3
Среднетехнологичные производства (низкого уровня)	29,2	26,3	28	26	27,4
Среднетехнологичные производства (высокого уровня)	22,8	21,9	23,4	23,5	24,3
Высокотехнологичные производства	2,8	3,3	3,1	3,4	4,0

Примечание: 1. Источник: [2].

2. Группировка по уровню технологичности сформирована по видам экономической деятельности, относящимся к обрабатывающей промышленности, в соответствии с рекомендациями Евростата и ОЭСР.

Можно отметить, что удельный вес высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности страны, как и в общем объеме экспорта, не является значимым.

В то же время освоение инновационной продукции в машиностроительном комплексе промышленного сектора Беларуси является достаточно активным [4]. Инновационная деятельность в промышленности осуществляется на основе Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, отраслевых программ, научно-технической программы Союзного государства «Интелавто», планов промышленных предприятий. Программно-целевой подход позволил обеспечить положительную динамику развития высокотехнологичных и среднетехнологичных обрабатывающих производств в 2023 г., что отражают данные таблицы 2.

Таблица 2

Индекс производства по высокотехнологичным и среднетехнологичным (высокого уровня) обрабатывающим производствам

Виды производств	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Высокотехнологичные и среднетехнологичные (высокого уровня) обрабатывающие производства	109,2	106,7	100,8	97,2	109,2
Высокотехнологичные виды деятельности	106,7	101,9	101,3	106,4	113,5
Среднетехнологичные (высокого уровня) виды деятельности	109,5	108,	100,7	95,8	108,3

Примечание: Источник: [2].

Актуализация повышения эффективности промышленной политики и импортозамещения отражается в результатах ее реализации в 2023 г. Тем не менее недостаточно активное использование технологического потенциала отразилось на производстве высокотехнологичных, в том числе импортозамещающих продуктов, имеющих высокую добавленную стоимость. Обеспечение возможности промышленности создавать добавленную стоимость на основе использования отечественных ресурсов ставит задачу активного импортозамещения, оптимизации факторов инновационной деятельности.

Можно отметить, что проблемы развития промышленности имеют структурный характер для национальной экономики и включают не только высокотехнологичные продукты. В проведенных в Беларуси и других странах исследованиях также отмечается недостаточно высокий уровень технологичности белорусской промышленности [1; 3; 4].

Реализация программно-целевого подхода к развитию промышленности, импортозамещению на протяжении ряда лет ориентирована преимущественно на эволюционный путь развития общественного производства. Организационно-экономический инструментарий для внедрения прогрессивной техники и технологий в области импортозамещения используется

недостаточно эффективно. Формирование профессиональных компетенций работников, необходимых для повышения эффективности импортозамещающей деятельности на основе внедрения прогрессивных технологий, сохраняет свою значимость. Необходимым является развитие инновационной экосистемы и инновационной инфраструктуры.

При разработке и реализации промышленной политики особенно важным является обеспечение импортозамещения сложных технических и интеллектуальных продуктов. Следует учитывать, что в условиях воздействия санкций снижение доступа к высококачественным промежуточным продуктам влияет на качество производимой в стране продукции и спрос на них на внутреннем и внешних рынках.

Необходимость выделения стратегии ускоренного технологического развития как главного государственного стратегического приоритета Беларуси обосновывается в ряде исследований [4–6].

При разработке и реализации промышленной политики в Беларуси нельзя не принимать во внимание новые прогрессивные технологии, которые являются результатом технологических прорывов. В то же время при выборе тех или иных технологий нельзя не учитывать рыночный спрос, потребности потребителей, особенности нормативного правового регулирования, воздействующие на процесс разработки новой продукции или услуг, прогнозы и результаты анализа рынка, информацию о развивающейся ситуации и тенденциях развития рынка.

В современных условиях в промышленном развитии можно выделить основные международные технологические тренды: направленность на устойчивое развитие; активно развивающуюся автоматизацию и роботизацию и внедрение циркулярных бизнес-моделей; обеспечение эффективной связи (коммуникаций) и безопасности; развитие человеко-машинного интерфейса [7].

Использование средств автоматизации при оптимизации бизнес-процессов, создании новых бизнес-моделей фокусируется на рационализации производства и содействии устойчивости его развития. Внедрение промышленных роботов, «умных предприятий», аддитивных производств революционизирует организацию производства, повышая его эффективность и сокращая отходы. Применение современных бизнес-моделей направлено на устойчивое использование ресурсов, а инновации в разработке и использовании новых материалов в процессах производства и переработки минимизируют воздействие на окружающую среду и соответствуют более широким целям устойчивого развития.

При разработке и реализации промышленной политики на предприятиях Беларуси следует учитывать, что автоматизация, дополненная в последние десятилетия экспоненциально растущей мощностью информационных технологий, приводит к изменениям в производительности труда, повышению продуктивности производственных процессов. В современных условиях

именно обрабатывающая промышленность стала сферой наиболее динамичного развития автоматизации во многих странах мира.

Важным аспектом является то, что использование искусственного интеллекта (ИИ) позволяет программировать оборудование на автономное выполнение процессов на основе изучения успешных примеров выполнения подобных задач. Как отмечает Д. Р. Аутор, базовые технологии, к которым можно отнести программное обеспечение, оборудование и данные для обучения и др., быстро совершенствуются. Благодаря процессу исследования, обучения, поддержки алгоритмы машинного обучения могут предложить варианты решения задач, применения технологий, которые оказались пугающе сложными для кодификации с помощью имеющихся процессов и процедур [8].

В настоящее время мировыми лидерами по применению промышленных роботов являются Южная Корея, Сингапур, Китай. В 2024 г. внедрение промышленных роботов на 10 тыс. чел. в обрабатывающей промышленности составило: в Южной Корее – 1072 единицы оборудования (в 2017 г. – 631 ед.), в Сингапуре – 770 ед. (в 2017 г. – 488 ед.), Китае – 470 ед. (в 2017 г. – 68 ед.), Германии – 429 ед. (в 2017 г. – 309 ед.), Японии – 419 ед. (в 2017 г. – 303 ед.), США – 295 ед. (в 2017 г. – 189 ед.) [9].

Широкое внедрение промышленных роботов создает преимущества не только в росте производительности труда, сокращении длительности производственного цикла, снижении затрат, но и в обеспечении высокого уровня качества производимой продукции. При роботизации следует учитывать, что необходимо обеспечивать высокий уровень загрузки производственных мощностей предприятий, использовать эффект масштаба за счет значимых объемов производства и продаж на глобальном рынке, что позволяет снижать затраты и увеличивать прибыль, быстро окупать вложенные средства.

Принимая решения о переоснащении промышленных предприятий с целью повышения эффективности их деятельности, обеспечения импортозамещения, важно принимать во внимание результаты форсайта, те перспективные направления развития промышленного производства, которые создают долгосрочные конкурентные преимущества.

Международная федерация робототехники (IFR) выделяет ключевые тенденции развития робототехники на современном этапе:

- 1) применение искусственного интеллекта в робототехнике, что позволяет выполнять различные функции более эффективно, включающие непосредственное воздействие на материальные предметы труда, аналитические процессы, генерацию инновационных решений;
- 2) расширение многоцелевого применения роботов-гуманоидов, в том числе общего назначения;
- 3) использование роботов для повышения экологической устойчивости выполняемых процессов и обеспечения энергоэффективности, снижения затрат ресурсов;

4) использование роботов в новых сферах бизнеса, в том числе внедрение циркулярной бизнес-модели «робот как услуга», что расширяет их применение малыми и средними предприятиями;

5) применение роботов для снижения дефицита работников [10].

Аналитические технологии на основе ИИ при их использовании в области робототехники позволяют обрабатывать и анализировать большие объемы данных, в том числе собранные датчиками при выполнении производственных процессов. Оснащенность роботов системами зрения позволяет собирать информацию, анализировать уже выполненные задачи, выявлять закономерности для последующей оптимизации выполняемых операций, обеспечивать высокую точность выполнения работ и повышать производительность. Это позволяет учитывать изменчивость внешней среды, спрос на рынках, обеспечивать гибкость, быструю переналадку производства при запуске новой продукции.

Исследователи отмечают, что одной из последних тенденций в ряде стран является значительное инвестирование производителей роботов в разработку специализированного оборудования и программного обеспечения, имитирующих реальные среды. Это позволяет создавать возможность роботам обучаться в виртуальных средах и действовать на основе опыта, полученного в процессе обучения, что сокращает затраты на программирование их действий. Предполагается, что применение технологий моделирования на базе использования ИИ в робототехнике будет расширяться в промышленности и в сфере услуг.

В то же время анализ существующей в настоящее время ситуации в промышленно развитых странах позволяет отметить широкое применение автоматизированных систем, оснащенных однофункциональными роботами. Преимущества использования такого оборудования – высокая производительность и точность выполнения операций, стабильный высокий уровень качества, оптимизация расхода материалов, улучшение соотношения выхода и входа в производственном процессе.

При производстве высокотехнологичной востребованной на рынке продукции применение роботов имеет решающее значение для обеспечения экономической эффективности производства и его расширения без ущерба для качества или устойчивости производственных процессов.

Значимость динамичного научно-технологического развития для экономики Беларуси отмечает ряд исследователей и аналитиков. Необходимо учитывать, что внедряемые технологии при обеспечении импортозамещения должны отвечать потребностям рынка, практическим целям предприятия и при этом обеспечивать бережливое производство, эффективность применяемых бизнес-модели и бизнес-процессов. Результативное исследование потребностей рынка невозможно без применения инновационного маркетинга.

В основе принятия решений должен лежать анализ процесса увеличения создаваемой ценности, с помощью которого достигаются цели, при этом

обеспечиваются оптимизация затрат и рост прибыли предприятия [11, с. 259]. На основе цифровизации расширяются возможности оптимизации организации производства [12]. Процесс автоматизации при бережливом производстве направлен на снижение длительности производственного цикла при использовании гибких, надежных, недорогих средств автоматизации. Внедрение нового оборудования должно поддерживать бережливый процесс, расширять возможности работников, индивидуализировать автоматизацию. Результатом является сокращение потерь, обеспечение гибкости и надежности производства, высокого уровня качества [11, с. 270].

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Положительные тенденции в производстве высокотехнологичной продукции, которые можно отметить в Беларуси, тем не менее, недостаточны для обеспечения эффективного развития промышленности и импортозамещения. Позитивным является воздействие программно-целевого подхода на достижение поставленных целей в промышленном секторе Беларуси.

2. Повышение использования технологического потенциала промышленности обусловлено рядом аспектов, связанных с совершенствованием организационно-экономического механизма регулирования инновационной деятельности и дальнейшим совершенствованием программно-целевого подхода в данной области.

3. Развитие технологического потенциала страны, направленное на повышение эффективности промышленности, импортозамещения, должно базироваться на использовании новейших технико-технологических разработок, автоматизации и роботизации, которые необходимо принимать во внимание при принятии инновационно-инвестиционных решений. Подготовка кадров в системе высшего и среднего специального образования страны должна быть направлена на формирование необходимых для высокотехнологичного развития промышленности профессиональных компетенций обучающихся. Учет результатов форсайта научно-технологического развития, а также тенденций в формировании спроса и предложения на высокотехнологичную продукцию и услуги на глобальном рынке позволит повысить эффективность промышленности Беларуси, конкурентоспособность на основе ее высокотехнологичного развития.

4. Создание и оптимизация бизнес-моделей, бизнес-процессов, направленных на повышение эффективности промышленного развития, импортозамещения, должны базироваться на изучении возможностей адаптации прогрессивного опыта в мировом промышленном секторе, включая создание бережливых производств, внедрение циркулярных бизнес-моделей, применение инновационного маркетинга и др. Системное инновационное развитие промышленности должно быть базисом для реализации стратегии ускоренного технологического развития в национальной экономике.

Список использованных источников

1. Байнев В. Ф. Технологическая составляющая экономической и национальной безопасности государства в условиях новой (цифровой) индустриализации / В. Ф. Байнев, Т. Ю. Гораева // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей / редкол.: С. Ю. Солодовников (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2022. – Вып. 16. – С. 24–34.
2. Система показателей уровня технологического развития отраслей экономики / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2025. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/innovatsii/godovye-dannye/otsenka-urovnya-tehnologicheskogo-razvitiya-otrasley-ekonomiki/> (дата обращения: 22.02.2025).
3. Механизмы инновационного развития экономики Республики Беларусь: монография / Д. В. Муха [и др.]; науч. ред. Д. В. Муха; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2022. – 445 с.
4. Глобальный инновационный индекс. Резюме / ВОИС. – URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-2000-2024-exec-ru-global-innovation-index-2024.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).
5. Вашко, И. М. Концептуальные подходы к обеспечению эффективности промышленной политики на инновационной основе / И.М. Вашко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. Вып. 23: в 2 ч. / под ред. В. А. Гайсенка [и др.]. – Минск: РИВШ, 2024. – Ч. 2. – С. 162–169.
6. WIPO Technology Trends Future of Transportation / WIPO. – URL: https://www.wipo.int/web-publications/wipo-technology-trends-future-of-transportation/assets/71569/1055_Future%20of%20Transportation_WEB%20r.pdf (date of access: 20.02.2025).
7. Autor, D. H. Why Are There Still So Many Jobs. The History and Future of Workplace Automation / D. H. Autor // Journal of Economic Perspectives. – 2015. – Vol. 29. – № 3. – P. 3–30.
8. World Robotics – Industrial Robots, 2025 // World Robotics. – URL: <https://ifr.org/wr-industrial-robots> (date of access: 15.02.2025).
9. TOP 5 Global Robotics Trends 2025 // Global Robotics. – URL: International Federation of Robotics. – URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/top-5-global-robotics-trends-2025> (date of access: 15.02.2025).
10. Лайкер, Дж. Практика дао Тойота: руководство по внедрению принципов менеджмента Toyota / Дж. Лайкер, Д. Майер. – Москва: Издат. группа «Точка», 2017. – 586 с.
11. Воронин, С. М. Механизм реализации промышленной политики в условиях цифровой трансформации экономики: проектный подход / С. М. Воронин // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь: сб. науч. ст. / редкол.: В. В. Данилович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – Вып. 24. – С. 186–197.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Г. Д. Веренич, С. В. Марцева

Белорусский национальный технический университет, Минск

G. D. Verenich, S. V. Martseva

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 614:338.26

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ УСЛУГИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ

CHARACTERISTIC FEATURES OF MEDICAL SERVICE AS AN ECONOMIC CONCEPT

В статье определено понятие медицинской услуги, рассматриваются особенности медицинской услуги как экономического понятия.

Ключевые слова: здравоохранение; медицинская услуга; врач; пациент; экономическое понятие.

This article defines the concept of a medical service and examines the characteristics of a medical service as an economic concept.

Keywords: healthcare; medical service; doctor; patient; economic concept.

В современных условиях в экономике все более возрастает значимость сферы услуг. Согласно анализу в странах с развитой экономикой сфера услуг преобладает в ВВП страны, так как для нее характерна более высокая доля занятых в связи с ее мобильностью, доходностью и способностью создавать новые разновидности деятельности. Всё более активно в обиходе при характеристике сферы услуг используется термин «сервисная экономика».

Сервисная экономика – это разновидность экономической активности, направленная на воспроизводство разного рода видов услуг, оказываемых организациями и физическими лицами на базе профессиональной подготовки работников, которые представляют ценность для клиента.

Услуга как благо представляет собой особое явление, которое включает в себя взаимосвязь и взаимодействие людей. Это полезный результат, который возникает в результате взаимодействия экономических субъектов и не обязательно имеет физическую форму. В классической экономической теории материальные услуги отличаются от нематериальных услуг тем, что полезный эффект материальных услуг реализуется через материальные объекты, в то время как в нематериальных услугах полезный эффект направлен на человека.

Для услуг, оказываемых в сервисной экономике, характерны неоднородность, неразрывность осуществления и потребления, неосязаемость, неспособность к хранению, отсутствие материальной формы при наличии высокой стоимости.

Сервисная экономика включает разнообразные виды деятельности: транспорт, туризм, связь, торговлю, образование, здравоохранение.

Наиболее социально значимой отраслью современной сервисной экономики является здравоохранение – отрасль деятельности государства, целью которой является организация и обеспечение доступного медицинского обслуживания населения [1].

Система здравоохранения представляет собой процесс оказания медицинских услуг пациенту при использовании различного рода необходимых при этом устройств. В целом здравоохранение представляет собой комплексное объединение государственных, общественных и медицинских усилий, целью которых является предупреждение и лечение заболеваний, а также укрепление здоровья всего населения. В обществе, где забота о благополучии граждан занимает важное место, эта система играет ключевую роль в сохранении и повышении качества жизни каждого отдельного человека. В частности, роль государства в этой сфере предполагает активное участие общественных структур в поддержании и укреплении здоровья граждан. При этом государственные программы и институты, добровольные организации и медицинский персонал работают внутри эффективной системы, продвигая здоровье и предоставляя доступ к необходимым услугам в случае заболевания или травмы.

Важен также учет различных взглядов на болезни и здоровье в течение всего периода существования человечества. И самым высоким приоритетом является наличие эффективной системы здравоохранения, объединяющей различные методы и техники лечения, профилактики и укрепления здоровья.

Деятельность в сфере здравоохранения выделяется своими уникальными особенностями в развитии бизнес-процессов, которые взаимосвязаны с особенностью медицинской услуги как экономической категории.

Исходя из вышеизложенного, целесообразным является исследование понятия «медицинская услуга», группировка медицинских услуг по определенным признакам, так как результативность указанных услуг снижается, если их не совершенствовать и не обновлять.

Исследователи вопросов деятельности системы здравоохранения приводят различные толкования термина «медицинская услуга».

Так, А. В. Дроздова определяет медицинские услуги как оплачиваемую деятельность, осуществляемую в системе здравоохранения медицинскими работниками, по профилактике заболеваний, обеспечению их диагностики и лечения, удовлетворению потребностей граждан в сохранении и восстановлении здоровья [4].

Е. В. Рожкова указывает, что медицинская услуга – это согласованный процесс взаимодействия субъектов рынка, когда объектом обмена является медицинская деятельность в качестве специфической трудовой деятельности [8].

И. В. Поляков, А. В. Максимов и другие авторы отмечают, что медицинская услуга – это любой осмотр, диагностика, лечение или иное мероприятие, имеющее практическую, медицинскую направленность, выполняемое

медицинским специалистом, имеющее самостоятельное законченное действие и определенную стоимость [7].

С. А. Столяров определяет медицинскую услугу как какое-либо профессиональное вмешательство, направленное на улучшение или сохранение физического или психического здоровья, с целью получения пользы ее потребителем (пациентом) в той или иной форме [9].

При этом все авторы указывают на обязательность оплаты медицинской услуги как необходимость ее оказания, а также подчеркивают профессиональный характер этой услуги.

Определением сущности медицинской услуги как экономического понятия занимались не только российские, но и белорусские ученые.

Так, Е. В. Концеал определяет медицинскую услугу как результат деятельности медицинского работника, направленной на удовлетворение субъективной потребности пациента и осуществляемой с целью профилактики заболевания, диагностики и лечения или реабилитации, имеющей самостоятельное значение и определенную стоимость [5].

Е. А. Милашевич характеризует медицинскую услугу как часть медицинского труда, которая предполагает наличие экономических отношений между производителем и потребителем [6].

В. М. Вайтович определяет медицинскую услугу как специфический товар, который обладает следующими отличительными свойствами: неосвязаемость, неотделимость от источника, непостоянство качества, несохраняемость во времени [2].

В Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» медицинская услуга определяется как медицинское вмешательство либо комплекс медицинских вмешательств, а также иные действия, выполняемые при оказании медицинской помощи [1].

Вышеуказанные определения раскрывают понятие медицинской услуги, как и любой другой услуги в сервисной экономике. Однако медицинские услуги обладают и своими, характерными только для них свойствами.

Медицинские услуги предполагают не только оказание полезных действий одних людей по отношению к другим, но и использование при этом зачастую различных специальных устройств. Невозможно сразу и в целом оценить качество медицинской услуги.

Порядок продвижения медицинской услуги концентрируется на организации ее оказания от момента создания до момента реализации. Важным аспектом товародвижения медицинских услуг является управление потоками пациентов внутри медицинской организации с использованием цифровых технологий. Это помогает снизить нагрузку на регистратуру, избежать очередей и обеспечить пациентов качественными услугами в нужное время и в нужном месте.

Результат деятельности медицинского работника всегда воплощен в человеке и имеет сложную многообразную структуру. Медицинская услуга

является персонифицированной. Результат от потребленной услуги не зависит от величины затрат на нее и, как правило, недостаточно одного посещения специалиста пациентом, зачастую требуется несколько посещений врача, чтобы был результат.

Медицинская услуга персонифицирована вследствие индивидуальных особенностей организма каждого пациента, непредсказуемости реакции организма каждого пациента на то или иное лекарственное средство, непредсказуемости психологической реакции пациента на болезнь. В силу этого требуется индивидуальный подход к каждому пациенту при оказании медицинской услуги, при этом услугу может оказывать не один медицинский специалист, может требоваться взаимодействие нескольких специалистов различных медицинских специальностей [3].

Медицинские услуги являются социально значимым и экономическим благом, но спрос на них, хотя и определяется предложением, непредсказуем.

В случае необходимости посещения врача пациент не может определить самостоятельно, в каком объеме ему необходимо получить медицинскую услугу, сколько эта услуга будет стоить, какая из услуг оптимальна лично для него, сколько медицинских услуг необходимо получить для оптимального лечения с наилучшим соотношением качества и цены. Объем и количество необходимых медицинских услуг определяет врач. Пациент не может оптимально выбрать медицинского специалиста, которого ему следует посетить. Исходя из этого можно определить, что медицинская услуга является доверительным благом.

В сфере здравоохранения количество оказываемых услуг определяется врачом, а не пациентом, что иногда может вызывать переоценку и замену более недорогих процедур более затратными. Более того, оказание медицинских услуг носит рискованный и неопределенный характер в плане ожиданий потребителей: востребование медицинской помощи может быть случайным, и затраты могут значительно возрасть, если услуги приобретаются внезапно в момент возникновения необходимости в них. Для смягчения данного риска люди могут прибегать к страхованию, в то же время наличие медицинской страховки может способствовать росту их расходов на медицинское обслуживание. Активное участие пациента в процессе профилактики и лечения имеет огромное значение в достижении успеха в медицинской сфере. При этом для пациента без сотрудничества с врачом выздоровление является недостижимым.

Поскольку организм каждого человека индивидуален, врачи при диагностике и лечении пациента используют дифференцированный подход. То есть для медицинской услуги характерен персонифицированный характер. Поэтому при оказании медицинской услуги требуется не только профессиональное участие со стороны врача, но и разумное участие со стороны пациента.

Одна из характерных черт медицинской услуги – ее неосвязаемость и нематериальность: пациент не способен заранее оценить результаты медицинского визита, пока не пройдет непосредственно сам визит, а также определенное время после визита к врачу, связанное с применением тех или иных лекарств, той или иной схемы лечения.

Кроме того, медицинская услуга неразрывно связана с тем специалистом, который ее оказывает. Если пациент обратится к другому специалисту, то это уже будет оказание другой медицинской услуги.

Качество оказанной медицинской услуги невозможно определить сразу и оно не постоянно. Врач может выписать определенный лекарственный препарат, но мониторинг изменений состояния пациента может показать, что эффекта нет, и следует назначать другой препарат.

Также медицинские услуги сложно визуализировать, поскольку они трудоемки и их не всегда можно продемонстрировать. Более того, в осуществлении таких услуг нет посредников. Пациент должен лично обратиться в медицинское учреждение. Для предоставления медицинских услуг требуется высококвалифицированный медицинский персонал, необходимость в котором зависит от особенностей каждой конкретной услуги. Для каких-то услуг требуется наличие врача и медсестры, для каких-то достаточно присутствия только медсестры, в каких-то ситуациях требуется неквалифицированная рабочая сила – санитары.

Таким образом, полное владение медицинской услугой невозможно. Как правило, она неповторима и требует учета необходимых затрат. Она является индивидуальным, уникальным заказом, и не всегда затраты на нее прямо зависят от достигнутого результата.

Хотя медицинские услуги, в целом, являются общественным благом, некоторые аспекты их предоставления могут быть исключительными. Например, услуги частных медицинских клиник могут быть доступны только платежеспособным клиентам, что делает их исключительными услугами. Таким образом, при классификации услуг на частные и общественные необходимо учитывать особенности каждой конкретной сферы и условия предоставления услуги.

В целом медицинские услуги подразделяются на простые и комплексные услуги. Простая медицинская услуга – это одинарная услуга по диагностике и лечению заболевания, например, однократное посещение врача для осмотра. Комплексная медицинская услуга представляет собой комплекс взаимосвязанных услуг по оказанию медицинской помощи при определенном диагнозе, например, осмотр врача, диагностика и назначение лечения.

По функциональному назначению медицинские услуги подразделяются на профилактические, диагностические, лечебные, восстановительные, реабилитационные, комбинированные и пр.

По месту оказания медицинские услуги можно подразделить на оказываемые на дому, в амбулаторно-поликлинических учреждениях, в боль-

ницах, в санаторно-курортных учреждениях, в санитарно-эпидемической службе.

Медицинские услуги могут быть стандартными и индивидуальными. Стандартные услуги предполагают диагностику и назначение лечения по определенной технологии для большинства пациентов. Индивидуальные медицинские услуги предполагают большой спектр диагностических и лечебных процедур, использование различных лекарств и различных манипуляций персонифицированного характера.

По сферам структуры здравоохранения различают амбулаторные, поликлинические, стационарные, санитарно-гигиенические, эпидемиологические, санаторно-курортные медицинские услуги. По уровням оказания медицинской помощи – доврачебные, врачебные врача общей практики, специализированные врачей узкой квалификации.

Таким образом, медицинские услуги представляют собой комплекс различного рода консультационных и диагностических действий, процесс ухода за пациентом в результате лечения заболевания, лекарственное обеспечение пациента для профилактики и лечения различного рода недомоганий и травм и направлены на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента.

Список использованных источников

1. О здравоохранении: Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 г. № 2435-ХІІ (в ред. Закона от 17.07.2023 №300-3). – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19302435> (дата обращения: 09.02.2024).
2. *Вайтович, В. М.* Медицинская услуга как маркетинговая категория: учеб.-метод. пособие / В. М. Вайтович. – Минск: БелМАПО, 2017. – 34 с.
3. *Веренич, Г. Д.* Специфика современных бизнес-процессов в системе здравоохранения / Г. Д. Веренич, С. В. Марцева // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. Вып. 23: в 2 ч. – Минск: РИВШ, 2024. – Ч. 2. – С. 169–176.
4. *Дроздова, А. В.* Понятие медицинской услуги как гражданско-правовой категории / А. В. Дроздова // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 3.
5. *Концеал, Е. В.* Развитие рынка медицинских услуг в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Концеал Елена Владимировна; БГЭУ. – Минск, 2012. – 26 с.
6. *Милашевич, Е. А.* Определение и особенности медицинской услуги / Е. А. Милашевич / Труд. Профсоюзы. Общество. – 2015. – № 4(50). – С. 21–26.
7. Маркетинговое управление в здравоохранении / И. В. Поляков, А. В. Максимов, В. В. Павлов [и др.]. – Санкт-Петербург; Самара, 2010. – 132 с.
8. *Рожкова, Е. В.* Медицинские услуги: понятие и особенности / Е. В. Рожкова // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 3.
9. *Столяров, С. А.* Рынок медицинских наук: некоторые его характеристики, проблемы и аспекты управления / С. А. Столяров. – Барнаул: Аз Бука, 2005.

(Дата подачи: 14.02.2025 г.)

С. М. Воронин, Е. С. Русак

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

S. M. Voronin, E. S. Rusak

Academy of Administration under the auspices of the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.24

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹

IMPORT SUBSTITUTION IN INDUSTRIAL POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье отмечено, что в условиях внешних санкций, введенных западными странами в отношении Республики Беларусь, особую актуальность приобретают вопросы импортозамещения в контексте реализации промышленной политики в стране. Рассматривается важность совершенствования импортозамещения как важного элемента промышленной политики Беларуси в условиях внешних санкций. Дано определение политики импортозамещения. Приведены основные задачи, решаемые в рамках импортозамещения. Выделены этапы формирования политики импортозамещения в Беларуси. Предложены мероприятия по совершенствованию политики импортозамещения в контексте реализации промышленной политики в стране.

Ключевые слова: промышленная политика; промышленность; импортозамещение; политика импортозамещения; санкции; импорт; экспорт.

The article notes that in the context of external sanctions imposed by Western countries against the Republic of Belarus, issues of import substitution in the context of the implementation of industrial policy in the country are of particular relevance. The importance of improving import substitution as an important element of the industrial policy of Belarus in the context of external sanctions is considered. The definition of import substitution policy is given. The main tasks solved within the framework of import substitution policy are given. The stages of formation of import substitution policy in Belarus are highlighted. Measures to improve import substitution policy in the context of the implementation of industrial policy in the country are proposed.

Keywords: industrial policy; industry; import substitution; import substitution policy; sanctions; import; export.

В условиях геополитической и геоэкономической нестабильности государства могут столкнуться и с негативными эффектами международных экономических связей и участия в международном разделении труда, например, «освоение иностранными товаропроизводителями значительной доли национального рынка, введение экономических санкций» [1]. Одновременно экономическая безопасность страны ставится под угрозу ввиду зависимости от импортных поставок. Следовательно, государствам в со-

¹ Исследование выполнено в рамках договора с БРФФИ № Г23-110 от 02.05.2023 г. (номер госрегистрации 20231097).

временных условиях необходимо разрабатывать и реализовывать политику импортозамещения.

Особую актуальность приобретает формирование и реализация политики импортозамещения в промышленности, которая позволила бы обеспечить, с одной стороны, технологический суверенитет республики, с другой – более глубокую ее интеграцию в мирохозяйственные связи на выгодных для Республики Беларусь условиях. В этих обстоятельствах импортозамещение стало одним из ключевых направлений промышленной «политики, нацеленной на обеспечение устойчивого развития и экономической безопасности страны» [2].

Цель данной статьи – определить направления совершенствования политики импортозамещения как ключевого элемента промышленной политики в Республике Беларусь в современных условиях.

Существует множество трактовок понятия «импортозамещение». В одних источниках говорится о том, что это политика по замещению импортных аналогов, в других – что это политика по поддержке отечественных производителей, а в-третьих дается определение, объединяющее первые два.

В данной работе предложено уточненное определение понятия «импортозамещение» (в условиях внешнего экономического давления) как политики, целью которой является сохранение экономической стабильности и обеспечение экономического роста, при котором выбывание импортного ресурса или технологии из ресурсной комбинации заменяется использованием нового ее варианта отечественного производства без снижения совокупной полезности.

К основным задачам, решаемым в рамках политики импортозамещения, в порядке приоритетности можно отнести:

1) создание условий для возникновения производств товаров, которые востребованы как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Особенно это важно, если внутренний рынок не является емким;

2) освоение производства товаров, которые важны с точки зрения национальной безопасности (продукты питания, лекарственные средства, вооружение, военная техника), а также обеспечение работоспособности критически важных для экономики предприятий (дают весомый вклад в поступление валютных средств, обеспечивают занятость населения, производство товаров, необходимых для других предприятий);

3) снижение вывоза валюты за рубеж;

4) создание рабочих мест за счет расширения локализации производств;

5) повышение добавленной стоимости, которая генерируется в стране при производстве товаров;

6) освоение новых технологий, прежде всего инновационных;

7) сокращение бюджетных средств на закупку импортных товаров;

8) сокращение затрат предприятий на импортное сырье и комплектующие (снижение импортоемкости промышленного производства).

Концепция импортозамещения Республики Беларусь формировалась в четыре этапа.

1. Середина 1990-х гг. – 2000 г. – выработаны основные подходы к политике импортозамещения, реализованы отдельные импортозамещающие проекты.

2. 2001–2010 гг. – переход к программно-целевому методу развития импортозамещения. Разработаны и реализованы две Государственные программы импортозамещения.

3. 2011–2021 гг. – работа по Схеме работ по замещению импортируемых в страну товаров. Предусматривает переход на отраслевые и региональные программы по замещению товаров, импортируемых в республику.

4. 2022 г. – н. в. – вынужденное импортозамещение, связанное с преодолением санкционного давления на Республику Беларусь со стороны западных недружественных государств и межгосударственных объединений.

Следует отметить, что импортозамещение требует использования дополнительных материалов и комплектующих, которые организации Республики Беларусь импортируют из других стран, что увеличивает импортность ВВП. Так, «импортность ВВП, по оценке Национального банка, в январе – ноябре 2024 г. составила 66 процентов (в январе – ноябре 2023 г. – 64,9 процента)» [6, с. 5].

Несмотря на увеличение импортности, политика импортозамещения в Беларуси демонстрирует положительные результаты: постоянно прорабатываются возможности производства новой продукции отечественными производителями, создаются новые производства, при этом работа становится более экспортоориентированной. В частности, «по данным Минэкономики, за 2016–2022 гг. объем продукции, произведенной в рамках импортозамещения, увеличился в два раза, ее выпуском уже занимаются более 2,5 тыс. субъектов хозяйствования» [3]. В «2022 г. в Беларуси произведено импортозамещающей продукции на сумму 27 млрд USD. При этом более половины таких товаров (на 14,5 млрд USD) было поставлено на внешние рынки» [3]. В 2023 г. объем импортозамещающей продукции в стране вырос до \$30 млрд [4]. За 2024 г. Беларусь также «выпустила импортозамещающей продукции на сумму около \$30 млрд» [5].

Однако возникает проблема: дальнейшее снижение импортности прежними темпами практически по всем отраслям оказывается проблематичным в связи с тем, что в структуре сырья и материалов уже остались критичные для страны позиции, заместить которые в обозримой перспективе не представляется возможным. Поэтому необходимо постепенно переходить к следующему этапу импортозамещения: стимулирование максимального роста экспорта импортозамещающего производства.

Становится очевидной необходимость разработки комплекса мероприятий, которые будут способствовать стимулированию развития импортоза-

мещающего производства и выходу на сбалансированную внешнюю торговлю.

Сразу стоит отметить, что некоторые методы прямой защиты внутреннего рынка и стимулирования импортозамещения, включая создание специальных перечней продукции, при освоении которых будет оказываться государственная поддержка, поддержка предприятий, производящих непосредственно продукцию из импортозамещающих перечней и т. п., не могут быть использованы по причине международных обязательств Республики Беларусь, взятых при формировании договорно-правовой базы Единого экономического пространства ЕАЭС.

Промышленность Беларуси является экспортоориентированным сектором экономики. Свыше 60 % ее продукции экспортируется (2021 г. – 65,0 %, 2022 г. – 58,7 %, 2023 – 64,0 % [7, с. 13]). В то же время организации промышленности уделяют большое внимание импортозамещению. «За 2016–2022 годы в рамках выполнения отраслевых программ реализовано более 2 тыс. мероприятий для замещения импорта, используемого при производстве продукции, организациями получена дополнительная экономия валютных средств более 500 млн долларов» [5]. «В 2022 г. был «обеспечен выпуск импортозамещающей продукции в объеме \$5,39 млрд, уровень локализации продукции Минпрома достиг 68,9 %» [5].

С учетом изложенного предлагаются следующие мероприятия по стимулированию и поддержке импортозамещения в промышленности Беларуси:

1. *Создание новых импортозамещающих производств.* Особое внимание следует уделить тем секторам промышленности, где республика обладает необходимыми компетенциями и ресурсами для обеспечения высокого качества и конкурентоспособности ее продукции.

Оценивая возможность реализации импортозамещающих проектов с учетом объемов импорта отдельных видов продукции в Республику Беларусь, имеющегося в стране научно-технологического потенциала и производственной базы, целесообразно рассмотреть организацию производства отдельных видов изделий промышленности для промышленности России, изучить возможность применения местных сырьевых ресурсов в интересах организаций промышленности.

Еще одним направлением импортозамещения является создание производств лекарственных средств, ориентированных на изготовление по полному циклу онкологических препаратов, лекарственных средств общей группы в различных формах, что существенно снизит долю импорта и повысит экспорт товаров медицинского назначения. Способствующими обстоятельствами для создания таких производств является наличие в республике высококвалифицированных кадров, технологий пятого и шестого укладов в медицинской и биологической сферах, наличие рабочих контактов с крупными высокотехнологичными фармацевтическими компаниями

Индии и Китая, заинтересованными в создании совместных производств на территории стран ЕАЭС.

Несмотря на то, что политика импортозамещения в нашей стране реализуется уже давно и есть ряд удачных примеров создания импортозамещающего производства, существует большой перечень товаров, импорт которых по-прежнему осуществляется в значительных объемах.

Имеется достаточно большой перечень перспективных для импортозамещения товарных позиций, или так называемых резервов импортозамещения, в химической и нефтехимической промышленности (нефтяной кокс, высокоочищенный парафин, масла, смазки, синтетические моющие средства, товары бытовой химии, эмали, изделия из пластмасс и др.), на предприятиях Минсельхозпрода (овощные смеси, кукуруза, спаржевая фасоль, соковая продукция, ранняя овощная продукция, консервы, корм для собак и кошек, яблоки), в сфере металлургии и производстве металлоконструкций (провода эмалированные медные и провода эмалированные алюминиевые, трубы электросварные профильные различных сечений, металлоконструкции, металлочерепица, прокат плоский из железа или нелегированной стали, белая жель и др.), в легкой промышленности (производство обуви, одежды, косметических средств, галантереи), деревообрабатывающей промышленности, фармацевтике.

2. *Укрепление промышленной кооперации между Республикой Беларусь, Российской Федерацией и другими странами ЕАЭС.* В условиях внешних санкций в рамках ЕАЭС, как отмечают белорусские ученые, необходимы будут «разработка совместных импортозамещающих схем по наиболее уязвимым с точки зрения конкуренции и чувствительным для экспорта товарным позициям, а также участие в ассоциациях производителей в странах-партнерах и в кооперации в сфере машиностроении, фармацевтического производства, микроэлектроники и др.» [8, с. 396].

Особое значение приобретает сотрудничество в промышленной сфере между белорусскими и российскими предприятиями. Дополнительный импульс промышленной кооперации Беларуси и России придает подписанное в феврале 2023 года межправительственное Соглашение о единой промышленной политике [5].

3. *Обеспечение эффективности инвестиций в проекты импортозамещения.* При составлении бизнес-планов организации импортозамещающего производства необходимо особое внимание уделять показателям экономической эффективности инвестиций. Бизнес-планы должны составляться на принципах адекватности, рациональности.

Реализовать комплекс мер по повышению эффективности бизнес-планирования и реализации импортозамещающих проектов можно путем:

- расширения практики привлечения к подготовке и оценке бизнес-планов независимых экспертов, в том числе специалистов консалтинговых

структур. Участие иностранных экспертов в бизнес-планировании значительно усиливает доверие зарубежных инвесторов к проекту;

- внедрения механизмов участия зарубежных инжиниринговых компаний в проработке, оценке и контроле за реализацией наиболее сложных импортозамещающих инвестиционных проектов.

4. *Создание условий для привлечения малого и среднего предпринимательства в производство импортозамещающей продукции.* Сегодня для малого бизнеса появляются новые возможности и перспективы развития: занять освободившиеся после ухода зарубежных компаний ниши в различных секторах экономики, активно включиться в реализацию проектов импортозамещения. В Беларуси для этого созданы все условия. Так, для повышения внутренней устойчивости экономики, обеспечения макроэкономической и бюджетной стабильности в условиях беспрецедентного санкционного давления принят Указ Президента Республики Беларусь от 14.03.2022 № 93 «О дополнительных мерах по обеспечению стабильного функционирования экономики», Правительством подписан Комплексный план поддержки экономики, в котором отражены меры по дополнительной финансовой поддержке для малых и средних предприятий, которые будут выпускать импортозамещающую продукцию, не производимую в Беларуси и России.

5. *Обеспечение согласования политики импортозамещения с экспортной стратегией развития экономики страны.* Мировая практика в области импортозамещения доказала, что оно успешно либо при емком внутреннем рынке, либо при своевременном направлении продаж такой продукции на экспорт. С учетом того, что внутренний рынок Беларуси небольшой, производство импортозамещающей продукции должно быть ориентировано не только на внутренний, но и на внешний рынок. Переориентация импортозамещающих производств на экспорт – одна из ключевых задач, стоящая перед организациями промышленности на данном этапе развития политики импортозамещения. Поэтому свободное движение наших товаров на зарубежные рынки, прежде всего в странах ЕАЭС, жизненно важно для поддержания темпов развития импортозамещения в республике.

Российская Федерация этому направлению уделяет повышенное внимание, так как это вопрос национальной безопасности. Однако большая часть белорусской импортозамещающей продукции поставляется именно в Россию, и теперь по многим отраслям и конкретным товарам наши интересы пересекаются. В связи с этим необходима постоянная синхронизация действий Беларуси и России по проведению политики импортозамещения.

6. *Развитие механизмов продвижения импортозамещающей продукции.* В данной сфере повышенное внимание необходимо обратить на качество и цену уже освоенной продукции. Это прежде всего касается потребительских товаров: одежды, обуви, бытовой техники, строительных материалов и т. д. «Произведено в Беларуси» должно стать знаком качества товара, его

экологичности, как это мы имеем по продуктам питания, особенно по молочной и мясной продукции. Кроме этого, необходимо совершенствование маркетинговой политики организаций промышленности. Очень часто весь корень проблем лежит в простом неумении обеспечить необходимый сбыт продукции.

Предложенный комплекс мероприятий будет способствовать более эффективной работе действующей системы импортозамещения, стимулированию развития импортозамещающего производства и выходу на сбалансированную внешнюю торговлю Республики Беларусь, что является стратегической задачей развития экономики государства.

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что импортозамещение является важным элементом промышленной политики. Оно способствует созданию устойчивой и конкурентоспособной экономики. Эффективная реализация политики импортозамещения требует комплексного подхода, который включает поддержку отечественных производителей, инвестиции в инновации и образование, а также развитие инфраструктуры. Это позволит Беларуси снизить зависимость от импорта, обеспечить технологический суверенитет, долгосрочное экономическое развитие и улучшить качество жизни населения.

Список использованных источников

1. *Воронин, С. М.* Направления импортозамещения в легкой промышленности Беларуси / С. М. Воронин, А. В. Ручанов // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь / Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2023. – Вып. 25. – С. 145–158.
2. *Аксенов, И. А.* Оценка показателей импортозамещения в Российской Федерации / И. А. Аксенов // Вестник университета. – 2024. – № 12. – С. 76–85.
3. Импортозамещение активно вводится в Беларуси // NEG.BY. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/importozameshchenie-v-belarusi/> (дата обращения: 26.02.2025).
4. Грив: импортозамещение для Беларуси сегодня приобретает новое значение // BELTA.BY. – URL: <https://belta.by/society/view/grits-importozameshchenie-dlja-belarusi-segodnja-priobretaet-novoe-znachenie-627019-2024/> (дата обращения: 10.04.2024).
5. *Огородников, А.* Промышленный вектор: о новых экспортных возможностях и выпуске импортозамещающей продукции / А. Огородников // BELTA.BY. – URL: <https://belta.by/interview/view/promyshlennyj-vektor-o-novyh-eksportnyh-vozmozhnostjah-i-vypuske-importozameshajuschej-produktsii-8637/> (дата обращения: 29.03.2023).
6. Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь. Аналитическое обозрение Январь-ноябрь 2024 г. // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/publications/ectendencies/rep_2024_11_ot.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
7. Промышленность Республики Беларусь, 2023: стат. буклет / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – 31 с.
8. *Русак, Е. С.* Импортозамещение как инструмент новой промышленной политики / Е. С. Русак // Научные труды Академии управления. – 2022. – № 23. – С. 390–398.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

А. Ю. Жевлакова

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. Yu. Zhaulakova

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 338.2

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

FEATURES OF IMPLEMENTATION AND EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF IMPORT SUBSTITUTION STRATEGY

Статья посвящена исследованию особенностей реализации стратегии импортозамещения в современных геополитических и экономических условиях. Осуществлена систематизация исторических этапов развития стратегии импортозамещения в Республике Беларусь, определены основные показатели эффективности ее реализации. В рамках проведенного анализа выявлена наиболее зависимая от импорта отрасль и категория товаров. Для данной категории товаров изучены возможности производства в Республике Беларусь и экспорта, осуществлена оценка эффективности и целесообразности реализации стратегии импортозамещения.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность; импортозамещение; государственное регулирование; внешнеторговая политика; национальное производство.

The article is devoted to the study of the features of the implementation of the import substitution strategy in modern geopolitical and economic conditions. The author systematized the historical stages of the development of the import substitution strategy in the Republic of Belarus, determined the main indicators of the effectiveness of its implementation. As part of the analysis, the most import-dependent industry and category of goods were identified. For this category of goods, the possibilities of production in the Republic of Belarus and export were studied, the effectiveness and feasibility of implementing the import substitution strategy were assessed.

Keywords: foreign economic activity; import substitution; government regulation; foreign trade policy; national production.

В современных условиях глобализации и экономической взаимозависимости государства сталкиваются с необходимостью реагировать на внешние вызовы и изменения в мировой экономике. Республика Беларусь как страна с открытой экономикой и активным участием в международной торговле особенно остро ощущает влияние внешнеэкономических факторов на свою финансово-экономическую систему.

На фоне введения санкций Республика Беларусь предпринимает комплексные меры для защиты национальных интересов и минимизации негативного экономического воздействия. К таким мерам относится активное развитие стратегии импортозамещения.

В Республике Беларусь процесс импортозамещения начал реализовываться с 1990 г. с различной степенью интенсивности на определенных эта-

пах развития государства. Первый этап охватывает период с 1991 по 2000 г. Его основным результатом стало налаживание в стране производства значительного количества новой продукции и отдельного ряда комплектующих [1]. С 2001 по 2010 г. происходило активное развитие импортозамещения как на региональном, так и на отраслевом уровне. Период с 2011 по 2020 г. характеризуется заменой Государственных программ импортозамещения Схемами работ по импортозамещению, а также постепенным отказом от отраслевого и регионального импортозамещения в пользу импортозамещения конкретных товаров в промышленности. С 2021 г. наблюдается переход к так называемому «эффективному и рациональному замещению импортируемой продукции». Именно этот период представляет наибольший интерес в рамках анализа эффективности реализации импортозамещения.

Существуют различные подходы и показатели для оценки эффективности реализации стратегии импортозамещения. Они в значительной степени отличаются в зависимости от уровня, на котором осуществляется такая оценка.

На микроуровне применяются следующие подходы:

- сравнение различных показателей производства до начала реализации стратегии импортозамещения и после;
- анализ производственных изменений, связанных с заменой иностранной продукции отечественной;
- сопоставление затрат на приобретение импортной продукции и производство собственных аналогов;
- исследование направлений совершенствования национального производства с учетом инноваций, полученных в результате реализации импортозамещения.

Что же касается показателей, то для оценки эффективности реализации стратегии импортозамещения на уровне отдельного предприятия можно использовать коэффициенты импортозависимости и импортопокрытия производства. Данные коэффициенты рассчитываются как соотношение необходимых для производства импортных и уже используемых в производстве отечественных деталей или их стоимости к общему числу деталей или стоимости. Дополнительно можно также рассчитать потенциальный коэффициент импортопокрытия с учетом прогнозируемой замены иностранного сырья или деталей отечественными аналогами [2].

Исследование эффективности реализации стратегии импортозамещения на макроуровне подразумевает использование иных комплексных показателей. На наш взгляд, наиболее целесообразно в данном случае использовать показатели, приведенные в таблице 1.

Так как наибольшие изменения в области реализации стратегии импортозамещения связаны с 2021 г., то он будет принят в качестве базового периода. На рисунке 1 приведены данные о состоянии внешней торговли в 2021 и 2024 гг.

Таблица 1

Показатели эффективности реализации стратегии импортозамещения

Показатель	Методика расчета	Назначение
Коэффициент импортной нагрузки	Соотношение объема импорта выбранного вида продукции к годовому объему ВВП	Позволяет оценить импортную активность государства в определенной области
Коэффициент импортного приоритета	Соотношение темпов изменения импорта выбранного вида продукции к темпам изменения экспорта той же продукции	Отражает основные приоритеты проводимой в государстве политики регулирования внешнеэкономической деятельности
Коэффициент импортозамещения	Соотношение доли национальных ресурсов и общего объема производственных ресурсов	Демонстрирует способность государства заменять зарубежные ресурсы отечественными и предопределяет уровень обеспеченности страны продукцией собственного производства
Коэффициент ценового превосходства внешней торговли	Соотношение цен, по которым продукция импортируется, и экспортных цен	Является индикатором конкурентоспособности продукции на мировом рынке

Примечание: Источник: составлено на основании [2–4].

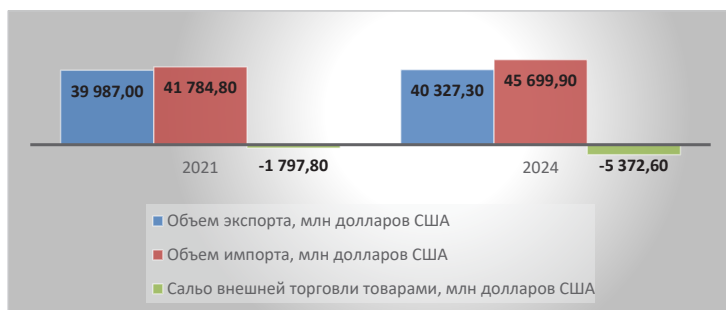

Рис. 1. Итоги внешней торговли в Республике Беларусь в 2021 и 2024 гг.

Исходя из данных, представленных на рисунке, объем импорта в 2021 г. превысил объем экспорта на 4,5 %. Это обусловлено началом мировой пандемии в 2021 г. и введением санкций со стороны Европейского союза. По результатам 2024 г. Республике Беларусь удалось нарастить объемы экспорта и импорта товаров, однако сальдо внешней торговли также остается отрицательным [5].

Первоначально определим наиболее импортозависимую категорию товаров на основе данных 2021 г. Для большей наглядности и получения

достоверных результатов проведем исследование товарной структуры импорта по полугодиям. Для удобства изучения товарной структуры в качестве уровня группировки были выбраны разделы ТН ВЭД ЕАЭС. Однако в процессе анализа были отобраны лишь одиннадцать наиболее значимых разделов, остальные были включены в категорию «Прочие».

Объем импорта товаров по всем группам в первом полугодии 2021 г. составил 12 183 614,8 тыс. долларов США. Что же касается товарной структуры, то преобладающими являются разделы «Машины, оборудование и механизмы; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура; их части и принадлежности» и «Недрагоценные металлы и изделия из них» [6], доля импорта которых в общем объеме составляет 22,9 % и 17,4 % соответственно (рисунок 2).

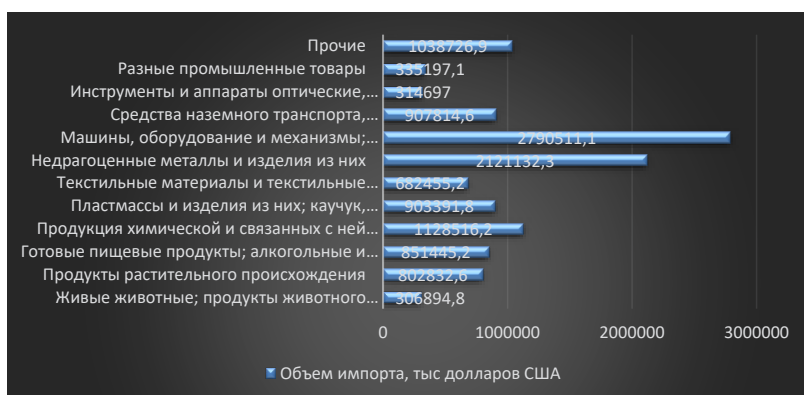

Рис. 2. Товарная структура импорта за период с января по июнь 2021 г.

Доля иных групп за рассматриваемый период не превышала 10 %, однако совокупный объем их импорта составляет порядка 50 % от общего объема импорта, что свидетельствует о высоком уровне дифференциации ввозимых товаров.

Во втором полугодии 2021 г. наблюдается прирост общего объема импорта на 21,4 %, что свидетельствует о наличии сезонной зависимости в импорте Республики Беларусь. Для подтверждения данного факта следует отметить, что в 2020 г. также объем импорта в первом полугодии составил 14 694 485,5 тыс. долларов США, а во втором – 18 072 947,6 тыс. долларов США.

Что же касается товарной структуры импорта, то во втором полугодии 2021 г. она остается аналогичной (рисунок 3).

В целом следует отметить, что на протяжении года товарная структура импорта в разрезе разделов ТН ВЭД ЕАЭС оставалась стабильной.

Далее подробно рассмотрим импорт раздела «Машины, оборудование и механизмы; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура; их

части и принадлежности». Для удобства при проведении анализа будем использовать группы ТН ВЭД ЕАЭС, входящие в данный раздел, а также стоимость в белорусских рублях [7].

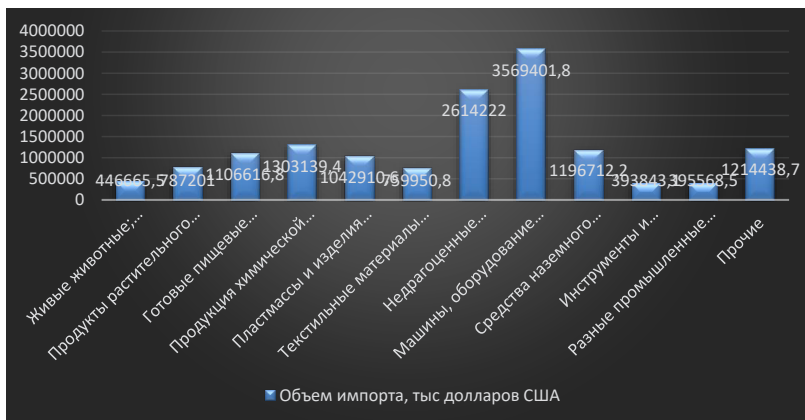

Рис. 3. Товарная структура импорта за период с июля по декабрь 2021 г.

Согласно исследованию статистических данных, наибольший удельный вес (53,76 %) в разделе «Машины, оборудование и механизмы; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура; их части и принадлежности» приходится на группу 84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» (рисунок 4).

Рис. 4. Структура импорта в Республику Беларусь по категории «Машины, оборудование и механизмы; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура; их части и принадлежности»

При рассмотрении группы 84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» (рисунок 5) наиболее значимыми являлись следующие позиции: 8408 «Двигатели внутреннего сгорания порш-

невые» (удельный вес 5,34 %); 8413 «Насосы жидкостные» (удельный вес 5,22 %); 8421 «Центрифуги, оборудование и устройства для фильтрования жидкостей или газов» (удельный вес 5,31 %); 8470 «Вычислительные машины для автоматической обработки информации» (удельный вес 8,59 %); 8481 «Арматура для трубопроводов» (удельный вес 6,17 %).

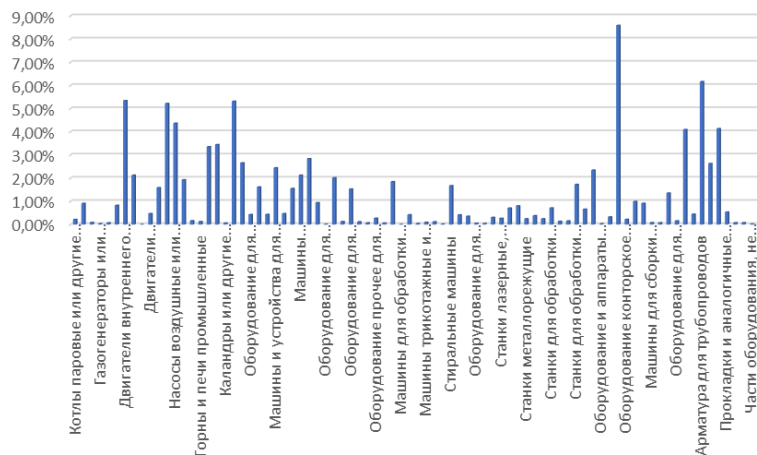

Рис. 5. Структура импорта в Республику Беларусь по категории «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части»

Остальные позиции были отнесены к категории «Прочие». В данную категорию было включено 77 позиций по причине малых удельных весов. Анализ импорта указанных позиций более подробно нецелесообразен.

Далее необходимо провести анализ на уровне пяти значимых позиций по полугодиям 2021 г.

За первое полугодие 2021 г. Республикой Беларусь было импортировано товаров рассматриваемых позиций на 1254361,2 тыс. белорусских рублей. Основные импортируемые позиции – 8471 «Вычислительные машины для автоматической обработки информации» – 24,74 % (310 369,1 тыс. рублей) и 8408 «Двигатели внутреннего сгорания поршневые» – 23,39 % (293 357 тыс. рублей) [8].

Товарная структура первого полугодия 2021 г. отражена на рисунке 6.

Во втором полугодии 2021 г. объем импорта товаров рассматриваемых позиций составил 1 403 190,8 тыс. рублей. На первом месте также располагается товарная позиция 8471 «Вычислительные машины для автоматической обработки информации» – 30,97 % (434 630,1 тыс. рублей). На втором месте по импорту находится позиция 8481 «Арматура для трубопроводов», удельный вес которой в общем объеме импорта составил 19,99 % (280 470,6 тыс. рублей) (рисунок 7).

Рис. 6. Товарная структура импорта в Республику Беларусь в первом полугодии 2021 г. по приоритетным группам товаров

Рис. 7. Товарная структура импорта в Республику Беларусь во втором полугодии 2021 г. по приоритетным группам товаров

Исходя из результатов проведенного анализа, именно товарная позиция 8471 «Вычислительные машины для автоматической обработки информации» является наиболее импортозависимой для Республики Беларусь. Это подтверждается и данными за 2024 г., согласно которым импорт указанной товарной позиции вырос более чем на 30 % по сравнению с 2021 г.

Что же касается экспорта Республики Беларусь, то в 2021 г. он имел товарную структуру, представленную на рисунке 8.

Согласно классификации Евразийской экономической комиссии, группа 84 входит в категорию «Прочие», однако объем экспорта данной группы ТН ВЭД в 2021 г. составил 1,84 млрд долларов США, или 4,61 % в общей структуре экспорта. Такая классификация обусловлена необходимостью ограничения распространения данных по отдельным видам товаров [9].

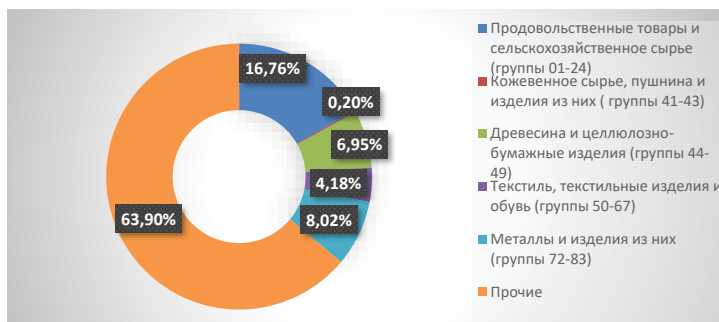

Рис. 8. Товарная структура экспорта Республики Беларусь в 2021 г. по приоритетным группам товаров

При более детальном анализе было выявлено, что экспорт товарной позиции 8471 за пределы ЕАЭС Республикой Беларусь составил порядка 7 млн долларов США. Сумма экспорта из Республики Беларусь в страны ЕАЭС товарной позиции также не превышает 25 млн долларов США.

В 2024 г., по данным зеркальной статистики, объем экспорта товарной позиции в страны за пределами ЕАЭС составил 7,8 млн долларов США, а в страны ЕАЭС остался на уровне базисного года.

В Республике Беларусь основными национальными производителями рассматриваемой категории товаров являются предприятия, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Предприятия, специализирующиеся на выпуске вычислительных машин в Республике Беларусь

Наименование организации	Особенности осуществления деятельности
ОАО «Научно-исследовательский институт электронных вычислительных машин»	Является предприятием по разработке и производству средств вычислительной техники, в том числе защищенных персональных электронно-вычислительных машин. Выпускает порядка 20 различных моделей техники и комплектующих к ним
ОАО «Брестский радиотехнический завод»	Разрабатывает и производит вычислительные комплексы и персональные компьютеры «БУГ». По Республике Беларусь функционирует более 20 000 единиц техники указанной марки
ОАО «Белэнергосвязь»	Является производителем персональных электронно-вычислительных машин и поставщиком лицензионного оборудования. Выпущено порядка 3000 единиц продукции с момента запуска производства
ООО «ИРБИ»	Специализируется на выпуске моноблоков, компьютеров, в том числе промышленных, а также их комплектующих и передовых компьютерных технологий. Является резидентом индустриального парка «Великий камень»

Наименование организации	Особенности осуществления деятельности
ООО «Деловые технологии»	Осуществляет производство персональных компьютеров «Катран» и комплектующих к ним.

Примечание: Источник: составлено на основании [10–14].

Приведенные в таблице организации являются наиболее известными производителями вычислительных машин в Республике Беларусь. Также существует ряд организаций, которые специализируются на поставках или производстве отдельных частей и комплектующих.

Следует отметить, что производство данной категории товаров является достаточно сложным для Республики Беларусь. Так, коэффициент импортной нагрузки на 2021 г. составил 0,004, а в 2024 г. – 0,0045. Значения данного коэффициента находятся в пределах нормы, однако коэффициент импортного приоритета для данной продукции на основе расчета по данным 2021 и 2024 гг. составил 0,38, что свидетельствует о высокой импортной зависимости в данной отрасли. Коэффициент ценового превосходства внешней торговли для товарной позиции 8471 «Вычислительные машины для автоматической обработки информации» в среднем составляет 1,5, что также подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования выпускаемой продукции в целях повышения уровня ее конкурентоспособности на мировом рынке.

С учетом недостаточной эффективности уже функционирующих предприятий по выпуску как самих вычислительных машин, так и их комплектующих для покрытия потребностей национального рынка, а также высокой стоимости производства данный товар не может быть выбран в качестве приоритетного в области импортозамещения.

Таким образом, развитие стратегии импортозамещения является неотъемлемым условием дальнейшего развития государства в современных экономических и геополитических условиях. Проведенное исследование товарной структуры внешней торговли позволило выделить наиболее импортозависимую категорию товаров для Республики Беларусь, а именно 8471 «Вычислительные машины для автоматической обработки информации». Дальнейший анализ предприятий, специализирующихся на выпуске электронно-вычислительных машин и их комплектующих, а также расчет показателей эффективности импортозамещения указали на нецелесообразность дальнейшего расширения национального производства таких товаров в сложившихся экономических условиях. Все это свидетельствует о необходимости учета целого ряда факторов, таких как целесообразность импортозамещения на уровне государства и предприятия, возможность реализации стратегии и ее экономическая эффективность при выборе приоритетных направлений развития импортозамещения.

Список использованных источников

1. Мерещенко, О. Ю. Импортзамещение: Российская практика и Международный опыт (на примере Республики Беларусь) / О. Ю. Мерещенко // Политика, экономика и инновации. – 2016. – № 6. – С. 18.
2. Хейфец, Б. А. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортзамещения / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.
3. Кривенко, Н. В. Импортзамещение как инструмент стабилизации социально-экономического развития регионов / Н. В. Кривенко, Д. С. Епанешникова // Экономика региона. – 2020. – № 3. – С. 765–778.
4. Наружный, В. Е. Импортзамещение в России: исторический опыт и текущие перспективы / В. Е. Наружный, В. А. Титов, Ю. А. Оболенская // Управленческое консультирование. – 2019. – № 11. – С. 101–112.
5. Внешняя торговля товарами Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/vneshnetorgovyy-oborot-tovarami-respubliki-belarus/> (дата обращения: 13.02.2025).
6. Статистика внешней торговли товарами // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063247> (дата обращения: 13.02.2025).
7. Экспорт и импорт товаров в 2020–2021 гг. (6 знаков ТН ВЭД ЕАЭС) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/eksport-i-import-tovarov-6-znakov-tn-ved-eaes/eksport-i-import-tovarov-v-2020-2021-gg-6-znakov-tn-ved-eaes/> (дата обращения: 13.02.2025).
8. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации разработана при поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063247> (дата обращения: 13.02.2025).
9. Статистика внешней и взаимной торговли // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 15.02.2025).
10. О компании // НИИЭВМ. – URL: <https://niiev.by/o-kompanii/> (дата обращения: 16.02.2025).
11. Производство компьютеров // ОАО «БРТЗ». – URL: https://brtz.by/index.php?option=com_content&view=article&id=3&Itemid=14&lang=ru (дата обращения: 16.02.2025).
12. Деятельность // ОАО «Белэнерго связь». – URL: <https://besv.by/ru/activity/> (дата обращения: 16.02.2025).
13. Эти люди запустили в Беларуси производство компьютеров и готовы конкурировать с мировыми гигантами // Про бизнес. – URL: https://probusiness.io/special_project/11747-eti-lyudi-zapustili-v-belarusi-proizvodstvo-kompyuterov-i-gotovy-konkurirovat-s-mirovymi-gigantami.html (дата обращения: 16.02.2025).
14. Деловые технологии // Factories.by. – URL: <https://factories.by/producers/delovye-tehnologii> (дата обращения: 16.02.2025).

(Дата подачи: 25.02.2025 г.)

И. Н. Кандричина, Е. Г. Богданович

Белорусский национальный технический университет, Минск

I. N. Kandrichina, E. G. Bogdanovich

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 331.1:658.3.07

ВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕФИЦИТА КАДРОВ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

POSSIBILITIES OF SOLVING THE STAFF SHORTAGE PROBLEM THROUGH HR INFORMATION SYSTEMS

В статье рассматриваются возможности современных цифровых и интеллектуальных технологий и программных продуктов помочь решить различные аспекты проблемы дефицита квалифицированных кадров. Акцент сделан на оценку потенциала использования современных HRIS-систем и интеллектуальных технологий в таких стратегически важных направлениях HR-менеджмента, как рекрутинг, вовлечение, удержание и анализ эффективности персонала.

Ключевые слова: управление персоналом; HR-менеджмент; информационные системы управления персоналом; дефицит кадров; HR-аналитика.

The article examines the possibilities of modern digital and intelligent technologies and software products to help solve various aspects of the problem of shortage of qualified personnel. The emphasis is placed on assessing the potential of using modern HRIS systems and intelligent technologies in such strategically important areas of HR management as recruitment, involvement, retention and analysis of personnel efficiency.

Keywords: personnel management; HR management; human resource management information systems; staff shortage; HR analytics.

Сегодня всеобщую обеспокоенность вызывает проблема дефицита компетентных кадров. Так, на белорусском рынке труда существует дефицит кадров, особенно в отраслях экономики, предполагающих массовый найм рабочей силы (транспорт, логистика, строительство, общественное питание, розничная торговля). Также актуальными проблемами остаются формирование кадрового резерва и удержание персонала.

Система управления персоналом организации и отдельные HR-технологии часто рассматриваются как значимые факторы решения данных проблемы и содействия эффективному экономическому росту предприятий. Современные информационные системы управления персоналом (далее – HRIS-системы) и интеллектуальные технологии, в частности технологии искусственного интеллекта, часто считаются панацеей в устранении ошибок и недостатков в системах и практиках HR-менеджмента. Тем не менее многие организации до сих пор используют простые системы автоматизации управления персоналом, избегая внедрения современных технологий. Возможно, это обусловлено недостаточной представленностью результа-

тов внедрения и эксплуатации цифровых технологий управления персоналом в специализированной научной литературе. Рассмотрим, способны ли HRIS-системы улучшить практику управления персоналом современной организации и способствовать решению наиболее актуальной проблемы – дефицита компетентных кадров.

Впервые HRIS-системы были внедрены в 1960-х гг. для автоматизации расчетов заработной платы. Сегодня с их помощью реализуются основные направления кадрового менеджмента, например, HR-администрирование, мониторинг рабочего времени, составление расписаний работы и графиков отпусков, оформление и предоставление льгот сотрудникам и т. д. Однако HRIS-системы могут также успешно содействовать решению стратегически значимых задач организации и существенно оптимизировать такие HR-технологии и HR-процессы, как рекрутинг, анализ производительности, обучение и развитие персонала, планирование преемственности и потребности персоналом. В то же время HRIS-системы постоянно эволюционируют, появляются новые инновационные программные продукты, основанные на передовых технологических разработках, например, облачных решениях. Так, согласно данным исследования Sierra-Cedar, компании по разработке программного обеспечения и сложных корпоративных информационных технологий, к 2025 г. 51 % организаций будут использовать облачные технологии, а количество лицензированных развертываний сократится до 62 % [1]. Данное обстоятельство обусловлено в первую очередь более простой процедурой обновления и повышением пользовательского опыта. Перспектива «Tower Watson» также пришла к выводу, что 60 % крупных организаций-поставщиков социальных услуг улучшили свои кадровые службы посредством облачных технологий [2].

Рассмотрим, каким образом современные цифровые технологии или комбинации информационных технологий и программных продуктов могут помочь решить различные аспекты проблемы дефицита квалифицированных кадров.

Стратегическое кадровое планирование сегодня также является одним из важнейших направлений HR-менеджмента. Оно охватывает количественную и качественную потребность в кадрах на длительную перспективу. Стратегическое планирование квалификационно-компетентностных характеристик персонала активно продвигается IBM, апробировавшей использование метода самооценки в кадровом планировании. Около 330 000 работников IBM из разных отделов и офисов по всему миру самостоятельно оценили свои знания, умения, навыки и компетенции по заранее разработанным шкалам [3].

Рекрутинг персонала является стратегически важным направлением HR-менеджмента, особенно в условиях дефицита кадров и цифровой трансформации. В целях своевременного обеспечения организаций необходимыми

ми кадровыми ресурсами постоянно разрабатываются новые инструменты и технологии поиска и подбора персонала.

Отбор и найм новых работников может быть длительным процессом, занимающим до 18–24 месяцев. Учитывая тенденции рынка труда и особенно проблему дефицита персонала, организации пересматривают свои методы отбора и подбора кадров. Действительно, даже незначительная автоматизация процесса рекрутинга приносит экономии временных ресурсов. В среднем использование HRIS-систем при подборе персонала (первичная оценка кандидата и профиля должности, проверка контрольного списка необходимых документов) в два раза сокращает время подбора и снижает текучесть кадров в первый год работы с 22 до 15 %. При этом технологии продолжают развиваться. Так, например, Google в новом поколении программных решений для автоматизации рекрутинга использует сложные классификации и реляционные модели для оценки соответствия кандидата профессиональному профилю компетенций должности. А новое рекрутинговое программное обеспечение LinkedIn использует анализ социальных сетей для получения целостной и всесторонней информации о кандидатах и оценки их соответствия вакантным в организации должностям. Workday, ведущий поставщик корпоративных облачных приложений для управления персоналом, совместно с Rymetrics, компанией-разработчиком программного обеспечения, разрабатывают на основе нейробиологии технологию оценки и прогнозирования эффективности кандидатов.

Обеспечение вовлеченности персонала – важное направление деятельности по управлению персоналом. Высокий уровень вовлеченности сотрудников способствует развитию и повышению эффективности деятельности организации, снижает текучесть кадров, что особенно актуально в современных социально-экономических условиях.

В то же время результаты исследования «Состояние мирового рабочего места», проведенного американским институтом общественного мнения [4], показали, что 85 % работающих по найму американцев не чувствуют себя вовлеченными в жизнедеятельность организации, что отражается на их производительности и, как следствие, ведет к финансовым потерям организаций, средний суммарный размер которых может составить 7 трлн долларов США.

В целом в настоящее время доступны многочисленные инструменты, которые могут быть интегрированы в HRIS-системы и позволят организациям постоянно отслеживать настояния сотрудников и измерять уровни вовлеченности и удовлетворенности персонала.

Для общения и совместной работы сегодня повсеместно используются мобильные приложения, например, Workplace от Facebook. Workplace – онлайн-инструмент для совместной работы (мгновенный обмен сообщениями, обмен файлами, видео- и аудиоконференции). Руководители и HR-менеджеры больницы Тан Ток Сенг в Сингапуре, первой организа-

ции здравоохранения в мире, протестировавшей Workplace, утверждают, что использование данного инструмента бизнес-коммуникации упростило выполнение ряда повседневных задач, например, запросы на ремонт оборудования (отправка фотографий), публичное выражение благодарности сотрудникам, поддержание связи между преподавателями и обучающимися, проведение инструктажа и опросов сотрудников. Австралийский католический университет после внедрения Workplace отметил рост уровня вовлеченности персонала до 76 %, уровня участия работников в процессах принятия решений до 63 %, уровня эффективности сотрудничества до 55 %, а каналы прямой и обратной связи стали более открытыми и располагающими к обмену мнениями и информацией. В целом, согласно отчету Sierra-Cedar [1], количество внедрений в систему управления персоналом HRIS-систем, приложений и инструментов социальных сетей в период с 2020 по 2023 г. в организациях возросло на 24 %, а HR-технологии стали наиболее значимой областью роста цифровизации.

Еще одним способом повышения вовлеченности персонала в жизнедеятельность организации является имплементация технологий самообслуживания персонала. Внедрение или использование программного обеспечения и инструментов HR-самообслуживания в организациях позволяет экономить время специалистов по работе с персоналом, а работникам получить доступ и контроль над личной информацией в кадровой базе организации, самостоятельно обновлять сведения и управлять персональными данными. Исследование, проведенное Tower Watson [2], продемонстрировало, что 59 % организаций имеют HR-порталы с функцией самообслуживания персонала, хотя многие из них нуждаются в обновлении, а некоторые из них недостаточно удобны в использовании и персонализации. Наиболее удачные решения проектировались под влиянием социальных сетей LinkedIn и Facebook и включают функции, используемые в поисковой системе Google и общей среде операционных систем мобильных телефонов. В целом распространение программных инструментов самообслуживания персонала позволяет сотрудникам компании взять на себя ответственность за некоторые HR-практики, ранее выполнявшиеся менеджерами по персоналу или при их поддержке, порождая чувство причастности к процессу принятия стратегических решений и положительно отражаясь на уровне вовлеченности персонала.

В условиях дефицита кадров особое значение приобретает проблема удержания ценных сотрудников. Для ее решения используют HR-аналитику, представляющую собой совокупность инструментов и методов для сбора, анализа и интерпретации данных о работниках и процессах управления персоналом для оптимизации HR-процессов организации. E&Y, крупная консалтинговая компания, использует HR-аналитику для снижения текучести кадров. Ведь для подобной международной корпорации снижение текучести кадров даже на 1 % означает получение дополнительной прибыли около

100 млн долларов США. Pfizer, транснациональная фармацевтическая компания, посредством HR-аналитики выделила 13 признаков, указывающих на желание сотрудника уволиться, и на основе прогнозов индивидуальных рисков ухода из компании оптимизировала стратегии удержания персонала.

Традиционные технологии управления персоналом, особенно отбор и оценка, ориентированы на отдельных работников. Оценить продуктивность отдельного работника в команде сложнее. Идентифицировать команды в организациях и оценить их эффективность также помогает HR-аналитика, а именно организационный анализ сетей, предоставляющий информацию о коммуникационно-информационных каналах и связях в команде, между командами и организации в целом.

Одной из исходных целей HRIS-системы была автоматизация процессов, прежде основанных на бумажном документообороте. Однако сейчас акцент делается не только на автоматизации определенных задач, но и на повышении эффективности персонала в целом.

Управление эффективностью работников имеет важнейшее значение для достижения организационных целей. В то же время оценка эффективности персонала является сложной задачей. Внедрение HRIS-системы с приложением по управлению эффективностью труда способно существенно облегчить данную задачу. Современное поколение HRIS-систем ориентировано на согласование целей работников с общеорганизационными целями и миссией организации, непрерывную оценку производительности и эффективности персонала, контроль персонала в режиме реального времени на индивидуальном и командном уровнях. Апробация данной системы в Сингапуре в районе Фаррер Парк на базе частной клиники и парк-отеля минимизировала ошибки персонала, потери документов и несвоевременную их обработку и, как следствие, обеспечила снижение общих затрат организаций.

Различные формы автоматизированных информационных систем управления персоналом использовались в организациях в течение последних пяти десятилетий, хотя они часто не были приоритетными. Растущая обеспокоенность по поводу дефицита квалифицированных кадров привлекла внимание к изучению роли современных HR-технологий в управлении, развитии и повышении эффективности персонала.

Сегодня большинство исследований ориентировано на анализ возможностей использования интеллектуальных технологий и искусственного интеллекта в HR-менеджменте. Однако более широкий и постоянно расширяющийся спектр технологий или комбинаций различных технологий может помочь решить различные аспекты проблемы дефицита квалифицированных кадров.

Более того, можно с уверенностью предположить, что цифровизация бизнес-процессов организаций приведет к смешению автоматизированных, полуавтоматических, дополненных и чисто человеческих ролей. Цифровые HR-технологии изменят способ управления персоналом в организации

ях в целом. Различные HRIS-систем, облачные технологии, программные продукты и приложения помогают или могут помочь организациям в улучшении их HR-практик и, таким образом, внести вклад в решение проблем рекрутинга, обучения, вовлечения и удержания персонала в условиях кадрового дефицита.

Проекты по имплементации HRIS-систем в жизнедеятельность организации должны тщательно пилотироваться. Достоинства, недостатки и последствия включения этих технологий в сложную систему бизнес-процессов хозяйствующих субъектов должны быть оценены, также должна быть учтена готовность организации к принятию инноваций и контекстно-зависимые организационные и индивидуальные факторы. Решение о внедрении любого конкретного типа HRIS-системы следует рассматривать с учетом определенной организационной цели, будь то стремление собрать точные данные о персонале или желание улучшить стратегически значимые технологии рекрутинга, вовлечения, удержания и управления эффективностью. Наконец, успех технологических инновационных HR-проектов может напрямую зависеть от ответственного использования HR-аналитики и соблюдения правовых, этических и комплаенс аспектов обеспечения безопасности и конфиденциальности данных.

Эффективность HRIS-системы обусловлена возможностью проведения более быстрых циклов сбора, обработки и анализа информации, однако уровень эффективности использования их в управлении персоналом будет варьироваться в зависимости от возможностей подключения, качества доступных данных, используемых алгоритмов, скорости адаптации общеорганизационной и кадровой политики, правил и норм информационной безопасности организации.

Каждая организация должна самостоятельно принять решение относительно внедрения HRIS-систем и тех направлений кадрового менеджмента, в рамках которых будут использоваться программные продукты, приложения и облачные технологии. Данное решение должно основываться не только на желании соответствовать уровню диджитализации и стандартам ведущих всемирно известных компаний и наличии свободных денежных средств или финансирования внедрения, но и на организационных целях и готовности к принятию данных инноваций и полной информации о разработке, внедрении и использовании данного программного продукта, результатах его апробации в подобных организациях. Важно найти баланс между стремлениями к инновациям и повышению производительности и эффективности, необходимостью соблюдения правовых и этических норм и заботой о благополучии и удовлетворенности персонала.

Список использованных источников

1. HR technologies, deployment approaches, integration, metrics, and value: HR systems survey 2014–2024. – Sierra-Cedar, 2024. – P. 100.

2. HR service delivery and technology survey. Advance highlights report for participants — key global findings. – Tower Watson, 2024. – P. 102.

3. Extending expertise: how cognitive computing is transforming HR and the employee experience / S. Feinzig, N. Guenole, S. Steele. – IBM Institution, 2021. – P. 120.

4. State of the global workplace: Employee engagement insights for business leaders worldwide. – Gallup, 2017. – P. 101.

5. Voorhees, B. The analytics eatery / B. Voorhees, A. Chidambaram // People analytics world, 2017. – P. 185.

(Дата подачи: 12.02.2025 г.)

Л. С. Климченя

Белорусский государственный экономический университет, Минск

L. S. Klimchenia

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 658.8:004.738.5

ЦИФРОВЫЕ ТОРГОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И ИХ МЕСТО В ТОРГОВОМ ОБСЛУЖИВАНИИ

RETAIL DIGITAL OBJECTS AND THEIR PLACE IN TRADE SERVICES

Цифровая трансформация экономики обусловила изменения в формах ведения хозяйственной деятельности, обеспечившие появление новой формы объектов – цифровой. Автор провел обзорное исследование дефиниции «цифровой объект»: раскрыта сущность понятия и выделены его характерные признаки. Разработана сравнительная характеристика признаков реальных и цифровых торговых объектов, выявлены общие для данных типов объектов признаки. Представлены результаты проведенного автором сравнительного исследования влияния цифровых торговых объектов на показатели торгового обслуживания в Республике Беларусь.

Ключевые слова: торговля; розничная торговля; торговый объект; цифровой торговый объект; интернет-магазин; признаки цифрового торгового объекта; цифровая трансформация.

The digital transformation of the economy has led to changes in the forms of economic activity, which have ensured the emergence of a new form of objects – digital. The author conducted a review research of the definition of “digital object”: the essence of the concept is revealed and the characteristic features are highlighted, the results of which are reflected in the article. The author has developed a comparative characteristic of the features of real and digital retail objects, identified common features for these types of objects. The author conducted a comparative study of the impact of digital retail facilities on trade service indicators in the Republic of Belarus.

Keywords: trade; retail; shopping object; digital shopping object; online store; features of a digital shopping object; digital transformation.

Цифровые информационно-коммуникационные технологии демонстрируют свою востребованность во многих отраслях экономики. Активное их

использование характерно и для социально-потребительского комплекса, включая розничную торговлю. Согласно ранее проведенным нами исследованиям, «влияние технологий нового поколения на результаты деятельности субъектов торгового бизнеса, как отражают исследования, безусловно положительное: «можно на 4 % увеличить результативность работы персонала, на 15 % повысить конверсию посетителей в покупателей, на 25 % сократить расходы на оплату труда» [1, с. 127]. Параллельно с повышением эффективности деятельности субъектов торговли отметим трансформацию моделей ведения торгового бизнеса, которая кардинально меняет условия торгового обслуживания. Трансформационные изменения в розничной торговле нашли отражение в работах ряда исследователей, включая автора [2–6]. Трансформационные преобразования привели к развитию цифрового сегмента торгового обслуживания, обеспечивающего постоянный рост доли электронной торговли в розничном товарообороте.

В период 2011–2023 гг. доля электронной торговли в мировом розничном товарообороте увеличилась с 4,7 % до 19,4 %. В денежном выражении ее рост составил почти 5 трлн долларов, т. е. с 0,89 трлн в 2011 г. до 5,6 трлн в 2023 г. [6, с. 161; 7]. Среднегодовой показатель темпа изменения розничного товарооборота в исследуемом периоде составил 6,65 %, а электронной торговли – 18,8 % [6, с. 162]. В Республике Беларусь доля электронной торговли в розничном товарообороте страны в 2023 г. достигла 8,1 %. Тенденция роста ее доли в розничном товарообороте сохраняется и в настоящее время. Равноправными участниками потребительского рынка стали интернет-магазины. Значимость их места в торговом обслуживании нашла отражение в законодательстве о торговле.

Традиционно торговое обслуживание зависит от функционирующей сети розничных торговых объектов, включающей стационарные и нестационарные торговые объекты. Качественным показателем, характеризующим торговое обслуживание, принят показатель обеспеченности торговыми площадями в расчете кв. м на 1000 человек. Однако интернет-магазины не обладают торговыми залами с торговой площадью, что не позволяет учитывать их при анализе торгового обслуживания. На протяжении длительного времени именно физические объекты выступали основным экономическим активом, находящимся в собственности субъекта хозяйствования, обеспечивающим получение коммерческой выгоды. С учетом отмеченного возникает необходимость обоснования возможности отнесения интернет-магазинов к торговым объектам, а именно цифровым торговым объектам.

Эксперт Российской академии наук М. А. Рожкова, исследуя вопросы цифрового и виртуального имущества, подчеркивает: «Цифровизация предполагает прежде всего изменение формата или формы: самым тривиальным здесь будет пример перехода организации с бумажного документооборота на электронный, требующий применения информационных технологий» [8]. Исследователь А. А. Волос придерживается следующей позиции: «Циф-

ровизация общества предопределила и возникновение новых объектов, по поводу которых складываются реальные экономические отношения» [9, с. 122]. Аналогичную позицию поддерживает исследователь О. В. Пучков: «Тот факт, что в сферу экономического оборота встраиваются так называемые “цифровые объекты”, является закономерным, а признание данных объектов в качестве реального экономического блага – фундаментальной характеристикой аксиологии современного общества» [10, с. 69]. В других научных работах указывается, что в условиях цифровизации экономики появляются и используются в экономическом обороте новые информационные объекты, которые имеют как нематериальную природу, так и коммерческую ценность [11].

Вовлечение новых (цифровых) объектов в экономические отношения на потребительском рынке определяет необходимость решения двух вопросов:

1) выделение общих признаков, характерных для реальных и цифровых объектов;

2) разграничение внешних форм выражения и содержания цифровых объектов.

В научной среде термин «цифровой объект» регулярно обсуждается, представлены разные подходы к его сущности и предприняты попытки выделения определенных признаков. В таблице 1 представлены подходы исследователей к трактовке сущности дефиниции «цифровой объект».

Таблица 1

Подходы к сущности дефиниции «цифровой объект»

Автор	Содержание исследуемой дефиниции
Ганиева Д. З.	«Нематериальные объекты в виде цифровых кодов и записей, охранный объект, признаваемый законом в качестве таких объектов либо в силу соглашений субъектов цифровых прав» [12, с. 101]
Аль-Бахри М. С.	«Структурированная запись, содержащая данные и информацию о состоянии данных и метаданных. Цифровой объект может содержать указатели на места, где может быть найдена соответствующая информация» [13, с. 78]
Аюшеева И. З.	«Информация, записанная на электронном носителе в виде файла, кода, ключа доступа и т. п. При этом указанные объекты имеют определенную стоимость, обладают признаками товарности, оборотоспособности» [14, с. 36]
Мефодьева К. А.	«Информация, обособленная от материального (электронного) носителя, а также индивидуализированная среди всего многообразия иной информации, а значит может представлять самостоятельный объект оборота» [11, с. 12]
Семенова Е. Г.	«Самостоятельный вид имущества, как особый (цифровой) способ фиксации (удостоверения) имущественных прав» [15, с. 72]
Лосева О. В.	«Экономическая сущность цифрового объекта (актива) предполагает соответствие его свойств основным характеристикам экономического актива, под которым традиционно понимается объект, находящийся в собственности субъекта экономических» [16, с. 43]

Автор	Содержание исследуемой дефиниции
Тумаков А. В.	«Характеристика объекта как цифрового в первую очередь означает его существование в электронном виде при возможности наличия у него аналоговой формы» [17, с. 33].
Модельный закон СНГ «О цифровых правах»	«Не имеющий вещественного выражения объект гражданских прав, доказательства существования которого формируются и обладатель которого определяется посредством кодирования информации в информационно-коммуникационной среде» [18]

Как показало проведенное исследование научных публикаций по подходам к характеристике сущности цифровых объектов, исследователи едины во мнении, что цифровые объекты представляют собой результат цифровой трансформации общества и участвуют в экономических отношениях. Отметим, что в научных публикациях подчеркивается, что «принципиально новых по содержанию правоотношений не возникло, изменилась лишь форма» [17, с. 33; 19, с. 92]. Схожей позиции придерживается и коллектив авторов ряда российских университетов: «Цифровые объекты – это принципиально новые объекты, так как существуют в нематериальной форме и не нуждаются в материализации для вовлечения их в гражданский оборот, в отличие от других объектов, которые могут существовать в традиционной и цифровой форме» [20, с. 249].

Проведенное исследование позволило выделить ряд признаков, характеризующих цифровые объекты как участников экономических отношений:

- нематериальная природа объекта и отсутствие потребности в ее материализации;
- цифровая форма, обеспеченная применением цифровых информационно-коммуникационных технологий;
- функционирование (применение) только в цифровой среде;
- функциональные характеристики соответствуют характеристикам реальных объектов;
- обладают экономической и коммерческой ценностью, т. е. при использовании в хозяйственной деятельности обеспечивают получение дохода.

С учетом представленных признаков цифровых объектов отметим, что цифровизация изменила форму ряда реальных объектов, в результате чего на рынке стали использоваться их цифровые аналоги.

Применительно к торговле и торговым объектам в условиях цифровизации экономики осуществляется переход от стационарных зданий к цифровым объектам (нематериальным) благодаря использованию информационных и цифровых технологий. Как результат – функционирование интернет-магазинов, электронных бирж, цифровых платформ (рынков).

Для обоснования целесообразности выделения в торговле цифровых объектов наряду с материальными торговыми объектами следует выделить общие свойства, характерные данным типам объектов (таблица 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика цифровых и реальных торговых объектов

Признак	Реальный торговый объект	Цифровой торговый объект
Назначение	Организация торгового процесса	Организация торгового процесса
Природа объекта	Чаще недвижимое имущество (признак материальности)	Нематериальное (цифровое) имущество (признак абсолютной нематериальности)
Создание и использование объекта	Используют строительные технологии и специальное торговое оборудование (холодильное, измерительное, торгово-выставочное, кассовое и др.)	Необходимы информационные технологии и соответствующее оборудование (серверы, компьютеры, сети передачи данных и др.)
Доступ покупателей	Свободный (с учетом режима работы объекта)	Посредством сетевых технологий, свободный
Регистрация объекта	В Торговом реестре Республики Беларусь	В Торговом реестре Республики Беларусь
Имущественная ценность	Право владеть, распоряжаться, пользоваться, правовая фиксация принадлежности конкретному лицу	Право владеть, распоряжаться, пользоваться, правовая фиксация принадлежности конкретному лицу
Экономическая ценность	Могут быть проданы (куплены), обменены	Могут быть проданы (куплены), обменены
Идентификаторы	Адрес месторасположения, фирменное наименование	Доменное имя, фирменное наименование
Наименование торгового объекта	Определяется собственником	Определяется собственником
Операции торгового процесса	Демонстрация товара, консультация, оплата покупки	Демонстрация товара, онлайн-консультация, оплата покупки
Информация, доводимая до сведения покупателя	Свое наименование (фирменное наименование); наименование торгового объекта, режим работы; информация о месте нахождения продавца; необходимая информация о товаре; рекомендации и (или) ограничения по использованию; иные сведения	Полное наименование и место нахождения юридического лица; номера контактных телефонов, адрес электронной почты продавца, режим работы; необходимая информация о товаре; цена и условия оплаты доставки товаров; иные сведения
Регулирование деятельности по продаже товаров	Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.06.2014 № 703 «О продаже отдельных видов товаров...»	Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.01.2009 № 31 «Об утверждении Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли». Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.06.2014 № 703 «О продаже отдельных видов товаров...»

Исследование выделенных автором признаков как цифровых, так и реальных торговых объектов, обобщенно представленных в таблице 2, позволяет сделать вывод о наличии у данных объектов общих признаков:

- назначение объекта;
- имущественная ценность;
- экономическая ценность;
- содержание торгового процесса;
- обязательная регистрация в Торговом реестре Республики Беларусь;
- обеспечение информационного сопровождения покупателя, включая доведение необходимой информации о товарах;
- регламентированность торговой деятельности в объекте.

Выявленные и представленные общие признаки данных объектов позволяют сделать вывод о целесообразности выделения цифровых торговых объектов наряду с материальными торговыми объектами как участников торгового обслуживания. Необходимость их выделения подтверждается и постоянным увеличением доли электронной торговли в розничном товарообороте как отдельных стран, так и в совокупном мировом розничном товарообороте.

С учетом полученных результатов исследования разработано авторское определение «цифровой торговый объект»: нематериальный объект в виде программного алгоритма, имитирующий торговый процесс реального торгового объекта и предоставляющий возможность заключить договор розничной купли-продажи, доступ к которому осуществляется посредством сетевых технологий.

Несмотря на представленность цифровых торговых объектов (включая интернет-магазины, маркетплейсы) на потребительском рынке Республики Беларусь, сеть торговых объектов республики характеризуется количественными показателями, без учета наличия новых объектов, позволяющих населению покупать потребительские товары удаленно от реальных торговых объектов. В таблице 3 представлены как применяемые, так и предложенные автором показатели, позволяющие охарактеризовать организацию торгового обслуживания в условиях его цифровизации. С учетом сложившейся практики покупки товаров на потребительском рынке целесообразно применение следующих новых показателей: совокупность торговых объектов; количество интернет-магазинов на 10 000 человек; удельный вес реальных торговых объектов в совокупной сети; удельный вес цифровых торговых объектов в совокупной сети; количество обслуживаемого населения на 1 торговый объект; количество обслуживаемого населения на 1 реальный торговый объект; количество обслуживаемого населения на 1 цифровой торговый объект. Данные показатели отражают новый подход к составу сети торговых объектов, учитывающий наличие реального и цифрового сегментов торгового обслуживания, сформировавшихся в результате цифровой трансформации розничной торговли и продолжающих дальнейшие преобразования под влиянием цифровых технологий.

Таблица 3

**Показатели, характеризующие состояние розничной сети торговых объектов
Республики Беларусь [21; 22]**

Показатель	Год	
	2010	2023
Торговые объекты, ед.	45 657	66 671
Магазины, ед.	40 402	59 826
Торговая площадь магазинов, тыс. кв. м	3705	6423
Средний размер магазина, кв. м	92	107
Удельный вес магазинов в сети торговых объектов, %	88,5	89,7
Количество магазинов на 10 000 человек, ед.	42,6	65
Обеспеченность торговой площадью, кв. м / 1000 человек	390,2	698
Интернет-магазины, ед.	2800	28 927
Количество интернет-магазинов на 10 000 человек, ед.	2,9	31,4
Удельный вес розничного товарооборота электронной торговли, %	0,8	8,1
Совокупность торговых объектов (совокупная сеть), ед.	48 457	95 598
Удельный вес реальных торговых объектов в совокупной сети, %	94,2	69,7
Удельный вес цифровых торговых объектов в совокупной сети, %	5,8	30,25
Количество человек на 1 торговый объект, чел.	196	96
Количество человек на 1 реальный торговый объект, чел.	208	138
Количество человек на 1 цифровой торговый объект, чел.	3391	318

Согласно данным таблицы 3, за 2010–2023 гг. доля реальных торговых объектов, осуществляющих торговое обслуживание, в совокупной сети торговых объектов республики снизилась с 94,2 % до 69,7 % при соответствующем увеличении доли цифровых торговых объектов. Развитие совокупной сети торговых объектов и увеличение количества цифровых торговых объектов в исследуемом периоде позволило снизить нагрузку по обслуживанию покупателей на торговый объект: со 196 до 96 человек в целом по сети, с 208 до 138 человек на реальный торговый объект и с 3391 до 318 человек на цифровой торговый объект. Снижение нагрузки по обслуживанию покупателей при существенном увеличении количества цифровых торговых объектов (в 10 раз) позволяет сделать вывод, что конкуренция между реальными и цифровыми торговыми объектами способствует повышению качества торгового обслуживания населения республики, расширению торгового ассортимента и увеличению розничного товарооборота, сокращению затрат времени покупателей на получение торгового обслуживания. С учетом мировых тенденций развития розничной торговли можно отметить, что роль цифровых торговых объектов будет возрастать в торговом обслуживании населения.

Цифровая трансформация отраслей экономики осуществляется с учетом специфики каждой отрасли. Применительно к розничной торговле одним из результатов ее цифровой трансформации стали цифровые торговые объек-

ты, которые активно конкурируют за покупателя на потребительском рынке каждой страны, увеличивая свой удельный вес в розничном товарообороте. В рамках разработанного понятия «цифровой торговый объект», под которым понимается нематериальный объект в виде программного алгоритма, имитирующий торговый процесс реального торгового объекта и предоставляющий возможность заключить договор розничной купли-продажи, предложен новый комплексный подход к оценке состояния сети торговых объектов, обеспечивающей торговое обслуживание населения, рассматривающий сеть торговых объектов как совокупность реальных и цифровых торговых объектов (совокупная сеть) и основанный на показателях, учитывающих наличие цифровых торговых объектов и их значение для современного покупателя.

Список использованных источников

1. Климченя, Л. С. Развитие концепций трансформации розничной торговли под влиянием промышленных революций / Л. С. Климченя // Вестник университета. – 2024. – № 6. – С. 121–129.
2. Климченя, Л. С. Цифровая трансформация отраслей экономики и ее влияние на инструменты продвижения продукции / Л. С. Климченя, Л. В. Безпалько // Экономика и управление цифровой трансформацией экономических систем: монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. – С. 75–101.
3. Климченя, Л. С. Трансформация торговли: сущность, виды / Л. С. Климченя // Научные труды РИВШ. – Минск: РИВШ, 2024. – С. 213–220.
4. Антинескул, Е. А. Теоретические основы цифровой трансформации продовольственного ритейла / Е. А. Антинескул // Мир экономики и управления. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 103–127.
5. Алябьева, М. В. Цифровая трансформация ритейла в информационном обществе и методологические аспекты ее оценки / М. В. Алябьева // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2023. – № 3 (33). – С. 24–33.
6. Климченя, Л. С. Глобальные тенденции развития розничной торговли / Л. С. Климченя // Научные труды БГЭУ. – Минск: БГЭУ, 2024. – Вып. 17. – С. 160–166.
7. Ecommerce Share of Retail Sales (2022–2028). – URL: <https://www.oberlo.com/statistics/ecommerce-share-of-retail-sales> (date of access: 09.11.2023).
8. Рожкова, М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым / М. А. Рожкова. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/6/13/cifrovy_e_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 23.01.2025).
9. Волос, А. А. Основополагающие категории гражданского права в условиях цифровизации общества (на примере банковских договоров) / А. А. Волос // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – № 1. – С. 118–126.
10. Пучков, О. В. Цифровые объекты в цивилистической доктрине: QUO VADIS? / О. В. Пучков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 4(135). – С. 68–82.
11. Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Мефодьева Кристина Александровна. – Москва: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения, 2019. – 28 с.
12. Ганиева, Д. З. Цифровые объекты и субъекты в праве / Д. З. Ганиева // Образование и право. – 2021. – № 11. – С. 100–104.

13. *Аль-Бахри, М. С.* Архитектура цифровых объектов как основа идентификации в эпоху цифровой экономики / М. С. Аль-Бахри, Р. В. Киричек, А. С. Бородин // *Электросвязь*. – 2019. – № 1. – С. 12–22.
14. *Аюшеева, И. З.* Цифровые объекты гражданских прав / И. З. Аюшеева // *Lex russica*. – 2021. – Т. 74, № 7. – С. 32–43.
15. *Семенова, Е. Г.* Методологические основы систематизации объектов гражданских прав: постановка проблемы / Е. Г. Семенова // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 69–77.
16. *Лосева, О. В.* Цифровые активы: экономический, юридический и технологический контексты / О. В. Лосева // *Имущественные отношения в РФ*. – 2021. – № 11(242). – С. 42–51.
17. *Тумаков, А. В.* Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий / А. В. Тумаков // *Lex russica*. – 2024. – Т. 77, № 7. – С. 30–38.
18. О цифровых правах: Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 14.04.2023, № 55-12. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/10 (дата обращения: 27.01.2025).
19. *Афанасьева, О. О.* Понятие, виды цифровых объектов. Проблемы правового регулирования / О. О. Афанасьева // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: сб. тр. по материалам IX Междунар. конкурса науч.-исслед. работ*. – Уфа: Науч.-издат. центр «Вестник науки», 2022. – С. 84–93.
20. *Кириллова, Е. А.* Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфагарзаде, С. Е. Метелёв // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 245–256.
21. Розничная и оптовая торговля Республики Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2012. – 156 с.
22. Статистика внутренней торговли и общественного питания / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10211000016> (дата обращения: 24.01.2025).

(Дата подачи: 11.02.2025 г.)

Е. С. Лешук

Белорусский национальный технический университет, Минск

E. S. Leshuk

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 005.95/96

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ПЕРСОНАЛА В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

THE ROLE OF TECHNOLOGY IN IMPROVING STAFF PRODUCTIVITY IN THE FORESTRY INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассматривается влияние современных технологий на эффективность и производительность труда в лесной промышленности Республики Беларусь. Автор анализирует текущие тенденции и инновации, внедряемые в отрасли, приводит примеры успешных практик, которые способствуют повышению производительности и улучшению качества выполняемых работ. Рассматриваются барьеры и вызовы, с которыми сталкиваются предприятия при внедрении новых технологий, подчеркивается необходимость адаптации кадровой политики к современным требованиям.

Ключевые слова: технологии; лесная промышленность; производительность труда; персонал; инновации; тенденции; эффективность; адаптация.

The article examines the impact of modern technologies on labor efficiency and productivity in the forestry industry of the Republic of Belarus. The author analyzes current trends and innovations implemented in the industry, provides examples of successful practices that contribute to increased productivity and improved quality of work performed. The barriers and challenges faced by enterprises in the implementation of new technologies are also considered, and the need to adapt personnel policy to modern requirements is emphasized.

Keywords: technology; forestry; labor production; personnel; innovation; trends; efficiency; adaptation.

Современные технологии становятся неотъемлемой частью всех отраслей экономики, включая лесную промышленность. В условиях глобализации и цифровизации необходимость внедрения инновационных решений возрастает, так как они позволяют существенно повысить эффективность производства, снизить издержки и улучшить экологическую устойчивость отрасли. Для Республики Беларусь лесная промышленность является важной частью национальной экономики, обеспечивающей значительную долю экспорта и занятости. Однако уровень внедрения современных технологий в этой отрасли остается низким по сравнению с ведущими странами. Это делает актуальным исследование их роли в повышении производительности труда и конкурентоспособности.

Основной проблемой является недостаточный уровень автоматизации и использования информационных систем в лесной промышленности Бе-

ларуси. Это приводит к низкой производительности труда и ограничивает возможности для устойчивого развития отрасли. Среди вызовов можно выделить недостаток инвестиций, нехватку квалифицированного персонала и ограниченную доступность современных технологий. Эти факторы требуют комплексного подхода к их преодолению, включая разработку стратегий и программ поддержки.

Автоматизация процессов в лесозаготовках имеет множество преимуществ. Во-первых, она позволяет увеличить производительность труда в 2–3 раза по сравнению с традиционными методами, что особенно важно в условиях растущего спроса на древесину. Во-вторых, автоматизация способствует снижению производственных издержек на 20–30 %, что делает предприятия более конкурентоспособными. В-третьих, использование автоматизированных технологий значительно снижает риск травматизма среди работников, так как минимизируется объем ручного труда, связанного с выполнением опасных операций [3].

Автоматизация процессов (далее – АП) в лесозаготовках представляет собой внедрение технологий, направленных на замену или поддержку ручного труда, что позволяет значительно повысить эффективность и безопасность работы. В последние десятилетия автоматизация стала важным элементом модернизации лесной промышленности, что особенно актуально в условиях возрастающей потребности в ресурсах и необходимости минимизации негативного воздействия на окружающую среду. Применение таких технологий, как харвестеры (представляют собой машины, которые выполняют функции валки деревьев, их обрезки и раскряжевки, что позволяет значительно сократить время выполнения этих операций) и форвардеры (используются для транспортировки заготовленной древесины, обеспечивая ее доставку на места временного хранения или переработки), позволяет не только ускорить процесс заготовки древесины, но и снизить уровень травматизма среди работников, так как эти машины оснащены современными системами управления, которые минимизируют ошибки и повышают точность выполнения операций. Другой важной технологией является применение систем GPS и сенсорных устройств для мониторинга и управления процессами в реальном времени [6]. Эти системы позволяют отслеживать местоположение техники, оптимизировать маршруты ее передвижения и контролировать состояние оборудования. Кроме того, использование автоматизированных систем управления процессами способствует снижению производственных издержек, улучшению качества продукции и повышению общей производительности труда.

В Беларуси АП в лесной промышленности активно развивается. На сегодняшний день около 40 % всех операций в лесозаготовках выполняются с использованием автоматизированных технологий. Эти изменения способствуют улучшению экономических показателей отрасли.

Опыт других стран показывает, что автоматизация является ключевым фактором успеха в лесной промышленности. Например, в Швеции более 90 % всех лесозаготовок осуществляется с использованием автоматизированных технологий. Такой высокий уровень автоматизации позволяет стране не только обеспечивать внутренние потребности, но и быть одним из ведущих экспортеров древесины в мире. Этот опыт демонстрирует, как внедрение современных технологий может способствовать устойчивому развитию отрасли и повышению ее конкурентоспособности.

Информационные системы (далее – ИС) управления играют ключевую роль в лесной промышленности, способствуя эффективному управлению ресурсами и данными, а также оптимизации операций. Внедрение таких систем в Беларуси стало важным шагом к цифровизации отрасли, увеличивая прозрачность и эффективность управления лесными ресурсами. Основными преимуществами внедрения ИС управления в лесной промышленности являются повышение точности и скорости обработки данных, снижение затрат и улучшение контроля за процессами. Например, использование систем GPS и БелТрансСпутник помогает оптимизировать логистику, сокращая расходы до 20 %. Кроме того, такие системы способствуют уменьшению потерь древесины и более точному учету ресурсов, что особенно важно для устойчивого управления лесами [5].

В 2021 г. в стране было внедрено 3 новых ИС, что позволило увеличить точность учета древесины на 53,1 % и повысить экспортный потенциал до 833,323 млн долларов, чем в 2020 г. (согласно данным FAO, внедрение таких технологий увеличивает производительность труда на 15–20 %, что связано не только с оптимизацией процессов, но и со снижением времени, затрачиваемого на выполнение задач) [1; 4].

Например, в Финляндии блокчейн-технологии активно используются для повышения прозрачности и эффективности управления поставками древесины, что позволяет минимизировать потери и улучшить контроль качества. А в Канаде внедрение систем управления ресурсами на основе искусственного интеллекта позволило сократить затраты на 10 %, что также свидетельствует о повышении эффективности работы.

В Беларуси перспективы внедрения инновационных методов управления в лесной промышленности выглядят весьма обнадеживающе. В 2021 г. было реализовано более 30 программ повышения квалификации для управленцев, что свидетельствует о готовности отрасли к изменениям. Кроме того, рост интереса к использованию современных технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, открывает новые возможности для повышения эффективности управления. Таким образом, инновационные методы управления способствуют не только улучшению производительности, но и снижению издержек.

Современные технологии в лесной промышленности играют ключевую роль в улучшении условий труда работников. Использование автоматизи-

рованных систем управления и специализированного оборудования снижает физическую нагрузку на сотрудников, что способствует повышению их комфорта и эффективности. Например, внедрение экзоскелетов (носимое техническое устройство для защиты человека от опасности физических перегрузок в процессе труда) в лесной отрасли позволяет существенно уменьшить нагрузку на позвоночник и другие части тела, что подтверждается исследованиями Европейской комиссии, показывающими снижение нагрузки на 30 %. Это не только улучшает физическое состояние сотрудников, но и повышает их удовлетворенность работой, создавая более благоприятную рабочую среду.

Технологические инновации способствуют значительному повышению уровня безопасности на рабочих местах. Внедрение систем видеонаблюдения и контроля доступа на предприятиях лесной промышленности Беларуси, как это было сделано в 2021 г., позволяет оперативно выявлять и предотвращать потенциальные угрозы, обеспечивая более высокий уровень защиты работников. Кроме того, такие системы способствуют улучшению контроля за соблюдением правил безопасности, что особенно важно в условиях повышенной опасности лесозаготовительных работ [2].

Одним из значимых результатов применения технологий в лесной промышленности является снижение травматизма среди работников. Например, благодаря внедрению систем мониторинга лесозаготовительных машин в 2024 г. количество аварий на производстве в Беларуси сократилось на 15 %. Это демонстрирует, как инновационные подходы могут минимизировать риски, связанные с использованием тяжелой техники, и создать более безопасные условия труда.

Технологии оказывают положительное влияние на здоровье работников, снижая вероятность возникновения профессиональных заболеваний. Использование автоматизированных систем управления позволяет уменьшить воздействие вредных факторов, таких как шум и вибрация, что подтверждается данными Всемирной организации здравоохранения: риск профессиональных заболеваний снижается на 25 %. Это особенно важно для лесной промышленности, где работники часто сталкиваются с неблагоприятными условиями труда.

Системы мониторинга безопасности, внедряемые на предприятиях лесной промышленности, играют важную роль в предотвращении несчастных случаев и аварий. Например, в 2019 г. в Беларуси была внедрена система мониторинга лесозаготовительных машин, которая позволила улучшить контроль за их эксплуатацией и сократить количество аварий. Эти системы обеспечивают не только безопасность работников, но и способствуют более рациональному использованию оборудования, что в долгосрочной перспективе повышает общую производительность отрасли.

Среди расширенных плюсов в использовании современных технологий есть ряд проблем и ограничений для их внедрения.

Финансовые ограничения представляют собой одну из наиболее значительных проблем внедрения новых технологий в лесной промышленности Республики Беларусь. Ограниченные финансовые ресурсы предприятий не позволяют им приобретать современное оборудование и внедрять инновационные технологии, что существенно замедляет процесс автоматизации и цифровизации отрасли.

Недостаток квалифицированных кадров также является серьезным барьером для внедрения новых технологий. В 2021 г. только 15 % из 20 тысяч специалистов, занятых в лесной отрасли Беларуси, имели опыт работы с современными технологиями. Это создает необходимость в дополнительном обучении и переподготовке персонала, что требует значительных временных и финансовых затрат. Без достаточного количества квалифицированных сотрудников предприятия сталкиваются с трудностями при использовании сложных систем и оборудования.

Еще одной проблемой является отсутствие необходимой инфраструктуры и устаревшая техническая база. Согласно отчету Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь, около 60 % оборудования в отрасли нуждается в модернизации. Это приводит к снижению эффективности производства и ограничивает возможности для внедрения современных технологий. Кроме того, отсутствие развитой инфраструктуры, такой как сети передачи данных, препятствует внедрению цифровых решений и автоматизированных систем.

Законодательные барьеры также оказывают влияние на процесс внедрения технологий. Хотя в 2022 г. было принято постановление, упрощающее процедуру сертификации оборудования для лесной промышленности, этого оказалось недостаточно для создания благоприятной регуляторной среды. Существующие нормативные акты не всегда учитывают специфику лесной отрасли, что создает дополнительные трудности для предприятий, стремящихся внедрять инновации.

Сопротивление изменениям внутри организаций является еще одним значительным барьером. Согласно опросу среди руководителей лесных предприятий, около 60 % респондентов отметили сложности в принятии новых технологий из-за отсутствия поддержки со стороны сотрудников. Это связано с боязнью изменений, недостаточной осведомленностью о преимуществах технологий и отсутствием мотивации к обучению. Такое отношение замедляет процесс внедрения инноваций и требует дополнительных усилий для преодоления сопротивлений.

Недостаточная осведомленность о современных технологиях также ограничивает их внедрение. Исследование 2023 г. показало, что только 25 % лесных предприятий Беларуси активно используют цифровые платформы для управления процессами. Это указывает на низкий уровень информированности руководителей и сотрудников о возможностях, которые открывают новые технологии. Для решения этой проблемы необходимо проводить

образовательные кампании и предоставлять доступ к информации о переходных разработках.

Таким образом, можно выделить ключевые направления воздействия современных технологий на совершенствование производительности труда персонала в лесной промышленности Республики Беларусь:

- автоматизация процессов (внедрение автоматизированных технологий, таких как харвестеры и форвардеры, значительно увеличивает производительность труда, сокращая время выполнения операций и снижая производственные издержки. Это не только повышает общую эффективность, но и создает более безопасные условия труда, минимизируя риск травматизма);
- информационные системы управления (разработка и внедрение ИС управления улучшает контроль за ресурсами и процессами, повышает точность обработки данных и оптимизирует логистику. Это ведет к снижению затрат и потерь, что также способствует увеличению производительности труда);
- обучение и подготовка кадров (адаптация кадровой политики и программы повышения квалификации для работников позволяют обеспечить необходимый уровень компетенции для работы с современными технологиями. Это критически важно для успешного внедрения инноваций и повышения общей производительности);
- улучшение условий труда (технологические новшества, такие как экзоскелеты и системы видеонаблюдения, не только повышают безопасность, но и улучшают условия труда, снижая физическую нагрузку на работников. Это, в свою очередь, способствует увеличению их удовлетворенности работой и снижению текучести кадров);
- экологическая устойчивость (использование технологий, способствующих более рациональному использованию ресурсов и минимизации негативного воздействия на окружающую среду, помогает предприятиям достигать устойчивого развития и повышать свою конкурентоспособность);
- сопротивление изменениям (одна из серьезных проблем внедрения новых технологий – это сопротивление изменениям со стороны сотрудников. Необходимость повышения осведомленности о преимуществах технологий и создания мотивации к обучению является важным аспектом для успешной трансформации отрасли).

В целом лесная промышленность Республики Беларусь играет важную роль в экономике страны, обеспечивая около 1,5 % ВВП. Сектор характеризуется высокой степенью зависимости от природных ресурсов и требует эффективного управления для устойчивого развития. В последние годы наблюдается активное внедрение технологий автоматизации и цифровизации, что способствует повышению эффективности работы отрасли. Это включает использование систем управления лесными ресурсами, которые позволяют оптимизировать процессы планирования и контроля, а также минимизировать потери. Для повышения уровня внедрения технологий в лесной про-

мышленности Беларуси рекомендуется разработать комплексную программу, включающую меры по обучению и переподготовке кадров, создание благоприятных условий для инвестирования в инновационные технологии и укрепление международного сотрудничества для обмена опытом. Также важно проводить регулярный мониторинг и оценку эффективности внедряемых технологий, чтобы своевременно корректировать подходы и стратегии. Перспективы дальнейших исследований включают детальное изучение влияния конкретных технологий на производительность труда, разработку моделей экономической эффективности их внедрения, а также анализ социально-экономических последствий автоматизации в отрасли. Особое внимание следует уделить вопросам экологической устойчивости и интеграции технологий, способствующих сохранению природных ресурсов.

В соответствии с вышеизложенным, главной сутью данного заключения является то, что технологии играют ключевую роль в повышении производительности труда персонала лесной промышленности Республики Беларусь. Однако для успешной реализации инновационных решений необходимо преодоление существующих барьеров, таких как нехватка квалифицированных кадров, финансовые ограничения и недостаточная инфраструктура. Разработка комплексной программы поддержки внедрения технологий станет важным шагом на пути к повышению конкурентоспособности лесной отрасли страны.

Список использованных источников

1. *Зулькарнай, И. У.* Импортозамещение и экспортозамещение в условиях санкций / И. У. Зулькарнай // **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА**. – 2022. – № 3. – С. 1–5.
2. *Коновальчик, Г. О.* Управление производительностью труда: опыт, проблемы / Г. О. Коновальчик, Т. В. Каштелян // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 7. Экономика и управление. – 2003. – № 11. – С. 118–121.
3. *Тамилин, П. В.* Программный комплекс по автоматизации учета лесного хозяйства / П. В. Тамилин; науч. рук. Г. П. Косинов // Исследования и разработки в области машиностроения, энергетики и управления: материалы XX Междунар. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Гомель, 23–24 апр. 2020 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого; под общ. ред. А. А. Бойко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2020. – С. 486–488.
4. Беларусь увеличила экспорт древесины в январе – мае на 53,1% до 833,323 млн долл. – URL: https://primepress.by/news/kompanii/belarus_uvelichila_eksport_drevesiny_v_yanvare_mae_na_53_1_do_833_323 mln_doll-35759/ (дата обращения: 23.01.2025).
5. *Крамник, М. С.* Цифровые технологии в управлении человеческими ресурсами / М. С. Крамник, И. Н. Калиновская // Витебский государственный технологический университет. – Витебск, 2021. – URL: http://www.rep.vstu.by/bitstream/handle/123456789/14669/54konf_tom1-81-84.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 19.12.2024).
6. *Сенько, Е. И.* Использование данных с БПЛА для целей лесного хозяйства / Е. И. Сенько // Белорусская лесная газета. – Минск, 2020. – URL: <https://lesgazeta.by/> (дата обращения: 04.01.2025).

(Дата подачи: 18.02.2024 г.)

Н. А. Мацкевич

Брестский государственный технический университет, Брест

N. A. Matsukevich

Brest State Technical University, Brest

УДК 338.242

АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

ANALYSIS OF INVESTMENT PROCESSES IN REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS: TRENDS AND FEATURES

В статье на основе системного анализа установлены основные тенденции, особенности и специфика в динамике инвестиционных процессов регионов Республики Беларусь с учетом сформировавшихся производственных потребностей и обеспеченности их инвестиционными ресурсами. Определены факторы, сдерживающие активность инвестиционной деятельности регионов Республики Беларусь, и выявлены возможные пути ее повышения.

Ключевые слова: регион; инвестиции; инвестиционные процессы; тенденции; активизация.

Based on a systematic analysis, the article identifies the main trends, features and specifics in the dynamics of investment processes in the regions of the Republic of Belarus, taking into account the established production needs and their provision with investment resources. The factors constraining the investment activity of the regions of the Republic of Belarus have been identified, and possible ways to increase it have been identified.

Keywords: region; investments; investment processes; trends; activation.

Восстановление экономики на современном этапе развития происходит в сложных условиях экономической интеграции, обусловленных ограничениями в межстрановом перемещении всех видов ресурсов, в том числе инвестиционных, что отражается на масштабах и интенсивности инвестиционной деятельности. В связи с тем, что инвестиции остаются важнейшим фактором экономического роста регионов, формируется необходимость комплексного анализа инвестиционных процессов и их влияния на социально-экономическое развитие регионов с целью ревизии подходов к регулированию инвестиционной деятельности на основе ее активизации с учетом сложившихся факторов макросреды. Особую значимость приобретает выявление в результате анализа сложившихся индивидуальных, характерных для регионов отличий (особенностей) и общих устойчивых направлений (тенденций) в развитии их инвестиционных процессов для дальнейшего учета в рамках реализации региональной инвестиционной политики.

Регионы Беларуси различаются по объему накопленного инвестиционного потенциала и инвестиционных ресурсов, что обуславливает диф-

ференциацию в их инвестиционных процессах с соответствующими региональными особенностями. Уровень пространственной неоднородности характеризует распределение инвестиций в основной капитал, преимущественный объем которых сконцентрирован в г. Минске и Минской области (уд. вес в республиканском объеме в 2015 г. – 41,3 %, в 2023 г. – 45 %) [1; 2]. В 2015–2023 гг. выросло влияние на республиканский показатель Брестской области (до 14,8 % в 2023 г.), Минской (до 24,8 %) и Витебской (до 8,7 %), снизилось – Гомельской (до 12,6 %) и Могилевской (до 7,8 %). Значительно снизился удельный вес Гродненской области в республиканском объеме инвестиций (с 18,9 % в 2017 г. до 11,1 % в 2023 г.) [1; 2], что обусловлено этапами финансирования строительства Белорусской атомной электростанции. Аутсайдеры по объемам привлекаемых инвестиций – Могилевская и Витебская области. В разрезе регионов максимальный уровень привлекаемых инвестиций на душу населения превышает минимальный более чем в 2 раза [3]. Пространственно инвестиции аккумулируются в областных и индустриальных центрах, промышленных и аграрно-промышленных районах, что усугубляет межрегиональную дифференциацию в социально-экономическом развитии регионов.

В период трансформации экономических отношений происходит сокращение объемов и интенсивности инвестиционной деятельности. Так, низкая интенсивность инвестиционной деятельности в 2016–2023 гг. к уровню 2015 г. и в 2021–2023 гг. к уровню 2020 г. отмечается во всех регионах республики (за исключением Брестской области – прирост 24,2 % и 17,6 % соответственно) [3].

Преобразования в экономике вызывают также изменения направлений инвестиционных потоков. Сохраняется неравномерность отраслевой структуры с преимущественным перераспределением инвестиций регионами в производственную сферу (за исключением г. Минска), что свидетельствует о постепенном наращивании их производственного потенциала и ориентации на опережающее развитие производственной сферы реального сектора экономики (рис. 1).

При этом одной из задач на 2021–2025 гг. [12] является увеличение доли сферы услуг в ВВП до 50–51 % и стимулирование ускоренного развития наукоемких высокотехнологичных услуг, что невозможно без наращивания объемов инвестиционных вложений в данном направлении.

Согласно сложившейся технологической структуре, основная доля инвестиций в основной капитал направляется регионами на финансирование «пассивной» части основных средств, что свидетельствует о необходимости ускоренной трансформации региональной технологической структуры инвестиций со смещением точки роста на «активную», прежде всего высокотехнологичную часть основных средств. Прогрессивные изменения отмечаются в Брестской области (уд. вес инвестиций в «активную» часть в общем объеме в 2015 г. – 27,9 %, в 2023 г. – преобладающая доля 44,2 %)

и в г. Минске (31,8 % и 48,9 % соответственно) [1], которые повышают возможности обновления основных производственных фондов и, с учетом кумулятивного эффекта, отразятся в дальнейшем на развитии производственного потенциала регионов.

	2015 год		2023 год	
Могилевская	54,1%	45,9%	50%	50%
Минская	51,9%	48,1%	57,8%	42,2%
г.Минск	18%	82%	26%	74%
Гродненская	69,3%	30,7%	62,7%	37,3%
Гомельская	71,1%	28,9%	61,5%	38,5%
Витебская	64,8%	35,2%	56,9%	43,1%
Брестская	43,9%	56,1%	55,2%	44,8%
Республика Беларусь	51,4%	48,6%	51,3%	48,7%

■ сфера производства

□ сфера услуг

Рис. 1. Отраслевая структура инвестиций

Примечание: собственная разработка на основе [4–11].

Положительной тенденцией в 2021–2023 гг. для всех регионов (за исключением Гомельской области) является постепенный рост объема инвестиций, направляемых на модернизацию или техническое перевооружение бизнес-процессов и основных средств (обновление технической базы), ускоренное технологическое обновление секторов производства, а также реконструкцию основных средств (рис. 2).

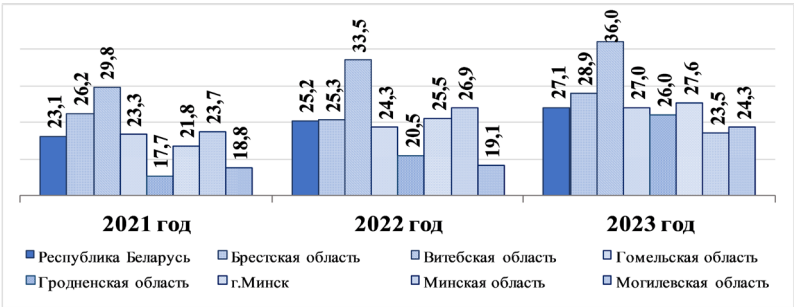

Рис. 2. Инвестиции, направленные на реконструкцию и модернизацию действующих объектов основных средств, % в общем объеме инвестиций в основной капитал региона

Примечание: собственная разработка на основе [13–26].

Вместе с тем необходимо повышение рациональности структуры распределения инвестиций посредством их переориентации с преимущественно технического перевооружения и модернизации традиционного для региона сектора экономики на прорывные проекты и высокотехнологичные производства (услуги).

Модернизация и реконструкция производств, оказывая мультипликативный эффект на экономический рост региона, создают возможность накопления дополнительного объема чистой прибыли – потенциального источника инвестиций и осуществляются, как правило, за счет собственных средств организаций при софинансировании с бюджетными средствами, в том числе инновационного фонда, заемными.

Несмотря на наметившееся в 2020 г. снижение доли импортных машин, оборудования, транспортных средств в объеме инвестиций в основной капитал (в 2021 г. в разрезе регионов уд. вес от 49,8 % до 65,1 %, в 2023 г. – от 33,9 % до 56,9 %) [13–26], сохраняется существенная зависимость инвестиционных вложений в «активную» часть основных средств от импортных технологий, машин и оборудования, комплектующих. При этом динамика показателя обусловлена, с одной стороны, завершением реализации крупных инвестиционных проектов в Гродненской, Витебской и Гомельской областях, с другой – санкционными ограничениями в поставках и адаптацией к внешним условиям путем активизации деятельности отечественной сферы НИОКР, работы в части импортозамещения, интенсификации инноваций.

Как показывает анализ, основными целями инвестирования в «активную» часть основных средств остаются преимущественно замена изношенной (физически и морально) техники и оборудования, а также реализация мер, направленных на повышение эффективности производства. При этом объем вкладываемых инвестиций пока не позволяет решить проблему высокого износа и недостаточного обновления основных средств. Дефицит у субъектов хозяйствования регионов инвестиционных ресурсов для данных целей формируется вследствие ограниченности (либо отсутствия) инвестиционных ресурсов, а также переориентации ими потенциальных инвестиционных ресурсов на иные вложения (оборотные активы, погашение полученных ранее кредитов и др.).

Так, степень износа основных средств ежегодно повышается во всех регионах республики (в разрезе регионов в 2023 г. от 37,0 % до 49,7 %) [3, с. 621], за исключением Гродненской области, что обусловлено вводом в эксплуатацию значительного объема основных средств в рамках инвестиционного проекта по строительству Белорусской атомной электростанции и инфраструктуры к ней. В свою очередь коэффициент обновления основных средств сократился в 2023 г. к 2020 г. более чем на треть в Брестской, Гомельской, Минской областях и г. Минске [3, с. 622].

Несмотря на то, что субъекты хозяйствования стараются нарастить техническую базу современным оборудованием, экономика регионов ос-

новывается преимущественно на технологиях IV уклада. На долю низко- и среднетехнологичных (низкого уровня) производств приходится 60 % добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, а на долю высокотехнологичных – лишь 6,8 % (V и VI укладов) [27, с. 6], что отражается на производительности труда. Причина – низкая доля инвестиций (затрат) на НИОКР в ВВП республики (0,58 % в 2023 г.) [27, с. 6], что не способствует достаточному воспроизводству производственного потенциала на инновационной основе и в целом сдерживает технологическое развитие отраслей экономики регионов.

Внедрение технологических инноваций (прогрессивных и прорывных технологий, оборудования) осуществляют лишь единичные субъекты хозяйствования ввиду ограниченности: 1) инвестиционных ресурсов, прежде всего собственных средств (доля которых в общем объеме затрат на инновации организаций промышленности в 2023 г. более 70 %) [4, с. 308], 2) их кредито- и платежеспособности (доля кредитов и займов банков – более 13 %) [4, с. 308].

Трансформация региональной инвестиционной политики и регулирование направленности инвестиционной деятельности должны проходить с учетом отмеченных особенностей, так как складывающаяся ситуация приводит к ослаблению конкурентных позиций производителей и негативно сказывается на социально-экономическом развитии регионов. Кроме того, в условиях ускоренной цифровизации экономики и сокращения жизненных циклов продукции для удержания позиций на рынках современным субъектам хозяйствования в среднесрочном периоде необходимо повышение технологического уровня за счет реализации проектов модернизации существующих производственных линий, а в ряде случаев – замены оборудования.

Износ основных средств, недостаток высокотехнологичных производств свидетельствуют о том, что регионам республики нужны значительные инвестиционные вложения, изыскание которых, а также управление их использованием с точки зрения приоритетности и высокой отдачи являются особо важными задачами в настоящее время.

Одним из ведущих направлений инвестирования регионов остается жилищное строительство (уд. вес в общем объеме инвестиций в региональном разрезе в 2023 г. от 17,0 % до 22,2 %) [3, с. 489–492] с постепенным снижением удельного веса жилья в общем объеме инвестиций в основной капитал, обусловленном: 1) постепенным насыщением спроса (обеспеченность жильем в расчете на 1 жителя в разрезе регионов в 2015 г. от 26,0 кв. м до 29,2 кв. м, в 2023 г. – от 28,7 кв. м до 33,2 кв. м [3, с. 246]. Высокая потребность территориально сохраняется в г. Минске, Минской и Гомельской областях; 2) снижением покупательской способности и способности к инвестированию вследствие «дорогих» кредитных ресурсов с дополнительными условиями гарантированного возврата, ограниченности сбережений населения и возможностей получения государственной поддержки; высокой,

относительно среднего дохода, стоимости 1 кв. м жилья при относительно низком предельном нормативе кредитования жилья, строящегося с государственной поддержкой, и др.

В целом наметившиеся тенденции инвестиционной деятельности свидетельствуют об объективной переориентации инвестиционных потоков в современных условиях адаптивности экономики и ее нацеленности на устойчивый экономический рост с решения преимущественно социальных вопросов на производственные, реализацию инвестиционных проектов с мультипликативной отдачей.

Основными источниками инвестиций в регионах выступают собственные средства организаций (уд. вес в общем объеме инвестиций в 2023 г. в разрезе регионов от 38,1 % до 55,9 %) и средства консолидированного бюджета (от 16,3 % до 29,5 %) [3, с. 481–484]. При этом у субъектов хозяйствования отсутствуют свободные инвестиционные ресурсы на реализацию масштабных инвестиционных проектов, а государство не располагает финансовыми ресурсами, достаточными для инвестирования на приоритетных направлениях, что сдерживает процесс структурных преобразований экономики регионов. Следующими по значимости источниками финансирования инвестиций во всех регионах (за исключением Гродненской области) являются средства населения (от 7,7 % до 15,7 %) и кредиты (займы) банков (от 8,4 % до 10,9 %) [3, с. 481–484].

Преимущественный объем инвестиций за счет средств консолидированного бюджета (более 60 % республиканского объема) в 2020–2023 гг. пространственно аккумулировался в г. Минске, Минской и Гродненской областях; внебюджетных фондов и иностранных источников – в г. Минске, Брестской и Минской областях (в 2023 г. – порядка 65 % и 79 % соответственно); собственных средств организаций и средств населения – в г. Минске, Брестской, Гомельской и Минской областях (более 70 % республиканского объема); заемных средств других организаций – в г. Минске, Брестской, Минской и Могилевской областях (более 50 % в 2020 г. и порядка 85 % в 2023 г.); кредитов (займов) банков и прочих источников – в г. Минске, Брестской, Гродненской и Минской областях (более 60 % и 78 % в 2020 г. и порядка 70 % и 77 % в 2023 г.) [3, с. 481–484]. Аутсайдерами в привлечении инвестиций за счет бюджетных средств, средств внебюджетных фондов, из прочих источников являются Могилевская и Гомельская области; собственных средств организаций – Могилевская и Витебская области; заемных средств других организаций – Гомельская и Гродненская области; средств населения и иностранных инвестиций без кредитов (займов) банков – Витебская и Гродненская области; кредитов (займов) банков – Витебская, Гродненская и Могилевская области; кредитов (займов) иностранных банков – г. Минск.

Сложившаяся структура определяется направлениями вложения инвестиций. Так, бюджетные средства финансируют, как правило, социально

значимые проекты (образования, здравоохранения, инфраструктура к жилью и др.), средства населения – жилищное строительство и инфраструктуру к нему. Следует отметить, что в регионах сохраняется устойчивый дефицит объемов финансирования для строительства инженерно-транспортной инфраструктуры.

В расширение, модернизацию, открытие новых производств вкладываются собственные средства организаций, кредиты (займы) банков. При этом масштабность инвестиционной деятельности за счет собственных средств субъектов хозяйствования региона напрямую коррелирует с объемами их чистой прибыли как основного источника инвестиционных ресурсов организаций. Для регионов остро стоит вопрос повышения прибыльности их деятельности, в 2023 г. не обеспечен объем чистой прибыли 2020 г. в фактических ценах в Витебской и Гомельской областях.

Одной из задач, определенных Программой социально-экономического развития на 2021–2025 гг. [12], является наращивание объемов собственных средств организаций в общем объеме инвестиций до 44 % в 2025 гг. В связи с чем необходимо проведение активной инвестиционной политики для сохранения объема инвестиций, финансируемого за счет собственных средств организаций не ниже достигнутого уровня Брестской, Гомельской и Витебской областями и для обеспечения их роста – Гродненской, Минской, Могилевской областями и г. Минском [3, с. 481–484].

Сдерживает инвестиционную деятельность сохраняющаяся низкая инвестиционная привлекательность кредитных ресурсов банков для юридических лиц, обусловленная: 1) высокими процентными ставками по кредитам (средние процентные ставки по новым кредитам в национальной валюте в 2023 г. – 8,47 % [28], в 2024 г. – 10,36 % [28]); 2) недостаточной кредитоспособностью субъектов хозяйствования (в том числе вследствие их закредитованности). В то время как в периоды экономического роста все большее влияние приобретают внешние источники инвестиций (привлеченные и заемные).

В период с 2015 по 2023 г. отмечается постепенное сокращение объема привлеченных регионами иностранных инвестиций в реальный сектор экономики республики (в 2015 г. – 11344,2 млн долл. США, в 2020 г. – 8680,2 млн долл. США, в 2023 г. – 7715,8 млн долл. США). Основная их доля в 2023 г. аккумулирована г. Минском (уд. вес в республиканском объеме 52,2 %), Минской (17,9 %) и Витебской (17,9 %) областями. В структуре в 2021–2023 гг. преобладают прямые инвестиции (в разрезе регионов уд. вес в общем объеме в 2023 г. – от 9,4 % до 93,3 %) [3], за исключением Витебской области, где основной объем представлен прочими иностранными инвестициями. В 2022–2023 гг. характерно снижение объема и удельного веса прочих иностранных инвестиций (кредитов и займов (включая кредиты и займы, полученные от нерезидентов Республики Беларусь), финансового лизинга, счетов и депозитов) в структуре инве-

стиций всех регионов, за исключением Витебской и Брестской областей [4–11].

По объему привлеченных инвестиций, в том числе прямых [3], устойчиво удерживают лидирующую позицию Минская область и г. Минск (85,4 % республиканского объема иностранных инвестиций в 2023 г.).

Традиционно наиболее привлекательны для иностранных инвесторов такие виды деятельности, как промышленность, прежде всего обрабатывающая; оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов; транспортная деятельность и складирование; сельское, лесное и рыбное хозяйство; операции с недвижимым имуществом; финансовая и страховая деятельность, а в г. Минске – отрасль информации и связи [4–11].

Наряду со снижающейся масштабностью деятельности иностранных инвесторов наблюдается узкая страновая диверсификация инвестиций. Преимущественный объем суммарного инвестиционного портфеля всех регионов республики формируют Российская Федерация и Кипр, являясь основными странами – инвесторами в Гомельской, Витебской областях и г. Минске. Наиболее диверсифицирован инвестиционный портфель Гродненской области [4–11].

В условиях отсутствия стабильности в инвестиционных ресурсах при огромной потребности в них требуется диверсификация источников инвестиций с привлечением альтернативных государственным ресурсам на основе механизмов государственно-частного партнерства, интеграции, трансформации сбережений (временно свободных денежных средств) населения и юридических лиц в инвестиционные ресурсы и т. п.

Как показывает анализ, препятствиями в активизации инвестиционной деятельности также являются: 1) недостаток крупных прорывных инвестиционных проектов (предложений) региональной значимости; 2) недостаточная прорабатываемость отдачи и эффективности инвестиций, рациональности реализации проектов, приоритетности долгосрочных проектов с высоким уровнем доходности и мультипликативной отдачи; 3) отсутствие на региональном уровне эффективно организованного механизма управления инвестиционной активностью, обеспечивающего реализацию единого регионального инвестиционного процесса и скоординированной региональной инвестиционной политики.

Регионы Беларуси столкнулись с необходимостью переломить ряд сформировавшихся негативных тенденций в инвестиционной деятельности, которые оказывают влияние в настоящее время и отразятся в будущем на развитии экономического сектора. При проведении экономических и социальных преобразований на региональном уровне, направленных на создание благоприятных условий для обеспечения устойчивого экономического развития, следует уделять особое внимание активизации инвестиционной деятельности с учетом отмеченных возможных направлений ее повышения.

Список использованных источников

1. Регионы Республики Беларусь: социально-экономические показатели. Том 2: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 586 с.
2. Регионы Республики Беларусь. Том 2: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2023. – 584 с.
3. Регионы Республики Беларусь. Том 1: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 698 с.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 317 с.
5. Статистический ежегодник Брестской области: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Брест. обл.; редкол.: О. В. Вилавская [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 344 с.
6. Статистический ежегодник Витебской области: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Витеб. обл.; редкол.: Ю. И. Москалев [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 346 с.
7. Статистический ежегодник Гомельской области: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Гомел. обл.; редкол.: Т. В. Кобылянская [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 341 с.
8. Статистический ежегодник Гродненской области: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Гроднен. обл.; редкол.: С. Л. Щирая [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 344 с.
9. Статистический ежегодник города Минска: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. города Минска; редкол.: Ю. И. Плакса [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 216 с.
10. Статистический ежегодник Минской области: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Минск. обл.; редкол.: С. Е. Ивашко [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 339 с.
11. Статистический ежегодник Могилевской области: стат. сб. / Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Могилев. обл.; редкол.: Е. А. Морозова [и др.]. – Минск: Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, 2024. – 341 с.
12. Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021 – 2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 / Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 10.12.2024).
13. Социально-экономическое положение Брестской области в январе-декабре 2023 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Брест. обл.: отв. Л. Г. Попова. – Брест: Гл. стат. упр. Брест. обл., 2024. – 127 с.
14. Социально-экономическое положение Брестской области в январе-декабре 2022 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Брест. обл.: отв. Л. Г. Попова. – Брест: Гл. стат. упр. Брест. обл., 2023. – 127 с.
15. Социально-экономическое положение Витебской области в январе-декабре 2023 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Витеб. обл.: отв. Т. И. Алексеенко. – Витебск: Гл. стат. упр. Витеб. обл., XII, 2024. – 158 с.
16. Социально-экономическое положение Витебской области в январе-декабре 2022 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Витеб. обл. – Витебск: Гл. стат. упр. Витеб. обл., XII, 2023. – 157 с.
17. Социально-экономическое положение Гомельской области в январе-декабре 2023 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Гом. обл.: отв. И. В. Джигоев. – Гомель: Гл. стат. упр. Гом. обл., XII, 2024. – 154 с.

18. Социально-экономическое положение Гомельской области в январе-декабре 2022 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Гом. обл.: отв. И. В. Джиоев. – Гомель: Гл. стат. упр. Гом. обл., XII, 2023. – 154 с.

19. Социально-экономическое положение Гродненской области в январе-декабре 2023 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Грод. обл. – Гродно: Гл. стат. упр. Грод. обл., XII, 2024. – 134 с.

20. Социально-экономическое положение Гродненской области в январе-декабре 2022 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Грод. обл. – Гродно: Гл. стат. упр. Грод. обл., XII, 2023. – 137 с.

21. Социально-экономическое положение города Минска в январе-декабре 2023 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. города Минска: отв. С. Р. Бычкова. – Минск: Гл. стат. упр. города Минска, XII, 2024. – 111 с.

22. Социально-экономическое положение города Минска в январе-декабре 2022 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. города Минска: отв. С. Р. Бычкова. – Минск: Гл. стат. упр. города Минска, XII, 2023. – 112 с.

23. Социально-экономическое положение Минской области в январе-декабре 2023 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Мин. обл.: отв. С. А. Окунь. – Минск: Гл. стат. упр. Мин. обл., XII, 2024. – 151 с.

24. Социально-экономическое положение Минской области в январе-декабре 2022 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Мин. обл.: отв. С. А. Окунь. – Минск: Гл. стат. упр. Мин. обл., XII, 2023. – 155 с.

25. Социально-экономическое положение Могилевской области в январе-декабре 2022 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Могилев. обл. – Могилев: Гл. стат. упр. Могилев. обл., XII, 2023. – 134 с.

26. Социально-экономическое положение Могилевской области в январе-декабре 2023 г. // Нац. стат. к-т Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Могилев. обл. – Могилев: Гл. стат. упр. Могилев. обл., XII, 2024. – 135 с.

27. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года / Министерство экономики Республики Беларусь, НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – URL: <https://drogichin.brest-region.gov.by/uploads/files/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

28. Средние процентные ставки по новым кредитам по срокам // Национальный банк Республики Беларусь. – URL <https://www.nbrb.by/statistics/avgintrates/credit?ysclid=m6dn7y7658897911937> (дата обращения: 20.01.2025).

(Дата подачи: 11.02.2025 г.)

М. Н. Морозова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

M. N. Marozava

Academy of Management under the President of the Republic
of Belarus, Minsk

УДК 33.502.338

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ БЕЛАРУСИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DIGITALIZATION OF STRATEGIC MANAGEMENT IN CONSUMER COOPERATION IN BELARUS: CHALLENGES AND PROSPECTS

В статье рассмотрены ключевые аспекты цифровизации стратегического управления в потребительской кооперации Беларуси. Приведены количественные показатели, демонстрирующие масштабы системы: 2478 организаций с годовым товарооборотом 4,2 млрд руб. и 80 тыс. сотрудников. Проанализированы преимущества внедрения цифровых технологий, такие как автоматизация бизнес-процессов, использование больших данных, искусственного интеллекта и блокчейн-технологий. Рассмотрены основные проблемы, включая недостаток квалифицированных кадров, законодательные барьеры и инфраструктурные ограничения. Предложены перспективные направления развития, включая государственную поддержку и внедрение инновационных технологий.

Ключевые слова: цифровизация; потребительская кооперация; стратегическое управление; искусственный интеллект; блокчейн; автоматизация.

The article examines the key aspects of digitalization in the strategic management of consumer cooperation in Belarus. Quantitative indicators showing the scale of the system are presented: 2478 organizations with annual turnover of 4,2 billion rubles and 80 thousand employees. The advantages of implementing digital technologies, such as business process automation, the use of big data, artificial intelligence, and blockchain technologies, are analyzed. The main challenges, including the lack of qualified personnel, legislative barriers, and infrastructure limitations, are discussed. Promising directions for development, including state support and the introduction of innovative technologies, are proposed.

Keywords: digitalization; consumer cooperation; strategic management; artificial intelligence; blockchain; automation.

Цифровизация стратегического управления в потребительской кооперации в Беларуси представляет собой важный и неотвратимый процесс, который обеспечивает организациям возможность адаптироваться к быстрым изменениям внешней среды, повышать свою конкурентоспособность и создавать условия для устойчивого развития [1, с. 23]. Потребительская кооперация Беларуси как объект управления характеризуется значительными масштабами: по данным Белкоопсоюза, в 2023 г. система объединяла 2478 организаций с совокупными активами 3,4 млрд руб., годовым товарооборотом 4,2 млрд руб. (8,3 % от общего объема розничной торговли

страны) и численностью занятых более 80 тыс. человек [2, с. 15]. В условиях глобальных изменений в мировой экономике, связанных с внедрением новейших технологий, потребность в цифровизации становится особенно актуальной. Использование информационных технологий в управлении, производственных процессах и взаимодействии с клиентами предоставляет организациям новые возможности для автоматизации, анализа данных и повышения качества обслуживания. Это особенно важно для потребительской кооперации, которая традиционно играет значительную роль в экономике Беларуси, занимая важное место в розничной торговле, сфере услуг и производственной деятельности, развитии потребительской кооперации.

В Беларуси потребительская кооперация занимает важное место в экономике, особенно в таких сферах, как розничная торговля (1832 магазина, включая 1215 в сельской местности), услуги (500 предприятий общественного питания) и производство (198 предприятий с годовым объемом выпуска 1,8 млрд руб) [3, с. 42]. Однако в последние десятилетия наблюдается рост требований к эффективности, прозрачности и скорости реагирования на изменения рыночных условий. Цифровизация всех процессов, начиная от управления запасами и заканчивая взаимодействием с конечными потребителями, становится важным фактором, который позволяет кооперативам не только сохранять свою конкурентоспособность, но и обеспечивать долгосрочную устойчивость в условиях повышенной неопределенности. При этом уровень цифровизации системы остается неравномерным: только 25–30 % организаций начали цифровую трансформацию, а автоматизация управленческих процессов варьируется от 10 % в малых кооперативах до 35 % в крупных региональных объединениях [4, с. 56].

Цифровизация позволяет кооперативам не только оптимизировать внутренние процессы, но и более эффективно реагировать на изменения рыночных условий, что становится ключевым фактором успеха в условиях высокой конкуренции. Например, внедрение цифровых технологий позволяет кооперативам более точно прогнозировать спрос, оптимизировать ассортимент товаров и услуг, а также улучшать качество обслуживания клиентов. Кроме того, цифровизация способствует повышению прозрачности процессов, что особенно важно для потребительской кооперации, которая традиционно ориентирована на удовлетворение потребностей своих членов и клиентов. Например, автоматизация процессов управления запасами позволяет снизить издержки, связанные с излишками или дефицитом товаров, что повышает эффективность работы кооперативов [5, с. 10]. Кроме того, цифровизация дает возможность кооперативам более эффективно управлять финансовыми потоками, что особенно важно в условиях ограниченных ресурсов [6, с. 45].

Цифровизация стратегического управления начинается с автоматизации рутинных операций. Внедрение ERP-систем (Enterprise Resource Planning) позволяет кооперативам централизованно управлять ресурсами, начиная от

учета товарных остатков и заканчивая финансовой отчетностью. Например, в Беларуси крупные кооперативы, такие как «Белкоопсоюз», уже используют ERP-системы для автоматизации процессов управления запасами и заказами. Это позволило сократить время обработки заказов на 30 % и повысить точность выполнения на 20 %. Такие системы не только оптимизируют внутренние процессы, но и способствуют повышению прозрачности и эффективности управления. Кроме того, ERP-системы позволяют кооперативам более эффективно управлять финансовыми потоками, что особенно важно в условиях ограниченных ресурсов. Например, автоматизация финансовой отчетности позволяет сократить время на подготовку отчетов и снизить вероятность ошибок, что повышает доверие со стороны инвесторов и партнеров. Кроме того, ERP-системы позволяют кооперативам более эффективно управлять цепочками поставок, что снижает издержки и повышает качество обслуживания клиентов. Например, автоматизация процессов управления запасами позволяет снизить издержки, связанные с излишками или дефицитом товаров, что повышает эффективность работы кооперативов [7, с. 102].

Использование больших данных и искусственного интеллекта (ИИ) открывает новые возможности для анализа потребительского поведения и прогнозирования спроса. Например, кооперативы могут использовать данные о покупках для прогнозирования спроса на определенные товары. Это позволяет оптимизировать ассортимент и снизить издержки, связанные с излишками или дефицитом товаров. В Беларуси некоторые кооперативы уже внедряют системы прогнозирования на основе ИИ, что позволяет им более точно планировать закупки и управлять запасами. Такие технологии также помогают лучше понимать потребности клиентов и предлагать персонализированные услуги. Например, анализ данных о покупках позволяет кооперативам предлагать клиентам товары и услуги, которые наиболее соответствуют их предпочтениям, что повышает уровень удовлетворенности клиентов и способствует росту продаж. Кроме того, использование ИИ позволяет автоматизировать процессы принятия решений, что снижает нагрузку на управленческий персонал и повышает скорость реагирования на изменения рыночных условий. Например, ИИ может использоваться для анализа данных о продажах и прогнозирования спроса, что позволяет кооперативам более точно планировать закупки и управлять запасами. Кроме того, ИИ может использоваться для анализа данных о клиентах, что позволяет кооперативам предлагать персонализированные услуги и улучшать качество обслуживания [8, с. 74].

Внедрение блокчейн-технологий способствует повышению прозрачности и безопасности операций. Блокчейн позволяет фиксировать все транзакции в цепочке блоков, что исключает возможность подделки данных. Например, в Беларуси блокчейн используется для отслеживания цепочек поставок сельскохозяйственной продукции. Это позволяет потребителям проверять происхождение товаров и их качество, что повышает доверие

к кооперативам. Кроме того, блокчейн используется для создания смарт-контрактов, которые автоматически выполняются при выполнении определенных условий. Это существенно упрощает взаимодействие между кооперативами и поставщиками, минимизируя затраты на администрирование и устраняя возможность возникновения конфликтов. Например, смарт-контракты могут автоматически осуществлять платежи при выполнении условий поставки, что снижает риски невыполнения обязательств и повышает прозрачность сделок. Кроме того, блокчейн может использоваться для создания децентрализованных платформ, которые позволяют кооперативам взаимодействовать напрямую, минуя посредников, что снижает издержки и повышает эффективность. Например, блокчейн может использоваться для создания платформ, которые позволяют кооперативам обмениваться данными о спросе и предложении, что способствует повышению прозрачности рынка и улучшению координации между производителями и потребителями [9, с. 31].

Одной из основных проблем цифровизации является недостаток квалифицированных кадров. Многие сотрудники кооперативов не обладают необходимыми навыками для работы с современными технологиями. Это требует значительных инвестиций в обучение и переподготовку персонала. Например, в 2023 г. только 30 % сотрудников белорусских кооперативов прошли обучение по работе с ERP-системами. Недостаток квалифицированных специалистов замедляет процесс внедрения цифровых технологий и снижает их эффективность. Для решения этой проблемы необходимо активное взаимодействие между образовательными учреждениями и бизнесом. Например, кооперативы могут сотрудничать с университетами и колледжами для подготовки специалистов, обладающих необходимыми навыками работы с цифровыми технологиями. Кроме того, важно разработать программы обучения, которые будут учитывать специфику работы кооперативов и позволят сотрудникам быстро адаптироваться к новым технологиям. Например, программы обучения могут включать курсы по работе с ERP-системами, большими данными и блокчейном, что позволит сотрудникам кооперативов более эффективно использовать цифровые технологии в своей работе [10, с. 60].

Еще одной проблемой является отсутствие четкой законодательной базы для регулирования использования цифровых технологий. В Беларуси до сих пор нет достаточного количества нормативных актов, регулирующих использование таких технологий, как блокчейн и ИИ. Это создает дополнительные риски для организаций и замедляет процесс внедрения инноваций. Необходимо разработать и внедрить законодательные инициативы, которые будут способствовать развитию цифровизации и защите интересов всех участников процесса. Например, законодательство должно регулировать вопросы использования блокчейна для обеспечения безопасности данных и защиты прав потребителей. Кроме того, важно создать механизмы, кото-

рые будут стимулировать кооперативы к внедрению цифровых технологий, например, через предоставление налоговых льгот или субсидий. Например, государство может предоставлять субсидии на внедрение ERP-систем или обучение персонала, что сделает цифровизацию более доступной для небольших кооперативов. Кроме того, важно разработать законодательные инициативы, которые будут способствовать развитию цифровизации и защите интересов всех участников процесса [11, с. 85].

Цифровизация требует значительных инвестиций в инфраструктуру, программное обеспечение и обучение персонала. Для многих кооперативов, особенно небольших, это становится серьезным барьером. Например, внедрение ERP-системы может стоить от 50 000 до 200 000 долл. США, что недоступно для многих региональных кооперативов. Кроме того, проблема инфраструктурной неготовности регионов к внедрению цифровых технологий связана с отсутствием стабильных и высокоскоростных интернет-соединений в отдаленных уголках Беларуси. Это ограничивает возможности для внедрения систем автоматизации и аналитики в небольших кооперативах, а также снижает общую скорость работы предприятий. Для решения этой проблемы необходимо развитие цифровой инфраструктуры, включая расширение покрытия высокоскоростного интернета в сельских и отдаленных районах. Кроме того, важно разработать программы государственной поддержки, которые помогут кооперативам покрыть часть затрат на внедрение цифровых технологий. Например, государство может предоставлять субсидии на внедрение ERP-систем или обучение персонала, что сделает цифровизацию более доступной для небольших кооперативов [12, с. 110].

В будущем можно ожидать роста использования интернета вещей (IoT) для мониторинга состояния товаров и автоматизации производственных процессов. Например, умные датчики могут отслеживать температуру и влажность на складах, что повышает качество хранения продукции. В Беларуси уже есть примеры использования IoT в сельскохозяйственных кооперативах, что позволило снизить потери продукции на 15 %. Такие технологии не только повышают эффективность, но и способствуют снижению издержек и улучшению качества продукции. Например, умные датчики могут автоматически регулировать условия хранения товаров, что снижает риск порчи продукции и повышает ее качество. Кроме того, IoT может использоваться для автоматизации процессов производства, что позволяет снизить затраты на труд и повысить производительность. Например, умные датчики могут отслеживать состояние оборудования и предупреждать о возможных поломках, что снижает риск простоев и повышает эффективность производства [13, с. 37].

Государственная поддержка играет важную роль в развитии цифровизации. В Беларуси уже действуют программы, направленные на развитие цифровой инфраструктуры и обучение кадров. Например, программа «Цифровая Беларусь 2030» предусматривает выделение субсидий на внедрение

инновационных технологий в кооперативах. Такие инициативы способствуют ускорению процессов цифровизации и помогают кооперативам преодолевать финансовые и инфраструктурные барьеры. Например, государственные субсидии могут покрывать часть затрат на внедрение ERP-систем или обучение персонала, что делает цифровизацию более доступной для небольших кооперативов. Кроме того, важно разработать программы, которые будут стимулировать кооперативы к внедрению цифровых технологий, например, через предоставление налоговых льгот или субсидий. Например, государство может предоставлять субсидии на внедрение ERP-систем или обучение персонала, что сделает цифровизацию более доступной для небольших кооперативов [14, с. 60].

Перспективным является создание национальных и международных цифровых платформ для обмена данными между кооперативами. Это позволит повысить прозрачность рынка и облегчить взаимодействие между различными субъектами экономической деятельности. Например, в Беларуси уже разрабатывается платформа для обмена данными между сельскохозяйственными кооперативами, что позволит улучшить координацию между производителями и потребителями. Такие платформы способствуют развитию сотрудничества и повышению эффективности всей отрасли. Например, платформа может предоставлять данные о спросе и предложении на сельскохозяйственную продукцию, что позволит кооперативам более точно планировать производство и сбыт. Кроме того, такие платформы могут использоваться для обмена опытом и лучшими практиками, что способствует развитию инноваций в кооперативном секторе. Например, платформа может предоставлять данные о спросе и предложении на сельскохозяйственную продукцию, что позволит кооперативам более точно планировать производство и сбыт [15, с. 37].

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Цифровизация в стратегическом управлении потребительской кооперацией в Беларуси имеет огромный потенциал для повышения конкурентоспособности и устойчивости кооперативов. Однако для успешного внедрения цифровых технологий необходимо решить ряд проблем, таких как недостаток квалифицированных кадров, отсутствие законодательной базы и высокая стоимость внедрения.

2. В будущем развитие цифровизации будет зависеть от совместных усилий государства, бизнеса и образовательных учреждений. Только при условии комплексного подхода можно достичь значительных успехов в этой области. Например, важно разработать стратегии, которые будут учитывать специфику кооперативов и позволят им эффективно внедрять цифровые технологии [16, с. 45]. Кроме того, необходимо создать условия для обмена опытом и лучшими практиками между кооперативами, что будет способствовать развитию инноваций и повышению конкурентоспособности.

Список использованных источников

1. *Иванова, И. А.* Цифровизация в сфере экономики: современные тенденции и вызовы / И. А. Иванова. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2023. – 120 с.
2. Белкоопсоюз. Годовой отчет за 2023 год / Белкоопсоюз. – Минск: Белкоопсоюз, 2024. – 215 с.
3. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. Торговля Беларуси: стат. сб. / М-во антимоноп. регулирования и торговли Респ. Беларусь. – Минск: Минторг, 2024. – 186 с.
4. *Ковалева, Т. П.* Цифровая зрелость белорусских предприятий: оценка и тенденции / Т. П. Ковалева // Вопросы экономики. – 2024. – № 3. – С. 54–67.
5. *Белоусова, В. А.* Стратегическое управление в условиях цифровизации / В. А. Белоусова. – Минск: Наука и техника, 2024. – 234 с.
6. *Кравченко, Н. Е.* Информационные технологии и их роль в управлении кооперативами / Н. Е. Кравченко // Экономика и управление. – 2023. – №12. – С. 45–59.
7. *Журавлев, А. П.* Внедрение ERP-систем в белорусских предприятиях / А. П. Журавлев // Технологии управления. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 102–109.
8. *Соловьева, О. И.* Блокчейн в управлении кооперативами: тенденции и перспективы / О. И. Соловьева // Современная экономика. – 2023. – № 8. – С. 74–88.
9. *Степанова, Т. Е.* Влияние искусственного интеллекта на управление кооперативами / Т. Е. Степанова // Технологии и инновации. – 2024. – Т. 4, № 1. – С. 31–44.
10. *Петров, А. С.* Роль больших данных в стратегическом управлении / А. С. Петров // Экономика 21 века. – 2024. – № 6. – С. 60–72.
11. *Сергеева, Е. П.* Проблемы цифровизации в Беларуси: правовое регулирование и законодательные инициативы / Е. П. Сергеева // Юридический вестник. – 2023. – № 11. – С. 85–98.
12. *Кудрявцев, О. И.* Проблемы инфраструктуры для цифровизации: взгляд изнутри / О. И. Кудрявцев // Информационные технологии. – 2024. – № 2. – С. 110–121.
13. О государственной программе «Цифровая Беларусь 2030»: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2023 г., № 1234 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
14. О мерах по реализации Программы цифровизации экономики на 2024–2025 годы // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
15. *Глазкова, М. В.* Блокчейн и защита данных: особенности применения в кооперативном секторе / М. В. Глазкова // Проблемы информатизации. – 2024. – № 5. – С. 37–52.
16. *Архипова, Л. Е.* Адаптация кооперативов к новым цифровым реалиям / Л. Е. Архипова // Экономический журнал. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 43–55.
17. *Федоров, И. А.* Проблемы и перспективы цифровизации в малом и среднем бизнесе / И. А. Федоров // Экономические исследования. – 2024. – № 4. – С. 78–92.
18. *Васильев, П. С.* Искусственный интеллект и автоматизация в кооперативном управлении / П. С. Васильев // Инновации и управление. – 2023. – Т. 6, № 7. – С. 67–79.
19. Белорусская ассоциация кооперативов. Рекомендации по внедрению цифровых технологий. – Минск, 2023. – 45 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Н. С. Павлова

Республиканский институт высшей школы, Минск

А. В. Данильченко

Белорусский национальный технический университет, Минск

N. S. Paulava

National Institute for Higher Education, Minsk

A. V. Danilchanka

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 338.462

О ФОРМАХ И МОДЕЛЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

FORMS AND MODELS OF INTERNATIONALISATION OF HIGHER EDUCATION SERVICES

На основе анализа существующих моделей интернационализации услуг в сфере высшего образования (ВО) обоснована с учетом четырех способов торговли услугами в соответствии с Генеральным соглашением по торговле услугами (ГАТС) собственная классификация форм и видов интернационализации и разработана авторская модель активной интернационализации услуг высшего образования.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования; интернационализация образовательных услуг; пассивная и активная интернационализация; модели интернационализации услуг высшего образования.

On the basis of analysis of existing models of internationalization of higher education services, a classification of forms and types of internationalization of higher education services was created in accordance with the four GATS trade modes; and the author's model of internationalization of higher education services was proposed.

Keywords: internationalisation of higher education; internationalisation of education services; passive and active internationalization; models of internationalization of higher education.

Интернационализация услуг высшего образования становится ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность как отдельных учреждений высшего образования (УВО), так и стран в глобальной экономике. Фрагментарность современных исследований процесса интернационализации ВО в экономическом контексте, отсутствие единой терминологии в определении ее форм и разновидностей, которые содержатся в отчетной документации международных организаций, администрации УВО и научных статьях зарубежных и отечественных авторов, затрудняют систематизацию знаний в данной области и прогнозирование экономических отношений в процессе интернационализации услуг ВО. Все это препятствует разработке обоснованных стратегий интернационализации как для отдельных УВО, так и для органов государственной власти (см.: [1]).

Цель данного исследования – формирование системного экономического подхода к определению форм и разновидностей интернационализации

услуг высшего образования на основе анализа содержания моделей интернационализации услуг в сфере ВО, в результате которого будут обоснованы, во-первых, типология и характеристика форм и видов интернационализации услуг ВО в соответствии с ГАТС, во-вторых, модель активной интернационализации услуг ВО, отражающая степень интернационализации и использования ресурсного потенциала УВО в рамках существующих форм и видов интернационализации.

Анализ моделей интернационализации высшего образования, представленных в работах русско- и англоязычных авторов с начала 1990-х гг., показал, что теоретическим основанием большинства из них выступает стратегический подход, а критериями – уровень акторов-инициаторов решений (академический или административный); степень активности и заинтересованности в организации процесса интернационализации; факторы, влияющие на выбор формы интернационализации; степень зависимости от ресурсного капитала УВО, и др. (таблица 1).

Следует отметить, что объектами большинства моделей выступают англоязычные УВО, которые функционируют в высоко конкурентной борьбе за потребителей – иностранных студентов, что объясняет выбор исследователей в пользу стратегического подхода к объяснению процесса интернационализации. Поскольку задачей данного исследования является систематизация и характеристика форм интернационализации услуг ВО, наиболее близкими к ее решению представляются четыре стадийные модели. Фокус модели Джиянга и Карпентера (12) концентрируется на объяснении процесса интернационализации УВО при помощи традиционных теорий интернационализации деловой активности и перечисления всех возможных видов предоставления образовательных программ в рамках местной, партнерской сетевых стадий и стадии создания зарубежного филиала, однако без указания степени интернационализации каждого из указанных видов [2]. Модель Ли и Робертс (13), показывая иерархическую смену видов интернационализации, не связывают их с формами интернационализации [3]. Поскольку их концепция построена на результатах исследования интернационализации британских вузов в Китае (спецификой которых является высокоразвитый франчайзинг внутри страны и на международном уровне), то они ставят франчайзинг на ступень раньше совместных образовательных программ, что противоречит иерархии форм интернационализации деловых услуг. В модели Яровой (9) также отсутствует разграничение форм и видов интернационализации услуг ВО и представлен не полный перечень последних [4].

Анализ концептуальных оснований и понятийный аппарат моделей интернационализации показал, что они базируются на разнообразных критериях и подходах, затрудняя их научную систематизацию. С другой стороны, это требует дополнительного обоснования исходных посылок, критериев и признаков для разработки синтезированной модели интернационализации услуг ВО.

Модели интернационализации высшего образования

№	Наименование модели (автор, год возникновения)	Концептуальные основания
1	Модель инициации интернационализации Нив (Neave, 1992)	Два уровня акторов, запускающих процесс интернационализации УВО: управленческий и академический
2	Матричная модель степени интернационализации Дейвиз (Davies, 1992)	4 подхода к интернационализации в зависимости от комбинации двух факторов: рыночной позиции вуза (периферия/центр) и отношения к интернационализации (пассивное/активное)
3	Циклическая 6-фазная модель интернационализации вуза Найт и де Уит (Knight, De Wit, 1995)	Цикл интернационализации состоит из шести фаз (в основе цикла – создание поддерживающей культуры внутри организации): осознание необходимости интернационализации, привлечение стейкхолдеров, планирование, операционная деятельность, оценка результатов, вознаграждение и закрепление результатов
4	Модель интернационализации учебной программы Ван дер Венде (Van der Wende, 1996)	Трёхуровневая система интернационализации четырех составляющих учебной программы: объем учебной программы (от 1 модуля до полной учебной программы специальности), направленность программы (от моно до междисциплинарности), условия развития (от национального до международного уровня) и целевая аудитория (от местных студентов до смешения местных и международных студентов).
5	Фрактальная 6-стадийная модель интернационализации Рудзки (Rudzki, 1998)	6 стадий: 1) анализ внутренних и внешних условий, 2) выбор между активным или пассивным подходом к интернационализации, 3) выбор между экономико-политическими или культурно-образовательными мотивами, 4) непосредственные действия, охватывающие процессы организационных изменений, внедрения инноваций в учебные программы, развития персонала и мобильности студентов, 5) мониторинг и оценка результатов, 6) внесение коррективов.
6	Бизнес-модель конкурентного преимущества вуза и выбора зарубежного рынка для интернационализации Маззарол (Mazzarol, 1998)	Выбор зарубежного рынка предопределяется не столько наличием опыта в торговле услугами и психологическим расстоянием (идея успешальной модели), сколько ответом вуза на рыночный спрос. Шесть конкурентных преимуществ УВО включают 1) бренд, 2) формирование коалиций, 3) формы коммерческого присутствия за рубежом, 4) организационную экспертизу, 5) организационную культуру, 6) эффективное использование информационных технологий.

№	Наименование модели (автор, год возникновения)	Концептуальные основания
7	Модель стратегий интернационализации Аюби и Массуд (Ayoubi, Massoud, 2007)	Двухфакторная модель, отражающая взаимосвязь между высоким и низким Уровнем стратегического намерения интернационализироваться (измеряемым документально) и высоким и низким результатом интернационализации, измеряемым количественными статистическими показателями (процент международных студентов, процент дохода вуза, генерируемого международными студентами и рыночной долей международных студентов среди первокурсников).
8	Ресурсная модель выбора способа выхода на зарубежный рынок образовательных услуг Найду (Naidoo, 2010)	Выбор способа выхода на зарубежный рынок образовательных услуг определяется ресурсным потенциалом учебного заведения (организационные способности, включающие ноу-хау и опыт, организационную культуру, финансовый и репутационный капитал) и институциональной дистанцией с целевой страной.
9	Модель последовательной интернационализации деятельности вуза Яровой (2010)	Модель отражает следующие формы (расположены в порядке возрастания степени интернационализации деятельности вуза и его потребности в финансовом, научном, кадровом и инновационном капитале): экспорт образовательных услуг (академическая мобильность), совместные образовательные и научно-исследовательские проекты, образовательный франчайзинг, тайнинг-партнерство (разработка совместных образовательных программ), создание совместных университетских кампусов, создание зарубежной филиальной сети, создание образовательных центров за рубежом (аутсорсинг) и международных образовательных альянсов.
10	Модель экстернальной интернационализации деятельности вуза Елкиной (2010)	Выделила интернальную (внутринаправленную) и экстернальную (внешненаправленную) интернационализацию и на основе Упсальской модели выявила 5 стадий диверсификации способов выхода на рынок: рекрутинг иностранных студентов в страну базирования, дистанционное обучение иностранных студентов, совместные коммерческие программы, франчайзинговые соглашения и филиал за рубежом.
11	Модель всеохватывающей интернационализации Гулзик (Hudzik, 2011)	Интернационализация – институциональная необходимость активного внедрения международного аспекта в триединую миссию университета: преподавание, исследование, исследовательскую деятельность и предоставление услуг.
12	Динамическая модель выхода на образовательный рынок Джанг и Карпентер (Jiang, Carpenter, 2011)	Модель объединяет бизнес-теории интернационализации (транзакционных издержек, агентский, ресурсный и OLI подходы) и стадии развития интернационализации высшего образования (местная, партнерская и зарубежный филиал) и показывает варианты выхода на рынок и соответствующие им формы предоставления образовательных программ, а также зоны развития.

№	Наименование модели (автор, год возникновения)	Концептуальные основания
13	Стадийная модель интернационализации Ли и Робертс (Li, Roberts, 2012)	На основе Упсальской модели показана поэтапная смена способов выхода британских вузов на рынок КНР по мере нарастания их приверженности к китайскому рынку (экспорт, валидация, франчайзинг, совместные программы и совместный вуз).
14	Модели систем высшего образования по типу стимулирования экспорта услуг ВО (Айдрус, Горшкова, 2015)	3 модели: 1) традиционная (страны-лидеры: Великобритания, Германия, Франция, США, Австралия, Новая Зеландия, Россия), 2) догоняющая (Китай, Малайзия, Сингапур, ЮАР) и 3) новый тип (свободные экономические зоны – Бахрейн, Катар, ОАЭ).
15	Модель стратегии интернационализации германских вузов Бремера (Bremer, 2018)	3 стратегии в зависимости от репутации: 1) глобальное лидерство (рейтинг), 2) оптимизация статуса кво, предполагающая постепенный процесс внедрения инноваций и улучшения процессов и 3) нишевый подход, связанный с развитием уникального подхода в определенной научной области.
16	Кластерная модель как фактор увеличения экспорта услуг высшего образования Защитиной (2019)	Модель создания образовательного кластера для более эффективного экспорта высшего образования РФ в пассивной (внутренней интернационализации), активной (на основе программ совместных и двойных дипломов, открытия филиалов за рубежом и в рамках сетевых вузов) и дистанционной формах.
17	Стадийная бизнес-модель создания зарубежного кампуса как способа выхода на рынок Гирдияускайте (Girdziuskaite, 2020)	Три стадии выхода на зарубежный рынок посредством создания филиала с учетом внутренних и внешних факторов: выбор целевой страны, анализ (разработка нового или модификация) и выбор конкурентоспособного образовательного продукта и планирование стратегии выхода на рынок.
18	Модель создания зарубежного кампуса Дейвис и Хайки (Davies, Hickey, 2022)	Уровень успешности создания зарубежного кампуса зависит от ряда операционных, финансовых, академических, лидерских и стратегических факторов.

Источник: разработка автора на основе статей Web of Science и elibrary.

На основании моделей выхода на зарубежный рынок по Холленсену (экспортную, промежуточную и иерархическую) [5] и классификации видов заграничной деловой активности Х. Майснера и С. Гербера [6, с. 70] нами будут далее выделены и систематизированы формы и виды интернационализации услуг ВО по критерию их соответствия четырем способам торговли услугами по ГАТС. При этом будем учитывать две формы проявления интернационализации: активную и пассивную в зависимости от целенаправленного или непреднамеренного характера вовлечения УВО в конкурентный международный рынок образовательных услуг, включающий в себя внутренний (отечественный/национальный) и зарубежные рынки других стран. В первом случае активная деятельность УВО направлена на зарубежный рынок, поиск и предоставление образовательных услуг иностранным гражданам. При пассивной интернационализации УВО на внутреннем рынке сталкиваются с конкуренцией со стороны иностранных вузов за отечественных студентов. Они вынуждены предпринимать шаги для повышения собственной конкурентоспособности услуг на внутреннем рынке путем импорта ноу-хау, привлечения интеллектуального и финансового капитала у зарубежных вузов-экспортеров.

С точки зрения специфики организации процесса активной интернационализации услуг ВО, их содержания и ресурсного потенциала УВО, задействованного в их предоставлении, можно выделить его пять основных форм: прямой экспорт услуг ВО, экспортная кооперация, экспорт ноу-хау, экспорт интеллектуального капитала и экспорт финансового капитала (таблица 2).

Разработанная нами стадийная эволюционная модель интернационализации услуг ВО (рисунок 1), учитывающая идею ступенчатой интернационализации промышленных предприятий Майснера и классификацию заграничных систем бизнеса Дюльфера с учетом влияния окружающей среды и потенциального риска [6, с. 70, 73], отражает ступени интернационализации в порядке возрастания степени проникновения услуг УВО с внутреннего на зарубежные рынки с учетом спроса на его ресурсный потенциал (интеллектуальный, финансовый, репутационный, материально-технический). Модель демонстрирует ступени интернационализации от простейших к более сложным с точки зрения фактического переноса услуг ВО за рубеж: при прямом экспорте услуг ресурсный потенциал УВО используется исключительно на внутреннем рынке (поставляется зарубежным потребителям посредством онлайн-технологий либо путем их приезда в страну базирования УВО); экспортная кооперация как промежуточная форма активной интернационализации УВО включает последовательно косвенный и прямой экспорт совместных образовательных услуг между двумя вузами-партнерами и свидетельствует о частичном перемещении услуг на зарубежный рынок, что предшествует предоставлению за рубеж из совокупного ресурсного потенциала УВО ноу-хау и объектов интеллектуальной собственности, человеческого и финансового капитала.

Таблица 2

Характеристика форм активной интернационализации услуг высшего образования

Форма интернационализации	Вид услуги	Содержание процесса интернационализации и сферы ответственности УВО	Соответствие способам торговли услугами по ГАТС
Прямой экспорт услуг высшего образования через/без посредников (образовательных агентов)	Дистанционное (онлайн) предоставление услуг высшего образования зарубежным студентам	Отечественное УВО-поставщик программ дистанционного/онлайн-образования предоставляет образовательные услуги напрямую студентам, проживающим за рубежом. УВО-поставщик несет ответственность за содержание образовательной программы, процесс обучения, контроль и оценку учебной деятельности обучающихся и присуждение диплома.	Способ 1 – предоставление образовательной услуги студенту, находящемуся за границей государственной поставщика.
	Очное предоставление услуг высшего образования иностранным студентам-нерезидентам	Отечественное УВО-поставщик предоставляет образовательные программы на своей территории иностранным студентам, прибывшим из-за рубежа, несет ответственность за содержание образовательной программы, процесс обучения, контроль и оценку учебной деятельности обучающихся, присуждение диплома, а также за предоставление документации и контроль прибытия и зачисления иностранных студентов в соответствии с миграционными требованиями.	Способ 2 – перемещение студента за рубеж для потребления образовательной услуги.
Экспортная кооперация в рамках совместных образовательных программ	Очное предоставление услуг высшего образования иностранным студентам-нерезидентам в рамках артикуляционного соглашения об образовательных программах (о трансфере)	В рамках артикуляционного соглашения отечественное УВО-поставщик засчитывает часть образовательной программы, предоставляемой зарубежным УВО-партнером (1, 2 или 3 учебных года), как достаточную для перевода на 1, 2, 3 либо 4 учебный год программы УВО-поставщика с последующим присуждением диплома. Варианты соглашений: 1 + 3, 2 + 2, 3 + 1 (отражают количество лет обучения в зарубежном и отечественном УВО соответственно). Зарубежное УВО может привлекать на прохождение предоставляемой им части программы в рамках артикуляционного соглашения иностранных студентов из третьих стран, таким образом экспортируя собственные услуги высшего образования. УВО, выдающее диплом, несет ответственность за контроль соответствия части программы, пройденной в зарубежном УВО-	Способ 2

Форма интернационализации	Вид услуги	Содержание процесса интернационализации и сферы ответственности УВО	Соответствие способам торговли услугами по ГАТС
		партнере, собственным требованиям для трансфера, за обеспечение трансфера и продолжение учебной программы на своей территории с последующим присуждением собственного диплома.	Способ 2
	Очное предоставление услуг высшего образования иностранным студентам-нерезидентам в рамках коллаборативного соглашения о программах двойного или совместного диплома	Отечественное УВО согласует содержание образовательной программы с зарубежным УВО-партнером. Как правило, обучение проходит частично в зарубежном УВО, а частично – в отечественном УВО. По окончании программы присуждается два независимых диплома партнерских УВО либо один совместный диплом. Таким образом, отечественное УВО экспортирует услуги высшего образования студентам, прибывающим на обучение из зарубежного УВО, а зарубежное может экспортировать собственные услуги, привлекая на обучение по программе двойного или совместного диплома граждан третьих стран. Каждый из партнерских УВО несет ответственность за содержание своей части учебной программы, организацию и контроль учебного процесса и присуждение диплома.	Способ 2
Экспорт ноу-хау	Валидация (сертификация) услуг высшего образования зарубежного УВО	Отечественное УВО-валидатор (в результате мероприятий по проверке соответствия образовательным стандартам содержания образовательной программы, преподавания, контроля и оценки учебной деятельности обучающихся) признает образовательную программу, разработанную и предлагаемую зарубежным УВО-партнером, как достаточную для присуждения собственного диплома, т. е. «экспортирует» права на свой диплом. После успешного завершения валидированной образовательной программы в зарубежном УВО-партнере выпускник получает диплом УВО-валидатора. УВО-валидатор несет ответственность за соответствие образовательной программы УВО-партнера за рубежом собственным стандартам качества.	Способ 3 – перемещение поставщика за рубеж для предоставления образовательной услуги. Способ 4 – перемещение трудовых ресурсов поставщика за рубеж для предоставления образовательных услуг.

Форма интернационализации	Вид услуги	Содержание процесса интернационализации и сферы ответственности УВО	Соответствие способам торговли услугами по ГАТС
	Франчайзинг услуг высшего образования (частичный или полный) зарубежному УВО	Отечественное УВО-поставщик продает права на содержание образовательной программы и диплом зарубежному партнеру и несет ответственность за организацию образовательного процесса, сертификацию профессорско-преподавательского состава, контроль и оценку учебной деятельности обучающихся и признание собственного диплома.	Способ 3 Способ 4
Экспорт интеллектуального капитала	Лизинг профессорско-преподавательского и научного состава для предоставления услуг высшего образования зарубежному УВО	Отечественное УВО-поставщик командировует сотрудника (-ов) в зарубежное партнерское УВО для оказания услуг высшего образования и выполнения научных проектов. УВО-поставщик несет ответственность за содержание и качество предоставляемых услуг.	Способ 4
Экспорт финансового капитала	ПИИ за рубеж посредством учреждения совместного УВО с зарубежным партнером	Отечественное УВО инвестирует в создание на территории последнего совместного УВО, которое реализует образовательные программы, выпускникам которых выдается совместный либо диплом одного из учреждений. Ответственность за соответствие программы образовательным стандартам может лежать на одном или обоих учреждениях.	Способ 3 Способ 4
	ПИИ за рубеж посредством учреждения офшорного кампуса (филиала УВО)	Отечественное УВО инвестирует в создание на территории зарубежной страны подразделения в организационно-правовой форме филиала, дочернего общества или ассоциированной фирмы для реализации уже имеющихся и (или) новых образовательных программ. Отечественное УВО-поставщик несет ответственность за содержание образовательных программ, образовательный процесс, контроль и оценку учебной деятельности обучающихся и признание диплома. Для соответствия образовательных программ стандартам зарубежной страны может потребоваться дополнительная аккредитация.	Способ 3 Способ 4

Источник: разработка автора.

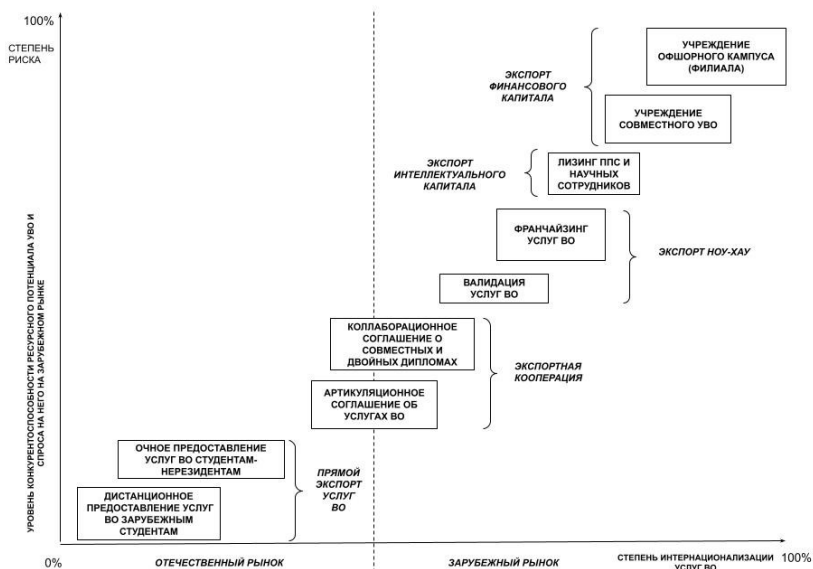

Рис. 1. Стадийная эволюционная модель активной интернационализации услуг высшего образования

Источник: оригинальная разработка.

Стадия прямого экспорта предполагает низкую степень интернационализации: ресурсный потенциал УВО остается на отечественном рынке и рекрутмент иностранных студентов в страну базирования в основном осуществляется посредством образовательных агентств, т. е. фактически интернационализация происходит на отечественном внутреннем рынке. А на самой ранней стадии дистанционного предоставления услуг степень вовлечения в международную деятельность минимальна, поскольку не требует ни использования посредников, ни перемещения иностранных потребителей услуг ВО из-за рубежа. Требуемый уровень конкурентоспособности ресурсного потенциала и спроса на услуги на международном рынке может быть самым низким из рассматриваемых пяти стадий, и объем спроса можно регулировать посредством улучшения взаимовыгодных отношений с агентами через расширение их сети и финансовое стимулирование активности.

Экспортная кооперация как следующая стадия интернационализации требует более высокого уровня конкурентоспособности ресурсного потенциала УВО и спроса на него из-за рубежа, поскольку заключается во

взаимодействии с потенциальными потребителями-студентами не через коммерческих агентов, а путем сотрудничества с зарубежными УВО, которые заинтересованы в первую очередь в специфических ресурсах партнерского УВО. В данной модели стадия кооперации расположена на границе отечественного и зарубежного рынка, что указывает на промежуточное положение между предоставлением услуг иностранным студентам в стране базирования и непосредственным взаимодействием на зарубежном рынке с иностранными партнерами и студентами.

Стадия экспорта ноу-хау предполагает еще более высокую конкурентоспособность ресурсного потенциала УВО, обуславливающую заинтересованность зарубежного вуза в валидировании образовательных услуг отечественным УВО либо приобретении прав на услуги посредством франчайзинга. На данной стадии услуги еще глубже проникают на зарубежный рынок, поскольку предоставляются непосредственно в целевой зарубежной стране.

Стадия экспорта интеллектуального капитала означает физическое перемещение трудовых ресурсов (ППС и ученых) УВО за рубеж, а значит, более глубокое проникновение услуг отечественного УВО на зарубежный рынок. Как правило, данная форма интернационализации присутствует в рамках других форм, экспортной кооперации и экспорта финансового капитала, и сигнализирует о еще большей конкурентоспособности ресурсов отечественного УВО и, соответственно, спроса на них.

Высшая форма интернационализации услуг УВО, свидетельствующая о максимальном проникновении отечественного УВО на зарубежный рынок, – *экспорт финансового капитала* посредством прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) в создание совместного УВО с иностранным партнером (или путем приобретения доли в уставном капитале действующего вуза в целевой стране) либо собственного кампуса за рубежом.

Ввиду высокой степени влияния политико-правовой и предпринимательской среды целевой страны и связанных с этим разнообразных рисков и зависимости успешного функционирования созданного УВО от спроса на образовательные услуги на зарубежном рынке со стороны иностранных потребителей данная высшая стадия интернационализации возможна только при максимально высокой конкурентоспособности ресурсного потенциала отечественного УВО.

С макроэкономической позиции степень интернационализации УВО может характеризовать уровень открытости экономики зарубежных стран, наличие/отсутствие барьеров для международного сотрудничества в сфере высшего образования, а также уровень политико-предпринимательского риска и степень доверия к целевой стране. Высокая степень интернационализации УВО свидетельствует о благоприятном предпринимательском климате за рубежом и способствует росту образовательного сектора, интеграции международных стандартов и практик в образовательный процесс,

развитию научного и культурного обмена на международном уровне, что положительно сказывается на качестве предоставляемых услуг и усиливает конкурентоспособность учебного заведения в мировой экономике.

Следует отметить, что ступенчатость процесса интернационализации в модели активной интернационализации не регламентирует строгую последовательность этапов проникновения УВО на зарубежный рынок, характерную для уппсальской модели, а, скорее, показывает степень интернационализации УВО на каждой ступени и ее взаимосвязь с уровнем конкурентоспособности услуг ВО и спроса на них со стороны зарубежного рынка.

В результате исследования были выделены пять форм активного и четыре пассивного проникновения услуг ВО на зарубежный рынок и соответствующие им разновидности интернационализации услуг ВО. При помощи стадийной модели интернационализации они были классифицированы в порядке возрастания степени интернационализации услуг ВО и показана зависимость выбора стратегии интернационализации от конкурентоспособности ресурсного потенциала УВО в стране базирования и зарубежного спроса на образовательные услуги.

Список использованных источников

1. Павлова, Н. С. Сущность интернационализации услуг в области высшего образования / Н. С. Павлова, А. В. Данильченко // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Минск, 2020. – С. 401–411.
2. Jiang, N. Market entry dynamic framework for higher education internationalization / N. Jiang, V. Carpenter // Journal of International Education in Business. – 2011. – Vol. 4, № 2. – P. 141–158.
3. Li, X. A stages approach to the internationalization of higher education? The entry of UK universities into China / X. Li, J. Roberts // Service Industries Journal. – 2012. – Vol. 32, № 7. – P. 1011–1038.
4. Яровая, Н. С. Направления интегрирования российских вузов в международный обмен образовательными услугами в условиях глобализации: адаптивный подход: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Яровая Наталья Сергеевна; Рост. гос. экон. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2010. – 26 с.
5. The Choice of Foreign Entry Modes in a Control Perspective / S. Hollensen, B. Boyd, A. Marie, D. Ulrich // The IUP Journal of Business Strategy. – 2011. – Vol. 8, №4. – P. 7–32.
6. Данильченко, А. В. Международный менеджмент: учеб.-метод. комплекс для студентов фак. междунар. отношений, обучающихся по спец. 1-25 01 03 «Мировая экономика» / А. В. Данильченко, О. Ф. Малашенкова, К. В. Якушенко. – Минск: БГУ, 2012. – 155 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Ю. В. Семашко, Н. Г. Аснович

Белорусский национальный технический университет, Минск

Y. V. Semashko, N. G. Asnovich

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 338.28

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

EDUCATIONAL CLUSTER AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

В статье рассматривается возможность применения кластерного подхода в образовании для создания эффективной и интегрированной экосистемы, расширяющей инновационный потенциал региона за счет совместных ресурсов участников образовательного кластера.

Ключевые слова: образование; кластер; образовательный кластер; региональное развитие; конкурентоспособность; инновации; инновации в образовании.

The article discusses the possibility of using a cluster approach in education to create an effective and integrated ecosystem that expands the innovative potential of the region through the joint resources of participants in the educational cluster

Keywords: education; cluster; educational cluster; regional development; competitiveness; innovation; innovations in education.

Одной из определяющих предпосылок инновационной эволюции образования стали научно-технический прогресс и последовавшая за ним глобализация. Катализатором внедрения передовых технологий в образовательный процесс стали конкурентоспособность и поиск потенциальных путей ее повышения. Полагая, что «инновация – это любое действие, которое максимизирует эффективность технологических и организационных процессов производства и обмена на основе улучшения качества или преобразования, востребованного на рынке» [1, с. 129], можно утверждать, что инновации в образовании напрямую связаны с разработкой, созданием и модернизацией образовательных продуктов и технологий, внедрение которых позволит рынку образовательных услуг перейти на более высокую ступень развития. При этом цель модернизации сводится к усовершенствованию системы образования с помощью инноваций. Признание инновации в образовании фактором роста конкурентоспособности делает актуальным вопрос исследования их влияния на расширение потенциала экономики региона.

Анализ научной литературы, касающейся проблемы интеграции инноваций в образование, позволяет сделать вывод о наличии достаточно высокого интереса к ее изучению и, как следствие, о дифференциации методологических подходов к способам их внедрения. Концептуальной основой исследований являются разработки известных авторов, рассматривающих инновации в образовании как социально-экономическое явление. Особое

внимание, начиная с середины XX в., данному вопросу уделяли В. И. Слободчиков, А. Николз, В. И. Загвязинский, Н. В. Юсфубекова.

В трудах В. И. Слободчикова основной исследовательской категорией выступает образовательный проект, а методология работы с инновационными процессами в образовании, описанная автором, до сих пор используется при реализации образовательных инновационных проектов.

Среди иностранных трудов можно выделить научные работы А. Николза, считавшего, что инновации должны быть «частью образовательного процесса, субъектами которого выступают все его участники» [2, с. 122], и Л. Рубалькаба, полагавшего, что «разрабатывать концептуальную основу для понимания инноваций в образовании необходимо с точки зрения экономики услуг через объединение исследований в двух этих областях, так как инновационные модели в образовании могут быть согласованы с инновационными моделями услуг» [2, с. 122].

Преобразование системы образования и конкуренция образовательных учреждений, усилившаяся в начале XX в., вынудили пересмотреть теоретические концепции с учетом происходящих изменений. Современные изыскания основываются на том, что «наряду с проводимыми содержательными переменами требуются и организационно-структурные преобразования в системе подготовки специалистов, а также поиск новых форм и методик на всех этапах этой работы – довузовской, вузовской и поствузовской» [3; 5].

Государство, выступающее заказчиком квалифицированных кадров, заинтересовано в их своевременной подготовке, что требует создания эффективных методов регулирования рынка образовательных услуг, так как «инновационное образование предполагает обучение в процессе создания новых знаний – за счет интеграции фундаментальной науки, непосредственно учебного процесса и производства» [3; 9].

В новой концепции образования меняется подход к организации самого образовательного процесса. Образование становится доступным практически из любой точки мира, многоуровневое профессиональное обучение делает его непрерывным, появляется дополнительная возможность получить образование без отрыва от производства.

По мнению В. А. Бейзерова, «в настоящее время для того, чтобы быть конкурентоспособной, система образования должна быть глобальной, предоставлять все виды образовательных услуг, востребованные потребителями и экономикой» [4; 10].

Корреляция между инновациями и конкурентоспособностью должна осуществляться на трех уровнях. На макроэкономическом уровне государственная инновационная политика должна быть направлена на поддержание конкурентоспособности национальной экономики на международном рынке. На мезоэкономическом уровне конкурентоспособность национального образовательного продукта и сферы образования зависит от эффектив-

ности инновационной составляющей национальной политики в научно-образовательной области. На микроэкономическом уровне повышение конкурентоспособности научно-образовательных учреждений достигается за счет внедрения инноваций.

Анализ современных тенденций развития образования, помимо глобализации, также позволяет говорить и о его децентрализации, что выражается в территориальном делении субъектов образовательной сферы. Высокая конкуренция на мировом рынке образовательных услуг, возникшая как результат международного сближения, вынуждает искать эффективные методы конкурентной борьбы с крупными игроками.

В качестве такого метода может быть предложена кластеризация в сфере образования. Региональная кластерная политика, ориентированная на создание образовательно-производственной системы, может рассматриваться как новая модель объединения знаний в пределах определенного региона, а региональный образовательный кластер позволит не только развить конкурентные преимущества его участников, но и достичь реального синергетического эффекта через взаимодействие образования, бизнеса и государства.

Научные исследования, затрагивающие процессы создания и функционирования образовательных кластеров, подтверждают научный интерес к данной проблеме и ее многоаспектность.

Так, в работах Г. В. Мухаметзянова и Е. А. Корчагина основное внимание уделяется кластеризации профессионального образования. Объектом научного интереса Б. С. Гершунского является концепция непрерывного образования в кластере. Предметом научных изысканий В. П. Ковалевского, В. С. Иванова и Л. Г. Миляева стали региональные аспекты развития системы высшего образования.

Обобщая результаты научных исследований, можно трактовать понятие «образовательный кластер» как «совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с предприятиями отрасли» или как «систему обучения, взаимообучения и инструментов самообучения в инновационной цепочке наука – технологии – бизнес, основанную преимущественно на горизонтальных связях внутри цепочки» [3; 18].

Ядром образовательного кластера являются высшие учебные заведения, вокруг которых сконцентрированы учреждения образования среднего звена, предприятия и коммерческие организации. Гибкость сетевой структуры кластера достигается за счет заключения партнерских соглашений между учреждениями образования и предприятиями, позволяющими, с одной стороны, подготовить специалистов по заранее заявленным требованиям, а с другой – предоставить им рабочее место сразу по окончании обучения. Помимо бизнеса, ответственного за поиск потенциальных направлений развития образовательного кластера, важную роль играют местные органы

власти, занимающиеся разработкой нормативов и документов, определяющих алгоритм взаимодействия субъектов кластера.

Экономическая активность кластера зависит от его масштаба, объема предоставляемых услуг, качества информации и других показателей, необходимых для проведения анализа образовательного сегмента. В целом состав и количество участников объединения могут меняться в зависимости от поставленной цели и задач самого кластера.

Эффективность сотрудничества, существующего внутри образовательного кластера, оценивается через количество выгод, полученных его участниками в процессе совместной деятельности за определенный период времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что результатом объединения участников образовательного кластера становится появление ряда структурных образований:

- организационно-территориальная структура, в рамках которой формируется так называемая кластерная плоскость, в которую входят географически близко расположенные объекты;
- ресурсная структура или совокупность кадровых, финансовых, информационных и материальных потоков, собранных в одном месте. В данном случае речь идет о наличии высококвалифицированного административного персонала, преподавателей, имеющих творческий потенциал, хорошо обученного учебно-вспомогательного персонала;
- функциональная структура, образующаяся на пересечении предыдущих структур, целью которой является выполнение конкретных инновационных решений посредством осуществления активного взаимодействия с внешней информационной средой и использования материально-технических ресурсов всех участников кластера для реализации конкретного проекта.

Интеграция потенциальных работодателей и образовательных учреждений, результатом которой должно стать создание общей системы многоуровневой подготовки специалистов в определенной области, может рассматриваться как первый этап формирования регионального образовательного кластера. В рамках такого объединения, получившего название «учебно-научный инновационный кластер» (УНИК), реализуются инициативы, направленные на диффузное расширение инноваций, научных исследований и образовательных программ в регионе.

Задачи деятельности такого кластера:

- содействие интеграции образования и науки. Обеспечение эффективного взаимодействия между учебными заведениями и научными учреждениями позволяет применять научные исследования в образовательных процессах и внедрять новые знания в промышленность;
- осуществление подготовки квалифицированных кадров в более сжатые сроки за счет проведения конференций, семинаров, мастер-классов

и других мероприятий для обмена знаниями, опытом и результатами исследований;

- развитие инновационной инфраструктуры посредством создания и поддержки исследовательских и технологических платформ, лабораторий и центров, стимулирующих, тем самым, совместные фундаментальные и прикладные научные исследования;
- оказание финансовой поддержки молодым предпринимателям;
- продвижение инновационных идей и стартапов через образовательные ресурсы;
- участие в инициативах международных научных и образовательных организаций, позволяющих обмениваться опытом и внедрять лучшие практики;
- повышение конкурентоспособности региона за счет разработки новых технологий и предложения образовательных программ по подготовке специалистов.

Функционирование образовательного кластера реализуется через сотрудничество его участников – образовательных учреждений, научных организаций, предприятий, государственных органов власти и других заинтересованных лиц. Это сотрудничество позволяет объединять усилия, ресурсы и экспертизу для достижения общих целей в рамках одной территориальной зоны.

Двусторонние договоры о сотрудничестве между участниками кластера, предусматривающие проведение совместных научных исследований, разработку новых технологий, участие в выставках, конференциях и в образовательных программах, для предприятия – заказчика образовательных услуг являются индикатором, определяющим приоритетное направление инвестиционных вложений. Таким образом, интеграция совместных усилий государства, образования и бизнеса в образовательном кластере способна создать благоприятную среду для появления и использования инновационных идей и технологий в регионе. Учреждения образования в кластере становятся производителями инновационного продукта, а заказчики, в роли которых выступают организации и предприятия, предоставляя практический опыт, получают специалистов согласно своим требованиям и планам развития.

В Республике Беларусь функционирует учебно-научный инновационный кластер в сфере непрерывного педагогического образования, центром которого является ведущий педагогический вуз страны – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. В состав кластера входят институты, научные учреждения, лаборатории, научные центры и организации, занимающиеся разработкой и внедрением новых образовательных продуктов. Деятельность УНИК БГПУ направлена на создание и реализацию образовательных программ по подготовке высококвалифицированных специалистов, проведение научных исследований по

психологии, апробирование инновационных методик преподавания и организации учебного процесса.

УНИК БГПУ зарекомендовал себя как важный центр развития педагогического образования и внедрения современных методов обучения. Однако современный рынок требует появления образовательных кластеров в сфере высоких технологий и биоинженерии. Невероятная скорость внедрения инноваций во все отрасли экономики заставляет образовательные учреждения быстро адаптироваться к нововведениям и готовить специалистов, соответствующих запросам общества.

Успешным примером инновационного образования является учебно-инновационный кластер «Сколково» в Российской Федерации. Объединение было создано для поддержки стартапов и инновационных компаний, а также для стимулирования научных исследований. Основная цель его создания заключалась в формировании такой экосистемы, которая могла бы способствовать развитию новых технологий и их внедрению в промышленность.

Кластер активно сотрудничает с ведущими университетами, предлагая образовательные программы, курсы и стажировки для студентов и молодых специалистов. В его состав входят такие известные организации, как Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Московский физико-технический институт (МФТИ) и Сколковский институт науки и технологий (Сколтех).

Кластер «Сколково» известен реализацией множества проектов, среди которых наиболее популярным является «Сколково Инновационный Центр». В данный проект входят стартапы и компании из области энергетики, информационных и биомедицинских технологий. В Сколково работают различные университеты, которые предлагают программы в области технологий, бизнеса и науки. Например, Московская школа управления Сколково, которая фокусируется на бизнес-образовании и предпринимательстве. Поддерживает тесную связь с образовательными учреждениями, участвующими в разработке инноваций и подготовке специалистов в сфере высоких технологий, а также занимается организацией научных программ для студентов и аспирантов и проект «Сколково Технопарк».

Интеграция образования (науки) с практической деятельностью в сфере инноваций помогает создать экосистему, в которой наука, образование и промышленность работают в гармонии для достижения устойчивого развития и инновационного прогресса. Используя апробированный пример такой интеграции, можно предложить алгоритм создания образовательного кластера в сфере технологий на базе одного из ведущих технических вузов Республики Беларусь – Белорусского национального технического университета. На текущий момент БНТУ уже имеет сложившуюся сеть, включаю-

щую в себя различные организации и предприятия, работающие в области науки, технологий и образования, что позволяет говорить о возможности развития имеющейся структуры в инновационно-образовательный кластер.

На первом этапе предлагается провести анализ рынка труда и определить перечень востребованных технологий. В рамках полученного перечня следует оценить существующие образовательные программы на их соответствие требованиям рынка. На втором этапе должно происходить установление связей между университетами, исследовательскими институтами, бизнесом и государственными органами в форме консорциума для совместной работы над проектами. Третий этап условно может быть связан с разработкой образовательных программ и курсов, соответствующих современным требованиям и технологиям. На этом же этапе важно приступить к организации практико-ориентированного обучения и стажировок.

Отдельным этапом должно стать решение проблемы создания инфраструктуры кластера и осуществление его финансирования. Обеспечение структуры необходимыми ресурсами: лабораториями, оборудованием, доступом к технологиям, а также разработка платформ для онлайн-обучения и обмена знаниями требуют мощных источников финансирования, в качестве которых могут выступать государственные гранты, частные инвестиции и спонсорство. Отдельным вливанием может стать целевая помощь со стороны местных властей и бизнес-сообщества.

На заключительном этапе необходимо организовать мониторинг, предусматривающий проведение регулярной оценки эффективности образовательных программ и их соответствия требованиям рынка. В случае необходимости корректировка программ может осуществляться на основе обратной связи, полученной от студентов и работодателей.

Масштабирование кластера допускается за счет появления новых партнеров и программ, а также посредством создания сетей с другими кластерами для обмена опытом и ресурсами.

Список использованных источников

1. *Рахимов, А. А.* Сущность инновационных детерминантов устойчивого развития промышленного предприятия / А. А. Рахимов // Теория и практика современной науки. – 2022. – № 5(83). – С. 127–134.
2. *Бабиева, М. С.* Теоретические аспекты исследования инноваций в образовании / М. С. Бабиева // Форум молодых ученых. – 2023. – № 6(82). – С. 119–127.
3. *Смирнов, А. В.* Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе: монография / А. В. Смирнов. – Казань: РИЦ «Школа», 2010. – 102 с.
4. *Бейзеров, В. А.* Кластерный подход к развитию образовательных систем как способ повышения конкурентоспособности образования стран и регионов / В. А. Бейзеров // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2015. – № 5(92). – С. 10–14.
5. *Семашко, Ю. В.* Модели взаимодействия государства и участников кластера / Ю. В. Семашко, Н. Г. Аснович // Управленческие технологии и приоритеты социально-экономического развития регионов: сборник научных трудов по итогам проведения кру-

глого стола / под ред. С. Г. Радько. – Москва: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2023. – С. 139–144.

6. Буянова, М. Э. Оценка эффективности создания региональных инновационных кластеров / М. Э. Буянова, Л. В. Дмитриева // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3, Экон. Экол. – 2012. – № 2(21). – С. 54–62.

7. Сафиуллин, М. Р. Роль высшей школы в формировании региональных инновационных кластеров / М. Р. Сафиуллин, Л. А. Ельшин // Alma mater. – 2019. – № 10. – С. 41–47.

8. Ускова, Т. В. Развитие региональных кластерных систем / Т. В. Ускова // Региональная экономика. – 2008. – № 1(1). – С. 92–104.

9. Фуряева, Т. В. Профессиональное социальное образование в контексте кластерного подхода / Т. В. Фуряева, О. В. Логунова // Alma mater. – 2018. – № 2. – С. 16–21.35.

10. Руководящие принципы создания и организации кластеров в Республике Беларусь / Т. П. Быкова [и др.]. – Минск: Колорград, 2018. – 96 с.

11. Кластерные политики и кластерные инициативы: теория, методология, практика: монография / под ред. Ю. С. Артамоновой, Б. Б. Хрусталева. – Пенза: ПГУАС, 2012. – 264 с.

12. Кластерная политика: достижение глобальной конкурентоспособности / В. Л. Абашкин, С. В. Артемов, Е. А. Исланкина [и др.]; Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2017. – 324 с.

(Дата подачи: 06.02.2025 г.)

С. Л. Флерко

ИООО «Дана Астра», Минск

S. L. Fliarko

FLLC “Dana Astra”, Minsk

УДК 339.187.44(476)

РАЗВИТИЕ ФРАНЧАЙЗИНГА КАК ФОРМЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ

DEVELOPMENT OF FRANCHISING AS A FORM OF SMALL BUSINESS IN BELARUS

В Республике Беларусь для активизации деятельности граждан, занятых в малом бизнесе, требуется поиск таких форм предпринимательства, которые с минимальными рисками позволят начать собственное дело. Одна из таких форм образования малого предпринимательства – франчайзинг. Франчайзинг, как особый способ ведения бизнеса, завоевывает все большие территории, получая признание по всему миру. Популярность франчайзинга во многом объясняется присущими ему эффективностью и высокой устойчивостью вновь образующихся предприятий.

Ключевые слова: франчайзинг; малый бизнес; договор франчайзинга; франшиза; маркетплейсы; франчайзер; франчайзи.

In the Republic of Belarus, in order to activate the activities of citizens engaged in small business, it is necessary to search for such forms of entrepreneurship that will allow starting your own business with minimal risks. One of such forms of small business formation is fran-

chising. Franchising, as a special way of doing business, is conquering ever larger territories, gaining recognition all over the world. The popularity of franchising is largely due to its inherent efficiency and high stability of newly formed enterprises.

Keywords: franchising; small business; franchise agreement; franchise; marketplaces; franchisor; franchisee.

С совершенствованием рыночных отношений в белорусском предпринимательстве все большее развитие получают новые формы экономического взаимодействия субъектов хозяйствования. Наряду с крупным бизнесом появился целый класс малых и средних организаций, что привело к возникновению принципиально новых экономических реалий.

По данным Национального статистического комитета, в Беларуси на 1 января 2024 г. хозяйственную деятельность осуществляли 252 тыс. индивидуальных предпринимателей и 116 тыс. организаций малого и среднего предпринимательства. Субъекты малого и среднего предпринимательства в 2023 г. обеспечили 25,2 % ВВП Беларуси, в том числе средние организации составили 7,4 %, микро и малые – 17,9 %, индивидуальные предприниматели – 2,5 %.

Отметим, что в 2022 г. в Республике Беларусь осуществляли свою деятельность 262 тыс. индивидуальных предпринимателей. Таким образом, индивидуальных предпринимателей в стране за год на 10 000 стало меньше [1].

В сфере малого и среднего предпринимательства на протяжении последних лет наиболее распространенными видами деятельности являются оптовая и розничная торговля, а также ремонт автомобилей и мотоциклов, транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность.

Несмотря на высокую вовлеченность малого бизнеса в экономику страны, следует отметить, что он занимает скромное место по сравнению с той ролью, которую он играет в развитых странах. Среди факторов, сдерживающих развитие малого бизнеса в Беларуси, можно выделить следующие:

- отсутствие у большей части населения достаточного для развития бизнеса объема накопленных денежных средств;
- нежелание рисковать, вызванное отсутствием у большинства граждан четкой концепции понимания бизнеса, и, как следствие, страх перед потенциальной возможностью потерять вложенные средства;
- недостаточно развитая система информационной поддержки предпринимателей, отсутствие доступных широким слоям общества образовательных программ о малом бизнесе.

Сегодня одной из перспективных форм сотрудничества между предпринимателями, которая значительно снижает степень риска, является франчайзинг. Этот метод позволяет предпринимателям начать дело, опираясь на уже проверенные бизнес-модели.

Эксперты бизнеса определяют отношения по франшизе как наиболее привлекательную форму предпринимательской деятельности. Предприни-

матель, начинающий свой бизнес через покупку франшизы, снижает риски старта, а также экономит несколько лет (или десятилетий) на создание успешной бизнес-модели, технологий работы на рынке, системы организации своего предприятия и, как следствие, бренда, завоевавшего популярность среди потребителей.

В настоящее время франчайзинг используется в самых различных видах бизнеса. В частности, он интенсивно развивается в таких отраслях промышленности и сферы услуг, как автомобильная и автосервис; помощь в организации и ведении бизнеса, бухгалтерии, делопроизводства и рекламы; строительство, услуги, связанные с ремонтом и обслуживанием домов; услуги, связаны с образованием; отдых и развлечения; рестораны, бары и кафе; медицинские и косметические услуги; розничная торговля и другие виды деятельности.

В действующем Гражданском кодексе Республики Беларусь франчайзинговое соглашение квалифицируется как самостоятельный тип договора, который называется «договор комплексной предпринимательской лицензии». В соответствии с п. 1 ст. 910 ГК по договору комплексной предпринимательской лицензии (договору франчайзинга) одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение комплекс исключительных прав (лицензионный комплекс), включающий право использования фирменного наименования правообладателя и охраняемой коммерческой информации, а также других объектов исключительных прав (товарного знака, знака обслуживания и т. п.), предусмотренных договором, для предпринимательской деятельности пользователя [2].

Государственное регулирование франчайзинга играет важную роль в защите интересов как франчайзера, так и франчайзи. Оно помогает обеспечить соблюдение стандартов качества продукции или услуг, защитить интеллектуальную собственность и предотвратить недобросовестные практики со стороны сторон. Кроме того, государственное регулирование способствует развитию франчайзинга как формы бизнеса, обеспечивая стабильность и прозрачность отношений между участниками.

В последние годы франчайзинг становится одним из распространенных способов ведения бизнеса в Беларуси.

Первый договор франчайзинга был зарегистрирован в 2006 г., а первым франчайзером стало ООО «НТС» – крупнейший белорусский ритейлер, развивающий сеть универсамов «Родная сторона». Но началом формирования белорусского рынка франчайзинга эксперты считают 2011 г., когда в стране появилась Ассоциация франчайзеров и франчайзи «Белфранчайзинг», которая ставит своей целью популяризацию и распространение отношений франчайзинга, формирование стандартов франчайзинга и контроль их соблюдения, защиту прав и интересов игроков субъектов франчайзинговых отношений в Беларуси.

Сейчас в Беларуси на основе договора комплексной предпринимательской лицензии существуют сеть пироговых «Штолле», гостиницы «Minsk Marriott Hotel» и «Crowne Plaza Minsk», пекарня «Cinnabon», сеть мобильных автомоек «Fast & Shine», сеть магазинов «Kari» и «Kari kids» и др. Примером белорусских франчайзинговых сетей могут быть сеть магазинов «Milavitsa», магазины «Serge» и «Світанак», кафе «Pizza Smile» и «Garage», закусочная «Good Burger», шаурмичная «Papa Doner», бабл-ти кафе «Toko Tea», кафе паназятской кухни «Padthai», школа рисования «Все Малевичи», зоомагазины «ZOOмаркет», магазины инструментов и стройматериалов «ОМА», кондитерские сети «Спартак», «Коммунарка», «Красный пищевик», студии красоты «Brow Bar 12» и др.

Среди наиболее динамично развивающихся национальных франшиз можно выделить сеть кофеен «Кофе саунд» (200 работающих объектов), пончиковые «Пон-Пушка» (было открыто более 30 объектов за 2023 г. и 3 объекта в Российской Федерации), кондитерские сети «Спартак», «Коммунарка», «Красный пищевик». Среди российских концепций наиболее активно открывала объекты сеть «Тунец» – 10 объектов за год в Минске и других городах.

Активная регистрация договоров франчайзинга в Беларуси наблюдается в период с 2019 г. и до настоящего времени. Белорусский рынок франчайзинга не отстает от мировых трендов – модель остается устойчивой и показывает рост в условиях экономической неопределенности. На сегодняшний день предлагают свои франшизы уже более 270 белорусских организаций.

Подавляющее количество договоров было заключено между белорусскими организациями. В то же время отмечается интерес среди российских, турецких и арабских франчайзеров к развитию своих франшиз на рынке Беларуси.

Значимым событием стало подписание в мае 2024 г. меморандума о создании Евразийского совета по франчайзингу. Этот документ принят ассоциациями франчайзинга Беларуси, России, Казахстана, Узбекистана и Армении, что даст возможность сформировать общий каталог франшиз в этих странах, совместно проводить мероприятия в области франчайзинга, популяризировать лучшие практики и эффективные решения в этой сфере бизнеса.

В Республике Беларусь бизнес на основе покупки франшизы развивается преимущественно по следующим направлениям:

- *общественное питание.* В сфере общественного питания предлагается 58 франшиз. Наиболее известные из них: «Хинкальня», «Padthai», «ТОКО ТЕА», «Настоящая пекарня», «Кофе Саунд», «Papa Doner», «Капибара», «Пон-Пушка» и др.;

- *розничная торговля.* В сфере торговли представлено наибольшее число франшиз – 85. Наиболее известные из них: «Шаговита», «Красный

пищевик», «Коммунарка», «Макей», «ZOOмаркет», «Аскона», «ОМА», «Світанак» и др.;

- *услуги для населения.* В сфере услуг населению предлагается 63 франшизы. Наиболее известные из них: «Образовательный центр «Лидер», «2GIS», «СДЭК», «Все Малевичи», «WARPOINT» и др.

Как правило, франшизы сферы услуг для населения были основаны в Российской Федерации или в Республике Беларусь. Наиболее успешную франчайзинговую деятельность ведет «СДЭК», имеющее 220 объектов по всему миру, в том числе и в Беларуси. Образовательный центр «Лидер» имеет наибольшее количество функционирующих объектов;

- *услуги для бизнеса.* В сфере услуг для бизнеса представлены франшизы следующих организаций: «Альфа», «Контрактор», «Reisswolf», «Kiberman» и т. д. Наибольшее развитие получила франшиза «Контрактор», которая не взимает паушальный взнос и роялти;

- *сфера красоты.* В сфере красоты представлены франшизы следующих организаций: «Чаровница», «Город красоты», «Дикая орхидея», «Barbershop BORODACH», «BROW BAR 12» и др.;

- *физкультуры и спорта.* В сфере спортивных услуг наибольшую популярность получили франшизы «Дом фитнеса», «Адреналин», «ЭКОфитнес», «Броско фитнес», «FitCurves». Наиболее успешную франчайзинговую деятельность ведет организация «FitCurves», которая имеет более 5000 объектов по всему миру, из них 23 объекта в Республике Беларусь;

- *развлечения.* В этом направлении представлены франшизы следующих организаций: «Невидимый мир», «Мозгобойня», «Наука-Шоу», «Робин Гуд», «Сумасшедшая наука». Наиболее успешную франчайзинговую деятельность ведет организация «Мозгобойня». Она была создана в 2012 г. и на данный момент развивает франчайзинговую сеть на территории России, стран СНГ и Европы. Всего франшизы организации представлены в 15 странах мира

Одним из новых и быстроразвивающихся бизнес-моделей франчайзинга является открытие пункта выдачи заказов крупнейших маркетплейсов.

В отличие от большинства видов бизнеса, открыть собственный пункт выдачи заказа самостоятельно не получится, поскольку пункт выдачи заказов (далее – ПВЗ) – не отдельный бизнес, а часть более глобального – маркетплейса. И способом заработать на такой идее будет покупка франшизы таких компаний, как «Wildberries», «OZON», «СДЭК» и др.

Услуги пунктов выдачи выгодны как для маркетплейсов, так и для покупателей. Так, маркетплейсы могут доставлять товары в пункты выдачи бренда вместо доставки на дом заказчику, что снижает расходы на доставку. Покупателям они позволяют выбирать наиболее удобное место и время для выдачи заказанного товара.

Кроме того, маркетплейс может стимулировать выбор приоритетных для него локаций, что позволяет создавать надежную сеть по доставке заказов.

Для франчайзи (партнера маркетплейса) существует ряд преимуществ:

- работа под брендом известной компании;
- готовые бизнес-процессы: пункты выдачи работают по отлаженной системе, начиная с момента открытия;
- ежегодно спрос на товары маркетплейсов и их популярность растет, в связи с этим увеличивается рынок доставки, спрос на услуги пунктов выдачи продолжает расти;
- открытие бизнеса требует минимальных вложений;
- быстрый запуск бизнеса;
- поддержка головной компании на всех этапах создания и развития бизнеса.

Крупнейшими маркетплейсами, функционирующими на территории Беларуси, являются «Wildberries» и «OZON».

Подводя итоги работы в Беларуси в 2024 г., руководство компании «Wildberries» отметило, что они укрепили сотрудничество с местным бизнесом и создали условия для его масштабирования в онлайн-продажах.

Все больше белорусских предпринимателей и производителей выходят в онлайн-сегмент и реализуют свою продукцию через платформу. В 2024 г. продажи местных продавцов на «Wildberries» выросли на 74,9 % по сравнению с 2023 г., а количество зарегистрированных поставщиков из Беларуси увеличилось на 17,2 %. [3].

«Wildberries» запустил франшизу в Беларуси в 2021 г. Тогда маркетплейс поставил перед собой цель расширять сеть ПВЗ за счет открытия брендовых пунктов. Потенциальным владельцам пунктов выдачи заказов на тот момент предоставлялись субсидии в виде повышенного вознаграждения от оборота в первые четыре месяца работы. Кроме того, предпринимателям давали возможность покупать мебель в рассрочку для своего помещения. В настоящее время «Wildberries» предоставляет субсидии за открытие ПВЗ в приоритетных для маркетплейса локациях.

Действующая франшиза предусматривает два формата сотрудничества:

- открытие собственного помещения по программе франшизы «Wildberries»;
- покупка уже действующего пункта выдачи «Wildberries».

Доступные для покупки пункты выдачи представлены на интерактивной карте в разделе «Аукционы». Маркетплейс предоставляет потенциальным покупателям данные с финансовыми показателями пункта, проходимостью и оборотом, что позволяет понять выгодность покупки франшизы [4].

«Wildberries» предлагает будущим франчайзи интерактивную (тепловую) карту, которая позволит выбрать наилучшее место размещения пункта выдачи.

«Wildberries» предъявляет строгие требования к пункту выдачи, регламентирует интерьер и экстерьер пункта. Кроме внешнего вида пункта, качество обслуживания, которое может быть оценено покупателями, может

привести не только к увеличению дохода ПВЗ, но также к штрафам и закрытию пункта.

Приобретая франшизу «Wildberries», предприниматель получает таким образом готовый план по открытию ПВЗ, что позволяет потенциальным франчайзи оптимизировать время и затраты на открытие.

Растут на белорусском рынке и продажи маркетплейса «OZON». На площадке сейчас представлено более 600 тысяч продавцов. Количество заказов у них постоянно растет. При этом повторные заказы в 2024 г. покупатели делали на 40 % больше. Если в 2023 г. было 19 заказов на одного человека в год, то в 2025 г. – уже 25.

Выручка группы компаний «OZON» в 2024 г. за год выросла на 41 %, а оборот – на 59 %. В Беларуси же и вовсе оборот маркетплейса за год увеличился в два раза. С 2022 г. в Минске работает фулфилмент-центр «OZON» площадью 13 тыс. м². Маркетплейс «OZON» на конец I квартала 2024 г. открыл около 50 000 пунктов выдачи, «Wildberries» организовал работу около 45 000 пунктов выдачи.

Маркетплейсы предлагают своим франчайзи конкурентоспособные условия для открытия франчайзинговых пунктов выдачи, оказывают материальную и консультационную помощь при открытии. Для пунктов выдачи заказов характерны невысокие затраты для входа на рынок и быстрая окупаемость. В целом открытие пункта выдачи является свежей бизнес-идеей, которая может быстро начать приносить прибыль с небольшими затратами по сравнению с иными бизнес-концепциями.

Таким образом, рынок франчайзинга в Республике Беларусь активно развивается и заинтересован как в привлечении иностранных франшиз, так и в формализации и продвижении собственных успешных технологий и опыта. Развитие франчайзинга в Беларуси позволяет решить такие важные проблемы национальной экономики, как создание новых рабочих мест, повышение качества товаров, работ и услуг, поступление средств в экономику, повышение конкурентоспособности продукции.

Список использованных источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2025. – URL: <http://belstat.gov.by> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Глава 53 «Комплексная предпринимательская лицензия (франчайзинг)» // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2025. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9800218> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Wildberries о статистике продаж белорусских товаров через маркетплейс // Экономическая газета. – 2025. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/wildberries-o-statistike-prodazh-belorusskikh-tovarov-cherez-marketpleys> (дата обращения: 05.01.2025).
4. Интерактивная карта Wildberries // pvz-stat-map. – 2025. – URL: <https://pvz-stat-map.wildberries.ru> (дата обращения: 05.01.2025).

(Дата подачи: 25.02.2025 г.)

Е. В. Щемелева

Российский государственный социальный университет, Минск

A. V. Shchemeleva

Russian State Social University, Minsk

УДК 658.15

ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ФИНАНСОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

APPROACHES TO ORGANISING BUSINESS PROCESSES FOR FINANCIAL ADMINISTRATION

Исследуются особенности организации внутрикорпоративной деятельности компаний, имеющих развитую географическую сеть филиалов и представительств в рамках межнационального ведения деятельности. Основное внимание уделено корпоративным финансовым услугам. Обосновывается целесообразность их осуществления в рамках общих подразделений. Организационные преимущества заключаются в гибкости и стабильности предоставления общих финансовых услуг, улучшении их качества, минимизации затрат на основе эффекта масштаба.

Ключевые слова: корпоративные услуги; общие услуги; финансовое администрирование; задолженность; факторинг; бюджетирование; конвергенция.

The article examines the specifics of organising intra-corporate activities of companies with a developed geographic network of branches and representative offices within the framework of international business. The main attention is paid to corporate financial services. The feasibility of their implementation within common divisions is substantiated. Organisational advantages include flexibility and stability in the provision of common financial services, improved quality, and cost minimisation based on economies of scale.

Keywords: corporate services; shared services; financial administration; accounts payable; factoring; budgeting; convergence.

Современный этап экономического развития отличает создание и активизация многочисленных международных организаций и форм сотрудничества, во многих из которых Беларусь принимает участие: ШОС, МВФ, ВОИС, ЮНИДО, ЕАЭС, Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь и др. [1]. Это приводит к активизации межгосударственного сотрудничества не только на национальном, но и на корпоративном уровне: создаются иностранные и совместные предприятия, открываются представительства, развивается филиальная сеть. Бизнес расширяется и становится транснациональным.

Увеличение масштабов деятельности оказывает непосредственное влияние на систему управления. Одно из ведущих мест в системе корпоративного менеджмента занимают корпоративные услуги, под которыми будем понимать тип внутриорганизационной деятельности по поддержке таких функций, как информационные технологии, финансовое администрирование, маркетинг и аналитика данных, логистика, снабжение и т. п. Корпора-

тивные услуги обычно являются элементом механизма реализации конкретной функции компании (например, материально-технического обеспечения или маркетинга), которая может быть оценена с помощью трансфертной цены. Их также можно рассматривать как итеративную стандартизированную деятельность, что объясняет их частый аутсорсинг – предмет работы консалтинговых фирм. Стандартизированные корпоративные услуги обладают потенциалом обеспечения должного уровня качества, эффективности, подотчетности, масштабирования, но уступают в гибкости реагирования на факторы экзогенной природы. В рамках данного исследования основное внимание уделяется услугам финансового администрирования, организованным по модели общих услуг. Общие услуги – это модель предоставления услуг, которую используют компании, имеющие большую филиальную сеть, для консолидации отдельных, идентичных для всех элементов организационной системы функций в едином (общем) подразделении. Общие услуги характеризуются однотипностью (стандартизированы) и значительным объемом, что можно отнести к их преимуществам. Для лучшего обслуживания корпорации и ее бизнес-единиц общие подразделения действуют как бизнес в бизнесе. Службы, оказывающие общие услуги, могут быть организованы как самостоятельная бизнес-единица или как структурное подразделение, единое для всей корпорации или для региона деятельности, что определяет потенциал их крупномасштабной деятельности. В корпорации может быть несколько специализированных поставщиков общих услуг. Компетенции персонала, необходимые для осуществления общих услуг, варьируются от базовых до профессиональных.

Функция управления финансами в достаточной степени соответствует критериям корпоративных услуг: действия связаны с неосязаемыми активами, материальные блага не создаются, потребители объединены по профессиональному признаку. Традиционно финансовые службы представлены бухгалтерией, ключевыми задачами которой, среди прочего, являются учет и контроль состава и величины дебиторской и кредиторской задолженности; составление финансовой и управленческой отчетности; участие в управлении компанией; контроль отдельных проектов и предпринимательской деятельности в целом. Некоторые функции финансового администрирования, например, управление дебиторской и кредиторской задолженностью, очень подходят для управления как итеративные бэк-офисные процессы. Корпоративными услугами финансового администрирования можно управлять как пулом диверсифицированных действий (одна из функций глобального процесса корпоративного управления), как простым итеративным процессом (например, выставление счетов и исполнение обязательств), как процессом бухгалтерского учета, который основывается на принципе полноты, или как инклюзивными решениями, затрагивающими другие функциональные области, такие как, например, логистика и риск-менеджмент.

Деятельность по реализации функции управления финансами может носить простой и повторяющийся характер (бухгалтерский учет) либо характеризоваться сложными аналитическими процедурами, предполагающими определенную наукоемкость (управленческий учет, бюджетирование, контроллинг, кросс-функциональные решения в сфере финансов). Но в любом варианте она может быть реализована в рамках общих услуг.

Общие услуги могут быть применены для таких бизнес-процессов, как:

а) учет дебиторской задолженности – порядок образования и признания доходов, факторинг, финансовый менеджмент;

б) учет кредиторской задолженности – ведение бухгалтерского учета, определение условий и сроков оплаты, материально-техническое обеспечение деятельности;

в) ведение полной системы бухгалтерского учета бизнес-подразделения;

г) создание объединений (например, в форме простого товарищества) для реализации отдельных диверсифицированных проектов.

А. Дебиторская задолженность – типичный объект корпоративных услуг. Управление дебиторской задолженностью – это буквально процесс управления соответствующим счетом, который можно представить схематично (рисунок 1) [2; 3].

Счет дебиторской задолженности покупателей и заказчиков	
Начальное сальдо (дебиторская задолженность)	
Отгрузка продукции покупателю (реализация)	Поступление денежных средств в оплату реализованной продукции
Авансы выданные	Скидки, бонусы
	Возврат продукции покупателем
	Списание безнадежной дебиторской зadolженности в резерв
	Оформление кредит-ноты
	Исполнение авансовых обязательств
	Переходящий остаток дебиторской зadolженности

Рис. 1. Динамика размера дебиторской задолженности организации

Формирование отчетности по образованию дебиторской задолженности включает несколько этапов: получение заявки от клиента, направление ему коммерческого предложения, заключение договора (контракта), выписка накладной на отгрузку, выставление электронной счет-фактуры по НДС (далее – ЭСЧФ). Объем продаж и цена будут определяться сбытовыми подразделениями в ходе переговорного процесса. Функции управления дебиторской задолженностью также выполняются несколькими структурными под-

разделениями организации: отдел сбыта осуществляет отгрузку продукции; бухгалтерия фиксирует величину и контролирует сроки погашения задолженности; маркетологи анализируют объемы и периодичность продаж; юридический отдел ведет претензионную работу. При этом связанный документооборот, предшествующий возникновению дебиторской задолженности, является общим сервисным бизнес-процессом и может быть организован как непосредственно в организации, например, через SAP (автоматизированная система, предлагающая комплекс решений для выстраивания общего информационного пространства на базе компании и эффективного планирования ресурсов и рабочих процессов [4]) или в рамках общих корпоративных услуг. Поступление денежных средств от покупателей и заказчиков в оплату продукции (погашение дебиторской задолженности), решение о предоставлении и размере скидок и бонусов, формирование и использование средств резерва по сомнительным долгам являются бизнес-процессами, относящимися к функции кредитного менеджмента (финансовая корпоративная услуга). На основании изложенного процесс управления дебиторской задолженностью может организовываться одним из двух способов.

Во-первых, обслуживание дебиторской задолженности включает только ведение бухгалтерского учета по счету расчетов с покупателями и заказчиками (дебиторами) и относится к общим корпоративным услугам (рисунок 2).

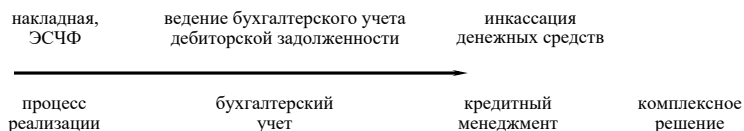

Рис. 2. Функциональная ответственность по учету дебиторской задолженности

Получение такой услуги обеспечивает эффективность в виде экономии на обучении сотрудников, затратах на персонал, оптимизации временного фактора деятельности на основе концентрации организационных усилий на основных видах деятельности. Преимуществом также является отсутствие регламентации размера задолженности и количества оформленных первичных документов (что особенно важно при оценке организационной эффективности, предполагающей сравнительный анализ с аутсорсингом данной услуги). Использовать такой вариант целесообразно в случае большого количества накладных (счетов), так как этот бизнес-процесс имеет большой потенциал роста по мере увеличения масштабов бизнеса.

Во-вторых, в рамках общих услуг может осуществляться управление процессом инкассации денежных средств, а в последующем реализовываться и функция кредитного менеджмента, дополнительно включающего управление кредитными рисками.

При обоих вариантах организация сохраняет право собственности на дебиторскую задолженность. При этом допускается продажа (выкуп, уступка права требования) дебиторской задолженности с комиссией (или дискон-

том) и управление процессом ее взыскания как вполне самостоятельным бизнес-процессом факторинга с соблюдением установленных норм действующего законодательства [5].

Поскольку вопросы, связанные с управлением дебиторской задолженностью, как отмечалось выше, охватывают несколько функциональных областей, целесообразно объединять их в единый модуль и предоставлять комплексное решение в рамках общих корпоративных услуг.

Сотрудники, управляющие дебиторской задолженностью в составе общих услуг, должны обладать достаточной компетентностью, в основе которой находятся простейшие принципы кредитного менеджмента: дебиторская задолженность не предполагает неопределенности и регламентируется действующим гражданским законодательством. Если оно соблюдается, то услуга выполнена качественно. Организация управления счетом дебиторской задолженности в выделенном месте (общие услуги) обеспечивает эффективность в виде экономии на обучении, улучшения процессов, устранения простоев сотрудников, возможности снижения затрат на оплату труда.

Б. Управление кредиторской задолженностью включает в себя схожие процессы. Документами, предшествующими накладной, в соответствии с которой задолженность регистрируется в системе бухгалтерского учета, являются коммерческое предложение (заявка на приобретение) и/или договор (контракт). Управление документооборотом процесса закупки является общим сервисным бизнес-процессом любой организации, находящимся в сфере ответственности специалистов службы снабжения, которые, среди прочего, солидарно отвечают за переговорный процесс о предоставлении скидок, соблюдение платежной дисциплины, контроль качества и организацию претензионной работы.

Счет кредиторской задолженности (рисунок 3 [2; 3]) структурирован аналогично счету дебиторской задолженности. Это означает, что управление счетами или модулем, включающим дополнительно осуществление платежей, может быть делегировано поставщику общих корпоративных услуг.

Счет кредиторской задолженности поставщикам и подрядчикам	
	Начальное сальдо
Погашение задолженности	Закупки
Скидки, бонусы полученные	
Возврат активов поставщику	
Исполнение обязательств по авансам полученным	
Переходящий остаток кредиторской задолженности	

Рис. 3. Счет кредиторской задолженности поставщикам и подрядчикам

Управление кредиторской задолженностью включает простые бухгалтерские процессы «от закупки – до оплаты» (рисунок 4). При трансфертном ценообразовании плата может взиматься за каждый выставленный счет или определяться в целом по обслуживаемому подразделению (региону). Этот вопрос предварительно регламентируется корпоративным соглашением (положением) с общими подразделениями об уровне обслуживания.

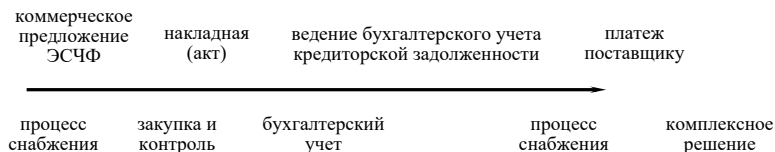

Рис. 4. Функциональная ответственность по учету кредиторской задолженности

В настоящее время в процессе администрирования кредиторской задолженности предпочтение все чаще отдается комплексным решениям.

В. Общие службы выполнения функций бухгалтерского учета способны охватывать больше участков организации учетного процесса: не только формирование бухгалтерских проводок, но и организация внутреннего контроля, управление SAP.

Полный учетный цикл можно разделить на итеративные действия, управляемые с помощью трансфертной цены, и наукоемкие действия, управляемые с помощью отчислений (лимитированных ассигнований). Так, например, участок хозяйственных операций, связанных с дебиторской и кредиторской задолженностью, предполагает выполнение итеративных действий, результаты которых будут получены аналогичным образом как в индивидуальном, так и в комплексном учете. Но бухгалтерский учет хозяйственных операций, требующих дополнительных глубоких компетенций, имеет другую логику – знания сотрудников общих подразделений могут быть объединены для устранения субъективизма и преодоления недостатков индивидуального мышления с целью получения синергетического эффекта, результатом которого могут стать прорывные управленческие решения, полученные коллегиально. Однако в настоящее время это выходит за рамки общих услуг, но согласно мировым тенденциям конвергенция между функциями является следующим этапом в развитии этой области деятельности [6].

Г. Общие услуги, как правило, представлены стандартными процессами, направленными на достижение высокого качества при оптимальном использовании ресурсов. Это в равной степени относится как к традиционным участкам учетного процесса, так и к наукоемким темам: управленческий учет, бюджетирование, контроллинг, участие во временных объединениях. Глобализация бухгалтерских баз данных, таких как SAP

и SAP BW, позволяющих выполнять дизайн релевантной бизнес-информации, полученной из отдельных учетных систем и внешних источников данных, делает возможным проведение этих бизнес-процессов удаленно. При этом необходимо отметить высокую трудоемкость этих видов деятельности и требования к профессиональным компетенциям лиц, ее осуществляющих: навыки финансовой и бизнес-аналитики, аудита в соответствии с национальными и международными стандартами бухгалтерского учета и финансовой отчетности, инвестиционного и проектного менеджмента и др. Поиск крупномасштабных областей деятельности, поддающихся стандартизации, формирует потенциал модульности деятельности общих подразделений.

Общие услуги представляют собой особые бизнес-модели по нескольким причинам. Во-первых, логика трансфертной цены или лимитированных ассигнований, которая отличается от рыночного механизма ценообразования и распределения прибыли. Чем выше рыночная и ниже трансфертная цена, тем выше созданная в организации добавленная стоимость. Налог на прибыль является обязательством корпорации, но для ее отдельной бизнес-единицы, например, для филиала, это простое повышение расходов, не связанных с потреблением. Этим объясняется необходимость минимизации стоимости трансфера как основного фактора формирования стоимости общих услуг.

Преимущества единого центра оказания общих услуг обусловлены улучшением качества бизнес-процессов на основе активного использования профессиональных знаний, минимизацией затрат на обучение и экономией расходов на персонал, увеличением эффективного фонда рабочего времени специалистов, гибкостью и стабильностью в предоставлении услуг, наличием потенциала для их масштабирования, формированием целостной организационной структуры, которая служит цели, а не организационной функции. Сосредоточение выполнения корпоративных услуг в одном месте обеспечивает экономию на эффекте масштаба и создает предпосылки для разработки и освоения более сложных и наукоемких видов сервиса. Благодаря высокой трудоемкости виды деятельности, требующие должной профессиональной подготовки и высокого уровня компетенций, если они сосредоточены в одном месте для большого количества потребителей, увеличивают ценность корпоративных услуг. Организационная трансформация и создание общих подразделений, выполняющих корпоративные услуги, является средством достижения цели, а не целью самой по себе.

Список использованных источников

1. Беларусь и международные организации // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: <https://www.mfa.gov.by/multilateral/organization/> (дата обращения: 13.02.2025).

2. О типовом плане счетов бухгалтерского учета: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 29 июня 2011 г. № 50: в ред. от 28 февр. 2022 г. № 64 // Онлайн-сервис готовых

правовых решений ilex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – URL: <https://ilex-private.ilex.by> (дата обращения: 14.12.2024).

3. *Lyon, J.* Finance transformation: experts insights on shared services and outsourcing: Accountnts for business / J. Lyon, D. Kops. – URL: <https://www.accaglobal.com/content/dam/accaglobal/PDF-technical/finance-transformation/Expert-insights-shared-services-outsourcing.pdf> (date of access: 20.12.2024).

4. *Почепский, О.* SAP программа: что это такое простыми словами и как в ней работать – как расшифровывается программное обеспечение САП / О. Почепский. – URL: <https://www.cleverence.ru/articles/auto-busines/sap-programma-chto-eto-takoe-prostymi-slovami-i-kak-v-ney-rabotat-kak-rasshifrovyvaetsya-programmnoe/> (дата обращения: 30.01.2025).

5. О деятельности по финансированию под уступку денежного требования (факторинг): Указ Президента Респ. Беларусь от 11 нояб. 2024 г. № 416 // Онлайн-сервис готовых правовых решений ilex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – URL: <https://ilex-private.ilex.by> (дата обращения: 01.02.2025).

6. *Angelucci, D.* Next Gen Shared Services Models / D. Angelucci. – URL: <https://www.alvarezandmarsal.com/insights/next-generation-shared-services-model/> (date of access: 10.01.2025).

7. Organisational transformation and Shared Services. – URL: <https://lumar.ltd.uk/services/53-2/> (date of access: 11.02.2025).

(Дата подачи: 19.02.2025 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Баньковская Ю. Л.</i> СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	3
<i>Баряхвостов П. А.</i> ГИБРИДИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ ПРИ ОБЪЕДИНЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ РАЗЛИЧНОГО ТИПА (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ).....	8
<i>Беляева Е. В.</i> МЕСТО КАТЕГОРИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКЕ	17
<i>Гончарова Д. В.</i> БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА	23
<i>Климович А. И.</i> СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ Я. Ф. РОТАНА	30
<i>Курбачёва О. В.</i> РЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ	37
<i>Личевский Г. А.</i> СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЕКЦИИ ФЕНОМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	44
<i>Майборода Д. В.</i> АНАЛИТИЧЕСКАЯ И ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	51
<i>Мизякина С. Н.</i> РАЗРУШЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СЕТЕВЫХ ВОЙН	57
<i>Наумаў Д. І.</i> СВЯТЫ ЯК КАМЕМАРАЦЫЙНЫ КАМΠΑНАЕНТ САЦЫЯЛЬНАЙ ПАМ'ЯЦІ СУЧАСНАГА БЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА	64
<i>Новицкая Т. Е.</i> МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР РИСКА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	72
<i>Павлова В. В.</i> БЛАГО ЖИВОТНОГО КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ В ЭТИКЕ ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ	80
<i>Севастов К. В.</i> ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: БАЗОВЫЙ КОНФЛИКТ И РАСЦВЕТ СУБЪЕКТНОСТИ.....	86
<i>Сидоренко И. Н., Курачинская Д. С.</i> МИМЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕНЕ ЖИРАРА: ЖЕЛАНИЕ – СОПЕРНИЧЕСТВО – НАСИЛИЕ	93
<i>Филиппович А. В.</i> РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЗАПАДНОГО ЭЗОТЕРИЗМА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ	100
<i>Шаврова О. Г.</i> ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РАЗВИТИИ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ	107
<i>Швабовская О. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ВОЕННОГО ДЕЛА В СОВЕТСКОЙ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКЕ	114

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Беркова О. В.</i> ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРИРОДА И МЕХАНИЗМЫ.....	121
<i>Вашко И. М.</i> ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК БАЗИС ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ	128
<i>Веренич Г. Д., Марцева С. В.</i> ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ УСЛУГИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ	136
<i>Воронин С. М., Русак Е. С.</i> ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	142
<i>Жевлакова А. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ	149
<i>Кандричина И. Н., Богданович Е. Г.</i> ВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕФИЦИТА КАДРОВ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	159
<i>Климченя Л. С.</i> ЦИФРОВЫЕ ТОРГОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И ИХ МЕСТО В ТОРГОВОМ ОБСЛУЖИВАНИИ.....	165
<i>Леишук Е. С.</i> РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ПЕРСОНАЛА В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	174
<i>Мацукевич Н. А.</i> АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ	181
<i>Морозова М. Н.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ БЕЛАРУСИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	191
<i>Павлова Н. С., Данильченко А. В.</i> О ФОРМАХ И МОДЕЛЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	198
<i>Семашко Ю. В., Аснович Н. Г.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	210
<i>Флерко С. Л.</i> РАЗВИТИЕ ФРАНЧАЙЗИНГА КАК ФОРМЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ.....	217
<i>Щемелева Е. В.</i> ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ФИНАНСОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ....	224

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 24

В 2 частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Компьютерная верстка *К. А. Капустиной*

Корректор *Н. В. Боярова*

Подписано в печать 17.07.2025. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 13,6. Уч.-изд. л. 17,1. Тираж 37 экз. Заказ 60.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.